

ПИР–ЦЕНТР ПОЛИТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ В РОССИИ

НАУЧНЫЕ ЗАПИСКИ

№ 10

Иван Сафранчук

БУДУЩЕЕ ЯДЕРНЫХ СИЛ РОССИИ

МОСКВА, 1999

Научные Записки ПИР-Центра №9
ПИР-ЦЕНТР ПОЛИТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ В РОССИИ

НАУЧНЫЕ ЗАПИСКИ

№ 10

Иван Сафранчук
Научный сотрудник
ПИР-Центра

БУДУЩЕЕ ЯДЕРНЫХ СИЛ РОССИИ

Под редакцией кандидата политических наук
Дмитрия Евстафьева

СОДЕРЖАНИЕ

От редакции.....	4
Е.П. Маслин. Предисловие.....	5
Введение	8
Глава I. НЕКОТОРЫЕ ОСНОВНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ ТЕОРИИ ЯДЕРНОЙ СТРАТЕГИИ	15
Сдерживание.....	15
Ущерб и достаточность.....	16
Типы ядерных ударов.....	20
Противоракетная оборона.....	22
Открытие информации по ядерным арсеналам (транспарентность).....	27
Преимущества и недостатки различных ядерных средств.....	29
Глава II. ЯДЕРНЫЕ СИЛЫ И ЯДЕРНАЯ ПОЛИТИКА РОССИИ	31
Ядерное оружие в документах военного планирования.....	31
Роль ядерного оружия в осуществлении внешнеполитической стратегии России.....	35
Состав стратегических ядерных сил России.....	38
Система управления стратегическими ядерными силами России.....	45
Тактическое ядерное оружие России.....	51
Система управления тактическим ядерным оружием России.....	55
Ядерная политика России.....	56
Заключение. КАКИЕ ЯДЕРНЫЕ СИЛЫ И ПОЛИТИКА НЕОБХОДИМЫ РОССИИ	60
Определение интересов в военно-политической сфере.....	60
Возможные внешние военные угрозы национальной безопасности России..	60
Проблемы сдерживания недемократических и демократических режимов и выбор варианта сдерживания.....	61
Проблемы взаимозаменяемости вариантов сдерживания и ресурсов для их осуществления.....	63
Определение ресурсов для выбранного варианта ядерного сдерживания....	63
Критика.....	65
Ядерная политика России.....	66
Список используемых сокращений	68
Источники, литература и комментарии	69

Научные Записки ПИР-Центра №10

Москва, Апрель 1999
Выходят три раза в год
Издаются с января 1996 года

Журнал зарегистрирован в Государственном комитете РФ по печати
Свидетельство о регистрации № 017536 от 30 апреля 1998 г.

Настоящие «Записки» подготовлены в рамках научно-исследовательского
проекта пПИР-Центра
«Будущее ядерного оружия и ядерные силы России»

Дмитрий Евстафьев, редактор
Евгений Маслин, консультант
Карина Фуралева, помощник редактора
Мария Верникова, секретарь редакции
Татьяна Абрамова, корректор

Вячеслав Зайцев – бухгалтерия
Елена Трофимова – компьютерное
обеспечение
Наталья Харченко – распространение

Адрес для писем: Россия, Москва, 117454,
а/я 17, ПИР-Центр
Телефон редакции: +7+095–335–1955
(многоканальный)
Факс: +7+503–234–9558
Представительство в Интернет:
<http://www.pircenter.org>

Электронная почта:
info@pircenter.org (общие вопросы)
orlov@pircenter.org (письма директору)
library@pircenter.org (библиотека, базы
данных и архив)

Распространяется в Москве, Акмоле, Алма-Ате, Баку, Бишкеке, Вильнюсе, Душанбе, Ереване, Киеве, Минске, Риге, Таллине, Ташкенте, Тбилиси, Днепропетровске, Екатеринбурге, Красноярске, Новосибирске, Обнинске, Санкт-Петербурге, Северодвинске, Челябинске, Атланте, Афинах, Вашингтоне, Вене, Гарварде, Женеве, Лондоне, Монтерее, Нью-Йорке, Принстоне, Сан-Франциско, Стокгольме, Токио, Франкфурте.

Подписку можно оформить в редакции за наличный или безналичный расчет. Отдельные номера журнала можно приобрести там же. В розничную продажу не поступает. Тел. +7+095–335–1955.
Annual subscription overseas: please, send requests to fax +7+095–234–9558 or e-mail: subscription@pircenter.org. Checks or wire transfers. Express mail delivery.

Тираж: 900 экз.

Подписано в печать: 19 апреля 1999 года

Отпечатано в России

- Материалы «Научных Записок» не могут быть воспроизведены полностью либо частично в печатном, электронном или ином виде, иначе как с письменного разрешения Издателя.
- Публикуемые в «Записках» материалы, суждения и выводы могут не совпадать с точкой зрения ПИР-Центра и являются исключительно взглядами авторов.
- ПИР-Центр приветствует направление рукописей. Пожалуйста, предварительно запрашивайте описание требований, предъявляемых нами к рукописям (высылаются по почте, электронной почте или факсу). Рукописи не рецензируются и не возвращаются.

Издатель: ПИР-Центр политических исследований
Владимир А. Орлов, директор и член Совета
Владимир А. Мау, член Совета
Юрий Е. Федоров, член Совета

© ПИР-Центр, 1999

Научные Записки ПИР-Центра №10

ОТ РЕДАКЦИИ

Доклад «Будущее ядерных сил России» подготовлен по итогам работы ПИР-Центра в рамках научно-исследовательского проекта «Будущее ядерного оружия и ядерные силы России», первая стадия которого была осуществлена в период с января 1998 года по март 1999 года. Осуществление второй стадии данного проекта будет начато ПИР-Центром в июне с.г. Проект «Будущее ядерного оружия и ядерные силы России» осуществляется как составная часть Программы ПИР-Центра «Нераспространение и Россия».

Обсуждение отдельных положений настоящего доклада, прежде всего по вопросу о тактическом ядерном оружии России, было осуществлено в период реализации первой

стадии проекта в ходе заседаний Экспертно-консультативного совета ПИР-Центра и его рабочих групп.

В то же время Редакция *Научных Записок ПИР-Центра* обращает внимание читателей на то, что представляемый доклад является авторским, и поэтому не должен рассматриваться как выражающий позицию ПИР-Центра.

Мы искренне благодарны всем тем, кто своими ценными советами и рекомендациями помог в работе над отдельными частями доклада. Наша благодарность - Евгению Петровичу Маслину, Владимиру Семеновичу Белоусу, Николаю Павловичу Волошину, Сергею Александровичу Зеленцову и Николаю Николаевичу Сокову.

Научные Записки ПИР-Центра №10

ПРЕДИСЛОВИЕ

Подходит к концу первое десятилетие с момента окончания *холодной войны* – эпохи идеологического, политического, экономического и военного противостояния двух систем. Это было время беспрецедентной гонки вооружений, в том числе и ядерных. Сразу поле краха конфронтационной системы международных отношений в царившей тогда эйфории трудно было разобрать в том, каким же будет мир и какова в нем будет роль России. Одним перспективы казались очень светлыми и радужными, у других возникало ощущение *конца света*. Теперь, наверное, уже можно оглянуться и на прошедшее десятилетие и заглянуть в будущее. И главный вопрос, который пока решался, в основном исходя из политических пристрастий, а не на основе строгого анализа – это роль и значение ядерного оружия после *холодной войны*.

В самые кризисные периоды взаимоотношений двух полюсов, несмотря на глобальные противоречия практически во всех аспектах взаимоотношений, *холодный мир* удалось сохранить – третья мировая война не состоялась. Немаловажная роль в этом принадлежит ядерному оружию.

Уже со времени Карибского кризиса пришло понимание того, что в ядерной войне победителей не будет, и именно это понимание привело к политической и военной стабильности в течение нескольких десятилетий.

Последствия ядерной войны могут быть столь велики, что существование ядерного оружия заставляло многих, в первую очередь СССР и США, вырабатывать соответствующую политику совместного существования. Наследство *холодной войны* еще длительное время будет продолжать влиять на понимание роли и места ядерного оружия, но одно несомненно: ядерное оружие помогло сохранить мир.

Многие считали, что после окончания *холодной войны* ядерное оружие станет менее востребованным. Остается эта точка популярной в определенных кругах и сейчас. Действительно, мы видим, что достаточно активно идет процесс дальнейшего сокращения ядерных вооружений, как стратегических, так и тактических: подписаны договоры СНВ-1, СНВ-2, две сверхдержавы взяли на себя односторонние обязательства по

сокращению своих тактических ядерных арсеналов. Сделаны важные шаги и в деле укрепления режима нераспространения ядерного оружия: заключен ДВЗЯИ, продлен ДНЯО. Казалось бы, теперь крайне трудно понять роль ядерного сдерживания – нет крупномасштабных противоречий, характер задач и угроз, с которыми сталкивается мир после окончания *холодной войны*, коренным образом изменился, и в нынешней очень нестабильной обстановке вроде бы сходит на нет значение ядерного оружия.

Сегодня человечество живет в труднопрогнозируемом мире. В нем сохраняются большие и глубокие противоречия, хотя и иного характера, чем ранее. Мир стал более беспорядочным, как во внутривнутриполитическом, так и в международном плане. Неуклонно обостряются проблемы охраны окружающей среды. Экономические спады и кризисы, которым подвержены и стабильные экономики, могут привести к крупным социальным потрясениям, а последнее, в свою очередь, к региональным, а, может быть, и к глобальной нестабильности.

Какова же нынешняя роль ядерного оружия и есть ли у него будущее, хотя бы в ближайшей перспективе?

Существует две противоположные точки зрения на этот счет. Сторонники одной из них отстаивают мнение о необходимости полной ликвидации ядерного оружия. Вторые допускают сохранение некоторого минимального уровня ядерных вооружений, необходимого для обеспечения национальной безопасности. Следовательно, задача в том, чтобы правильно определить этот уровень в рамках новой мировой системы безопасности. Ясно, что сдерживание в настоящее время не нуждается в том количестве ядерных боеприпасов, которое накоплено за десятки лет его производства.

Вторая точка зрения выглядит для России более приемлемой. Реальность ныне такова, что современный мир и ядерные государства не готовы к решению проблем международной и национальной безопасности, когда они сталкиваются с угрозой применения против их войск и даже территории ОМУ. Так, новая ядерная доктрина США, помимо традиционного сдерживания, предусматривает использование ядерного оружия в региональных конфликтах как средства противодействия возможному применению не только ядерного, но и других видов ОМУ.

Научные Записки ПИР-Центра №10

В российских условиях судьба страны теснейшим образом связана с ядерным потенциалом, потому что именно ядерное оружие способно компенсировать слабость обычных вооружений. Сейчас нет армии Советского Союза, нет Варшавского договора, мощи которого, особенно в Европе, Запад мог противопоставить только ядерное оружие. В какой-то мере роли сейчас переменялись.

Россия, имея ядерный потенциал, должна быть способна защитить себя от всех видов ОМУ, каким бы маловероятным не казалось его применение, для чего необходимо, как уже было сказано выше, поддерживать ядерные силы на достаточном для обеспечения безопасности уровне. При этом следует отметить, что ядерные арсеналы не могут быть ликвидированы в короткий срок как в силу технических, так и экономических трудностей.

Необходимо также учитывать неизбежность столкновения в перспективе долговременных национальных интересов России и других государств, касающихся создания благоприятных внешних условий для собственного государства (сырьевые ресурсы, рынки сбыта и т.д.).

Как известно, постоянными членами Совета безопасности ООН – органа, призванного играть ключевую роль в решении важнейших вопросов мировой политики, являются государства, обладающие ядерным оружием, и это для России в ближайшем будущем, по-видимому, останется одним из основных факторов сохранения своего ядерного положения.

Кроме того, надо учитывать, что в мире происходит активный процесс распространения ядерных и ракетных технологий. Причем далеко не всегда этот процесс противоречит универсальным нормам международного права и обязательствам конкретного государства перед мировым сообществом. Остановить, предотвратить или повернуть вспять научный и технический прогресс невозможно. Поэтому в перспективе не исключено появление новых ядерных государств, стратегические интересы которых могут не совпадать с интересами России в области национальной безопасности.

Таким образом, нынешняя экономическая и политическая слабость России, а также внешнеполитические интересы страны предопределяют необходимость сохранения опоры на ядерное оружие и стратегию

ядерного сдерживания как основные факторы реализации базовых интересов Российской Федерации, прежде всего в области национальной безопасности. При этом важно не только сохранить способность сдерживания на стратегическом уровне, но и в полной мере использовать все возможности тактических ядерных вооружений на региональном уровне.

Как средство сдерживания ядерное оружие может применяться разнообразно и в первую очередь демонстративно: перевод в высшие степени боевой готовности и заявление об этом, ультиматум с определением места и времени нанесения ядерного удара, при невыполнении предъявляемых требований, проведение мобилизационных мероприятий по развертыванию ядерных сил и т.д.

Принуждение противника прекратить боевые действия может достигаться и нанесением ограниченных ударов, обеспечивающих решение определенных боевых задач и демонстрирующих решимость России прекратить агрессию любыми доступными ей способами. Лишение противника возможности продолжать боевые действия обеспечивается нанесением соответствующего ущерба его войскам и силам. Широкий спектр боевых возможностей ядерных сил позволяет выполнять задачи, соответствующие различным уровням сдерживания, обеспечивая деэскалацию боевых действий угрозой расширения масштабов применения ядерного оружия, включая нанесение ударов непосредственно по территории агрессора.

Вышесказанное, соответственно, предусматривает решительность и готовность применить ядерное оружие как крайнее средство отражения агрессии, хотя в нынешних условиях это и звучит несколько кощунственно.

Можно согласиться с мнением российских ученых-ядерщиков, что необходима и возможна модернизация ядерного оружия в плане повышения его безопасности, видоизменение поражающих факторов с целью обеспечения вывода из строя в первую очередь военной техники. Это достигается путем снижения мощности боеголовок, повышением точности и внедрением новых конструкторских решений.

Не следует забывать, что ядерное оружие для России является сейчас самым дешевым вооружением, и в обозримом будущем не предвидится создания каких-либо новых

Научные Записки ПИР-Центра №10

средств вооруженной борьбы, сравнимых по критерию *эффективность-стоимость* с ядерным оружием и способных его полностью заменить.

Только ядерное оружие, имеющееся у России, позволяет ей сохранять военно-политические

гарантии статуса великой державы и получать соответствующие дополнительные аргументы при отстаивании своих экономических и политических интересов в мировой политике.

Генерал-полковник Евгений Маслин

Научные Записки ПИР-Центра №10

ВВЕДЕНИЕ

Одна из проблем дискуссии по ядерным вопросам – это отсутствие четкой и обоснованной классификации ЯО на стратегическое и тактическое. Эти термины, как правило, употребляются эвентуально, и точное их значение становится ясно только из контекста. Вариантов классификации ЯО на тактическое и стратегическое может быть несколько. Отдавая себе отчет в том, что наиболее распространенный вариант классификации обладает рядом недостатков, автор все-таки считает целесообразным пользоваться именно им: под термином *тактическое ядерное оружие* далее в работе понимается все нестратегическое ЯО. Нестратегическое ЯО – это все ЯО, которое не является (или не являлось) предметом договоров ОСВ-1, СНВ-1 и СНВ-2. Стратегическое ЯО – все ЯО, которое является (или являлось) предметом этих договоров.

Козыревский период российской внешней политики, особенно, так называемый, первый его этап – 1992–1993 годы, с доминировавшими тогда либерально-западническими подходами к определению внешнеполитического курса страны, оставил в наследство *поправившей* в следующие несколько лет российской политической элите целый ряд неразрешенных проблем. Хотя тот период было принято называть временем прагматических подходов к внешней политике, по мнению автора, реально он имел романтический характер. Одна из наиболее сложных проблем в ряде оставшихся неразрешенными – это определение адекватности ЯО новым мировым реалиям как военного, так и внешнеполитического ресурса.

Логика *холодной войны* предопределила стереотип восприятия ЯО, его место в глобальном соревновании сверхдержав. США и Советский Союз имели одинаковые стратегические установки – уничтожение противника. Под эту цель создавались наступательные виды вооружений для разгрома противника и оборонительные для недопущения победы противника, если он нападет раньше.

Наличие у сторон только контрценностных потенциалов исключает возможность начала ядерной войны с рациональными целями при значительном запасе ЯО у сторон, поскольку ожидается ядерное возмездие противника. Для того чтобы обеспечить победу в ядерном

конflikте и минимизировать вероятные последствия в виде ядерного возмездия противника, необходимо уничтожить его ЯО в первом ударе. Отсюда переход к контрсилового концепции, который свидетельствует о стремлении сохранить ЯО как наступательное средство.

Осознание вероятных последствий применения ЯО подводило к мысли, что издержки его использования могут быть чрезмерными. Обе стороны решили, что применять ЯО следует только в ответ на некие недопустимые действия противника. Такая установка означает, что обе стороны фактически отказались от использования ЯО в качестве средства достижения основной цели своей внешней политики – уничтожения противника. Они перешли к использованию ЯО только в качестве оборонительного средства, средства сдерживания нежелательных действий противника.

Постепенно ЯО настолько укрепилось в сознании политиков и экспертов как неприменимое, что его почти перестали воспринимать как военное средство. Признавалось, что ЯО выполняет сдерживающую функцию только благодаря самому факту его наличия у сторон. А это уже некая иная модель сдерживания: сдерживающая функция выполняется не благодаря военно-техническим характеристикам, а исключительно благодаря факту наличия. Но если следовать этой логике, то можно было бы остановиться. Однако этого не случилось.

Во-первых, стороны стремились к соревнованию: каждой нужна была победа. Если нельзя уничтожить противника военными средствами, то необходимы иные соревновательные поля, где можно доказать свои преимущества. ЯО сохранялось в этом качестве, и гонка ядерных вооружений продолжилась. При этом к сдерживанию оно имело уже весьма опосредованное отношение. *Во-вторых*, нельзя исключать давления ядерного лобби в обеих странах, которое как раз и настояло на восприятии вышеизложенной логики.

Доминирующими стали представления, что основной целью ядерной политики является предотвращение ядерной войны¹. ЯО превратилось в угрозу, которая рассматривалась, как большая угроза, чем противник. Очевидно, что рациональной политики сдерживания в таких условиях быть

Научные Записки ПИР-Центра №10

просто не могло. Однако и признать это стороны были не готовы, поэтому ядерная политика и стратегия вылилась во взаимный блеф.

ЯО выполняет похожие, но все-таки различные функции как системный элемент международных отношений и как военный и/или внешнеполитический ресурс, находящийся в руках отдельного государства, поэтому вопросы странового и системного аспектов дискуссии о ЯО напрямую между собой не связаны. Большинство критиков ЯО доказывают, что ЯО *устарело* и не адекватно современным международным отношениям, перенося автоматически результаты своего анализа и на отечественный ядерный арсенал. В связи с этим представляется целесообразным перейти на их *поле* и попытаться доказать, что ЯО как системный элемент международных отношений сохраняет свое значение в современных условиях.

В середине девяностых годов обострилась дискуссия о ЯО: его будущем и настоящем. Все отчетливее в ней проявляется тенденция по дискредитации ЯО и постановки его *вне закона*. *Ядерные дебаты* уже третье десятилетие движутся, если не по кругу, то, по крайней мере, по спирали. И нынешний виток делегитимизации ЯО напоминает тот, что наблюдался на волне антиядерных европейских движений в конце семидесятых годов.

Необходимо отметить, что в спорах о ЯО сторонники этого *военного и внешнеполитического* средства находятся в заведомо худшем положении по сравнению с противниками *самого античеловечного оружия в истории человечества*.

Условно критиков ЯО можно разделить на моралистов и прагматиков. Особенность аргументации первых заключается в том, что они рассматривают его изолированно, вне контекста мировой политической системы и особенностей военно-силового регулирования в современном мире. Для них ЯО – это нечто изолированное и полностью самостоятельное. Умалчивая о системной составляющей ЯО, эти критики все внимание сосредоточивают на доказательстве его опасности и катастрофичности для человечества, что само по себе не лишено оснований и заслуживает внимания.

Крайне редко в настоящее время можно встретить детальный и неконъюнктурный

анализ недостатков ЯО и доказательств его ненужности. Именно в этом заключается позиция критиков ЯО из разряда прагматиков. Они считают, что по ряду причин, в определении которых нет единого мнения, ЯО стало бесполезным. Одни связывают ненужность ЯО с произошедшими в мире изменениями, в результате которых роль военно-силовых отношений, как многие считают, резко снизилась, а значит это распространяется и на такой элемент военно-силового регулирования как ЯО. Другие склонны искать причины ненужности ЯО не в глобальных мировых изменениях, а в особенностях самого ЯО, которое превратилось из боевого оружия, пройдя ряд превращений, как то *средство не прямого воздействия, политическое оружие*² и т.д. (попыток передать в определении функциональное предназначение ЯО было множество), в нечто совершенно иное – *психологическое оружие*. Логика доказательства подобной метаморфозы достаточно интересна. Есть два ее основных варианта. Первый можно условно назвать *упрощенным*, второй, соответственно, *сложным*.

В основе *упрощенного* варианта лежит тезис о том, что ЯО не применимо в реальном глобальном конфликте в силу своей огромной разрушительной мощи и неясности последствий боевого применения³. Это приводит к эффекту *самосдерживания*, обладатели ЯО в первую очередь сами боятся своего оружия. Отсюда справедливые (в рамках этой логики) выводы: *первый* – «Наша нынешняя ядерная политика зашла в тупик [...]. Наши ядерные силы не имеют никакого разумного военного применения»⁴; *второй* – «Единственной разумной целью военной политики может быть лишь предотвращение такой [ядерной – Авт.] войны, а не планирование ее ведения»⁵. Дж. Кеннан называл ЯО «наиболее бесполезным из когда-либо изобретенных вооружений», которое «не может быть использовано для достижения рациональных целей», в связи с чем возникает вопрос «являются ли ядерные средства вообще оружием...»⁶. В таких условиях говорить о ЯО как о военном и внешнеполитическом ресурсе не приходится.

Сложный вариант доказательства ненужности ЯО основан на разборе явления ядерной войны. Основное внимание сосредотачивается на том, что ядерная война не является войной⁷. Центральное место в системе доказательств занимает тезис: «в ядерный век война

Научные Записки ПИР-Центра №10

перестала быть продолжением политики». Конечным выводом цепочки рассуждений становится то, что ядерная война – это не война, а *качественно новое явление*. Значит, оружие для подобной *невойны* – это как бы совсем и *неоружие*. При этом указывается на то, что *качественно новое явление* совершенно недопустимо и катастрофично для всего человечества. Вывод очевиден: ЯО не имеет никакой рациональной функции как военный ресурс. Но, казалось бы, после этого логично подвести итог и заявить, что ЯО не нужно.

Однако до этого цепочка рассуждений не доходит. Как правило, за констатацией того, что ядерная война – это не война, а значит ЯО – это не военный ресурс, следует вывод: ЯО стало психологическим оружием с функциональным предназначением – сдерживание.

Тех, кто разделяет эти взгляды, нельзя причислить ни к сторонникам ЯО, ни к его противникам. Сами они могут себя относить и к тем, и к другим. Их логика заключается в том, что ЯО – это оружие, но с минимальной, практически нулевой, военной составляющей. Зато в нем велика невоенная ипостась: это психологическое оружие, основной функцией которого является сдерживание. Но не через военное, а через психологическое воздействие. Такая позиция позволяет им, *с одной стороны*, обрушиваться с гневными нападками на высказывания о ЯО как собственно оружию и критиковать все варианты планов его использования как военного ресурса. А *с другой*, – выступать поборниками российского *ядерного щита* и заявлять о том, что в нем основа безопасности России.

Несмотря на *аморфность* этой позиции, автор склонен причислять ее сторонников к противникам ЯО на том основании, что оружие – это не только *железки*, но и планы их боевого применения.

Итак, если суммировать аргументы критиков ЯО без учета различий среди них, то эти аргументы сводятся к следующему:

1. ЯО бесчеловечно (античеловечно), оно должно быть поставлено вне закона.
2. Мир за последние годы настолько изменился, что условия, в которых ЯО имело свою нишу в мировой военно-политической игре, ушли в прошлое.
3. ЯО не может быть использовано для достижения рациональных целей, поэтому оно не нужно; ЯО – это вообще не оружие, поскольку то социальное явление, которое

будет иметь место в условиях его применения, не будет иметь отличительных черт войны; ЯО является исключительно психологическим⁸.

Рассмотрим эти аргументы.

ЯО античеловечно и поэтому должно быть поставлено вне закона. ЯО признается самым бесчеловечным с учетом потенциала его массированного применения. Но ЯО – это несамостоятельная субстанция: оно не имеет собственной воли, а находится под контролем человека. Значит, во всех возможных катастрофических последствиях ядерных ударов виновато не собственно ЯО, а те, кто довел дело до его использования. Иначе получается, что ЯО – это некий *искус катастрофы*.

Некоторые авторы считали, что ЯО оказывает такое сильное эмоционально-психологическое воздействие на человека, что в определенной степени влияет на поведение человека, с ним работающего⁹. Но такие сомнения можно снять, если учитывать, что для такой работы должны отбираться морально устойчивые люди. Всякому, кто считает, что сомнения остаются, можно возразить, что точно такие же сомнения есть в любой технологичной сфере, где решающее значение имеет человеческий фактор. Ведь никто не отказывается летать на самолете на том основании, что руки пилота на штурвале могут *дрогнуть*. Сравнение вполне адекватное и правомерное (хотя на первый взгляд может показаться и по-другому) хотя бы потому, что и в том и в другом случае цена вопроса (или вернее потери в случае ошибки) для каждого конкретного человека, который отвечает на вопрос «жить в ядерном или безъядерном мире/лететь или не лететь на самолете», одинакова – жизнь.

Таким образом, *потенциальная катастрофичность* ЯО зависит от людей, им управляющих, – от политиков, элиты. И если мы искренне хотим избежать катастрофы, то надо стремиться к проведению такой политики, которая бы ее исключала. Страх перед ЯО этому способствует.

Мир за последние годы настолько изменился, что условия, в которых ЯО имело свою нишу в мировой военно-политической игре, ушли в прошлое. В настоящее время продолжается оформление новой системы международных отношений. По структуре, конфигурации система новая. Но можно принять и другие

Научные Записки ПИР-Центра №10

критерии, например, парадигму отношений между субъектами международных отношений. И в этом показателе никаких кардинальных изменений не произошло: военно-силовые отношения сохранили свое значение, хотя в начале девяностых годов многие специалисты-международники готовы были констатировать *отживание* военно-силовых отношений¹⁰.

Можно спорить, снижается ли роль военно-силовой компоненты в международных отношениях или нет. Пока мы оперируем данными за недостаточно длительный период времени для того, чтобы отследить долгосрочные тенденции. Даже если динамика такова, то при некотором снижении удельного веса военно-силовой компоненты ее относительная значимость остается, и еще далеко то время, когда можно будет констатировать неадекватность военного компонента в международных отношениях¹¹. Основой новой системы международных отношений остается *баланс сил (мощи)*, а не *баланс интересов* или *благополучия*, как предполагали либеральные авторы в начале девяностых годов. В мире сохраняется значительный конфликтный потенциал. Некоторые считают, что он даже возрос после окончания *холодной войны*¹², роль силового фактора и силового регулирования в новом мире может возрасти¹³. И может проявиться в любой форме. Значит, остается потребность в средствах реализации соревновательного потенциала военно-силового поля.

ЯО за время своего существования превратилось в стабилизатор системы международных отношений. Прежде всего в стабилизатор их военно-силовой составляющей. Наличие ЯО в совокупности с опасностью его применения становилось естественным ограничителем соперничества на военно-силовом поле. Оно, *с одной стороны*, приводило к ограничению масштабов конфликтов, а *с другой*, – *заземляло* амбиции отдельных мировых лидеров. При наличии ЯО страны, как обладающие им, так и необладающие, были вынуждены действовать *с оглядкой* на ЯФ.

Критики ЯО обычно указывают на то, что оно не предотвратило огромное количество локальных и региональных конфликтов. Но ЯФ начинал действовать как ограничитель только с определенного уровня конфликта. Использование тех стратегических сил сторон, которые были у СССР и США для предотвращения не крупных конфликтов было

проблематичным, хотя, в принципе, применение тех средств, которые мы сейчас называем стратегическими, для целей регионального сдерживания возможно при условии изменений как в параметрах самих этих средств, так и в планах их боевого применения. СЯС двух стран не предотвращали неглобальные конфликты. Однако они выступали как *эскалационный ограничитель* и предотвращали перерастание регионального конфликта в глобальный.

Другими словами, ЯО *локализовывало* конфликтный потенциал международных отношений на уровне, не доходящем до глобального/стратегического.

Если мы связываем ненужность ЯО с изменениями в международных отношениях, то необходимо доказать, что конфликтный потенциал международных отношений настолько незначителен, что нет заинтересованности в его ограничении, либо что появились иные ограничители.

Вряд ли кто-то сейчас всерьез будет доказывать отсутствие конфликтного потенциала международных отношений. Но достаточно активно высказываются предположения, что в новой системе есть иные эффективные ограничители соревнования на военно-силовом поле. К таковым принято относить прежде всего экономические факторы (экономическая взаимозависимость мира). Иногда указывают на приобретение международным правом большей значимости. В результате оно тоже становится не формальным, а реальным сдерживающим фактором.

Подобные заявления вызывают скепсис. Трудно отрицать, что выше приводившиеся факторы приобретают все большее значение. Тем не менее вызывает сомнение их способность выполнить означенные задачи.

Новые стабилизирующие факторы в основе своей невоенные. Конечно, в условиях взаимосвязи *соревновательных полей*, что выражается, например в том, что сейчас мы имеем дело не с *чистым балансом сил*, как основой системы, а *балансом мощи* (где, правда, велика доля именно чисто силовой составляющей), они могут оказать определенное влияние на *не свое поле*. Однако это влияние может быть весьма ограниченным. В условиях сохранения военно-силового поля как для активной игры на нем, так и для его балансирования и

Научные Записки ПИР-Центра №10

стабилизации необходимы именно военно-силовые компоненты.

Уникальность ЯО как внешнеполитического ресурса в том, что это первый тип оружия в истории человечества, который привел не к эскалации военной борьбы на силовом соревновательном поле, а к ее деэскалации. Пока никаких новых военных средств, которые обладали бы такой же уникальной особенностью не появилось. Поэтому остается лишь вновь использовать ЯО как стабилизатор системы международных отношений, прежде всего в их военно-силовой составляющей.

ЯО не может быть использовано для достижения рациональных целей, поэтому оно не нужно. Применимо или нет ЯО в реальном глобальном конфликте, трудно сказать, поскольку такого военного конфликта не было. Моделирование масштабных ядерных ударов дает противоречивые данные. Вопрос о применимости зависит от вопроса о последствиях использования. А каковы они будут – никто не знает. До сих пор специалисты не могут прийти к единому мнению хотя бы по вопросу о том, будет ли последствием ядерной войны глобальное и резкое похолодание (ядерная зима) или наоборот – потепление. Или в какой-то последовательности и то и другое. Неясность в оценках последствий приводит и к разным ответам на вопрос о применимости или неприменимости ЯО.

В условиях, когда нет достоверных данных по этому вопросу, все зависит от того, воспринимаем ли мы ЯО как применимое или как неприменимое. Парадокс, но в условиях, когда от ответа зависит не само применение ЯО (поскольку поборников ядерной войны в современном мире нет), а поведение в условиях его неприменения, фактически реальный ответ на вопрос состоит в том, как мы на него отвечаем. Если мы признаем ЯО неприменимым, то и действовать будем так, будто оно неприменимо, признаем применимым, значит в конкретных шагах исходить будем именно из этого. Таким образом, с точки зрения реальной политики мы сами можем сделать ЯО и применимым и неприменимым.

При недостатке данных для подстраховки целесообразнее исходить из худшего варианта: из применимости ЯО. Это означает, что с точки зрения влияния на принятие конкретных решений ЯО становится применимым¹⁴.

ЯО – это вообще не оружие, поскольку то социальное явление, которое будет иметь место в условиях его применения, не будет иметь отличительные черты войны; ЯО является исключительно психологическим. Позиция, что ЯО это психологическое оружие сдерживания не столь логична, как может показаться на первый взгляд. Однако в выплеснувшейся в конце восьмидесятых годов на страницы открытой печати дискуссии победили, по крайней мере количественно, именно сторонники такой позиции.

В начале девяностых годов глубокие внутренние перемены отодвинули ядерную проблематику на второй план. Последовавшая за этими переменами эйфория в виде констатации совпадения стратегических интересов РФ и США, *политического братания* двух стран и т.д. опять же не оставляли места для ядерной политики. И только когда *медовый месяц* закончился, вспомнили о ЯО. К тому времени в этой сфере уже устоялась, в условиях низкого интереса к проблематике в целом, приводившаяся ранее точка зрения.

Бессмысленно отрицать психологическую составляющую ЯО. Однако не надо ее считать присущей исключительно ЯО. Психологический аспект приобретает любой военный ресурс, который трансформируют во внешнеполитический, поскольку эта трансформация основана на возложении на военные средства сдерживающей функции. Сдерживание – это психологическая проблема¹⁵.

Другое дело, что ядерное сдерживание – это наиболее яркий пример сдерживания вообще, где его психологический аспект выступает в наиболее явном виде. Однако поскольку психологическая составляющая – это черта, присущая не только ЯО, то с таким же успехом психологическим можно назвать любое другое оружие, которое используется для выполнения сдерживающей функции. А такую функцию в мирное время выполняет практически все оружие.

Нелогичность рассматриваемой точки зрения заключается в разведении функций боевого применения и сдерживания. Вернее, в полном отрицании первого. Но тогда возникает вопрос, а что же собственно сдерживает? Ведь сдерживает не ракета или бомба как таковая, а ущерб, который может быть нанесен в результате боевого применения ракеты или бомбы. Без опции боевого применения ЯО

Научные Записки ПИР-Центра №10

превращается в груды бесполезного и дорогого *железа*. Если попытаться для демонстрации этой ситуации подобрать сравнение, то, с точки зрения автора, здесь вполне подойдет аллегория незаряженного пистолета. Сможет ли незаряженный пистолет выполнить сдерживающую функцию в отношении бандитов (или что-нибудь в этом роде) в условиях, когда общеизвестно, что он не заряжен. Очевидно, что нет. Впрочем каждому, кто считает, что сможет, стоит попробовать...

Оружие является внешнеполитическим ресурсом только если *во-первых* как силовой ресурс оно эффективно, и *во-вторых* есть вероятность его применения, причем в это верят обе стороны, и тот, кто угрожает его применить, и тот, против кого оно направлено. Поэтому анализ адекватности силовых факторов как внешнеполитических ресурсов напрямую связан с их адекватностью как военных ресурсов. То есть если выясняется, что определенный вид оружия не применим по тем или иным причинам, то его значимость как политического средства приближается к нулю. Такая постановка вопроса сейчас не популярна, особенно по отношению к ЯО. Например, военный историк Д.М. Прозатор писал: ЯО «становится скорее, так сказать, *политическим* оружием, выходя за рамки традиционного средства войны. Оружие прошлого – это прежде всего средство войны и лишь потом средство *непрямых* действий. А новейшее оружие – наоборот. Оно в первую очередь средство *непрямых* действий и лишь потом, в самом крайнем и почти невыносимом случае, – средство войны»¹⁶.

Назвать ЯО *психологическим* для сдерживания – не значит разъяснить проблему. В чем же у этого психологического оружия проявляется сдерживающий фактор, за счет чего оно сдерживает? Может быть, само словосочетание *психологическое оружие* обладает неким гипнотическим или мистическим воздействием. И стоит его произнести, как проявляется сдерживающая функция. Но тогда оно становится похоже на некую *вербальную волшебную палочку*, которую следовало бы наполнить более дешевым материальным содержанием. Ведь если практические функции все равно не важны (а они становятся такими, поскольку сторонники подобной точки зрения полностью отменяют все варианты практического применения ЯО), то тогда становятся необязательными и те параметры, которые обеспечивают реальность выполнения

практических функций. А если оказываются не важны эти параметры, то не имеет смысла и ядерная характеристика. Получается, что если довести послышки сторонников этой позиции до логического завершения, то функцию сдерживания, кроме ЯО, столь же эффективно может выполнить все что угодно.

Хорошо известно, что это не так. ЯО – это не груды *железа* с неизвестно откуда берущимся психологическим воздействием, а соответствующие средства плюс планы их боевого применения. Если таких планов нет, то нет и возможности нанесения ущерба. А если нет опасений подвергнуться воздействию в виде получения определенного уровня ущерба, то нет и основы у сдерживания. Без такой основы сдерживание становится блефом.

Сейчас это и происходит. ЯО воспринимается как все менее реальная опция. Оно официально никуда не нацелено, все чаще высказываются предложения по укреплению мер контроля и доверия в ядерной сфере, которые должны свестись к деактивации ЯО путем снятия боеголовок с носителей и, возможно, их отдаленного хранения от средств доставки.

Генеральная тенденция укрепления и технического обеспечения сдерживания выражалась в сокращении времени на подготовку ракеты к запуску и поддержании ее в практически постоянной стопроцентной боевой готовности. Предлагаемые *меры доверия* отбросят российский ядерный арсенал по показателю боевой готовности на десятки лет назад. При этом меры деактивации направлены прежде всего на наземную – ракетную составляющую триады – то есть они в основном будут действовать в отношении России.

Такие меры переведут ЯО в разряд пассивных военных и внешнеполитических ресурсов. При этом пропадает и столь любимая либералами психологическая сущность ЯО. Только эффективное военное средство может быть полезным внешнеполитическим ресурсом. Меры доверия ведут к полной девальвации военной составляющей, а как следствие и внешнеполитической. В результате – нет сдерживающей роли. Тогда нет и психологического аспекта, поскольку он является элементом сдерживания.

На самом деле следовало бы поддержать реалистичность опции сдерживания за счет

Научные Записки ПИР-Центра №10

укрепления военной составляющей ЯФ путем разработки реалистичной ядерной стратегии и доктрины, а также создания помимо закрытого, еще и сокращенного, но открытого (демонстрационного) варианта схем нацеливания.

Чем выше военная (боевая) составляющая ЯФ, тем меньше вероятность, что придется ей воспользоваться. Другими словами, тем реалистичнее сдерживание, и тем больше шансов на сохранение мира, который является следствием поддержания баланса системы международных отношений и отсутствия возможностей по ее силовому слоому.

Научные Записки ПИР-Центра №10

Глава I. НЕКОТОРЫЕ ОСНОВНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ ТЕОРИИ ЯДЕРНОЙ СТРАТЕГИИ

Сдерживание

Проблема сдерживания распадается на две составляющие: военную и политическую.

Военная составляющая сдерживания заключается в способности предотвратить агрессию за счет угрозы, не допустить военной победы противника в случае развязывания агрессии, а политическая – в способности предотвратить политическое давление противником (соперником), которое было бы основано на его превосходстве в военной сфере и умении провести успешную военную кампанию.

Если нет военной составляющей сдерживания, то противник (соперник) по факту имеет превосходство в военной сфере. Значит, доказав эту свою способность, он может использовать ее для оказания политического давления. Политическая составляющая сдерживания без военной не существует. По крайней мере, это справедливо при условии рационального принятия решений. В то же время приведенное выше утверждение не означает, что военная составляющая сдерживания автоматически превращается в политическую. Для этого необходимы механизмы трансформации военного ресурса в политический (внешнеполитический).

Военная составляющая сдерживания распадается на два компонента (недопущение победы противника возможно двумя способами). *Во-первых*, через демонстрацию способности отразить агрессию. *Во-вторых*, через демонстрацию способности увеличить издержки противной стороны вне поля боя до уровня, где приобретенные преимущества обесценивались бы. В первом случае противнику как бы не дают победить, а во втором его лишают победы. Эти два варианта военной составляющей сдерживания условно назовем *узкое* и *расширенное* сдерживание.

Ядерное сдерживание – то же, что и просто сдерживание. Только фактором, с помощью которого предполагается осуществить какой-то из вариантов сдерживания, является ядерный фактор. Конвенциональными силами фактически невозможно осуществлять вариант *расширенного* сдерживания, поэтому он применим только при ядерном сдерживании.

Определение сдерживания предполагает наличие противника. Но по официальным документам внешней политики и военного планирования у Российской Федерации нет в настоящее время противников. В то же время признается, что есть угрозы национальной безопасности РФ. Однако они в основном внутренние. Трудно предположить, что для нейтрализации внутренних угроз может быть использовано ЯО. Таким образом, получается, что если следовать официально принятым документам, то России политика сдерживания, по крайней мере ядерного, просто не нужна.

Правда, есть и такая точка зрения: ЯО предотвращает возможность появления крупных внешних военных угроз национальной безопасности РФ. В этом случае мы сталкиваемся с новой моделью сдерживания, которая ранее не существовала и не имела предпосылок к существованию. Логика сдерживания возникновения крупных внешних военных угроз предполагает, что в принципе появление таких угроз возможно. Значит, по сути, речь идет о соотношении потенциала и намерений. Предполагается, что некоторые страны обладают потенциалом для того, чтобы стать источником внешних военных угроз для России. Но пока у них нет соответствующих намерений, необходимый же для этого потенциал сохраняется. Выбирая между критериями потенциал/намерения, ориентировать надо на первое.

Таким образом, получается, что на самом деле мы сталкиваемся с традиционным подходом к сдерживанию. Фактически надо сдерживать потенциал. А вернее, появление и реализацию планов использования этого потенциала.

Компоненты политики сдерживания:

1. Вероятность возмездия (риск).
2. Уровень ущерба (риск).
3. Свобода поведения.
4. Объем предполагаемых приобретений.
5. Вероятность приобретений.

Зависимость между этими компонентами следующая. Между первой и второй, *с одной стороны*, и третьей обратная: чем выше вероятность возмездия и уровень ущерба от этого возмездия, тем меньше свобода поведения и стимул к нападению.

Между четвертой и пятой, *с одной стороны*, и третьей прямая: чем выше объем предполагаемых приобретений и вероятность этих приобретений, тем больше свобода действий и стимул к нападению.

Научные Записки ПИР-Центра №10

Между первой и второй, *с одной стороны*, и четвертой и пятой, *с другой*, – обратная.

Третья определяется факторами первой, второй, четвертой и пятой. Направление воздействия для первой и второй, *с одной стороны*, и четвертой и пятой, *с другой*, одно-векторное, то есть третья зависит от баланса первой, второй, четвертой и пятой. Для сдерживания необходим баланс, при котором первая и вторая перевешивали бы четвертую и пятую. Исходя из того, что факторы по одно-векторности действия распадаются на две группы (I группа – первая и вторая, II группа – четвертая и пятая), можно сделать вывод о том, что внутри этих групп факторы взаимозаменяемы. Это дает свободу маневра при определении конкретных положений ядерной политики, так как есть возможность на основе действия других ограничивающих факторов, не являющихся собственно ядерными (как то: объем ресурсов, международные обязательства и т.д.) варьировать внимание к каждому конкретному фактору внутри одной группы, учитывая при этом, что общий баланс между группами факторов не должен от этого изменяться.

Если государство стремиться к созданию возможностей для проведения агрессивной (наступательной политики), то, очевидно, оно будет стремиться к нивелированию факторов, ограничивающих свободу поведения и способствовать развитию факторов, расширяющих свободу поведения.

Ущерб и достаточность

Политическое и военное руководство страны сталкивается с проблемой определения количественных и качественных параметров ядерной группировки. Логика соревнования в рамках конфронтационной биполярной системы международных отношений, когда имело место глобальное соревнование между Советским Союзом и Соединенными Штатами, предполагала следующее решение данной проблемы: иметь ЯО надо было по количественным параметрам не меньше, чем у противной стороны, по качественным параметрам – как минимум те же разработки, что и у противной стороны. Такую модель определения количественных и качественных параметров ядерной группировки стали называть паритетом. Паритет стал основой ядерного сдерживания периода *холодной войны*¹⁷.

Наличие огромных арсеналов ЯО у каждой из сторон и их предполагаемая способность к

неоднократному уничтожению не только друг друга, но и всей планеты¹⁸, подвели специалистов к вопросу о том, насколько адекватна принятая модель определения параметров ядерной группировки. Ведь обладание арсеналом, достаточным для многократного уничтожения противника даже при самых неблагоприятных условиях, представляется бессмысленным. Справедливо, что главное не иметь столько же сколько противник, а быть в состоянии осуществить возмездие¹⁹.

Одним из первых это подметил американский исследователь Гордон Дин: «Дело в том, что, если соревнующимися достигнут такой этап, когда обе стороны обладают способностью уничтожить друг друга, то количественная сторона вопроса теряет свое значение»²⁰. Именно поэтому он еще в пятидесятые годы писал: «В настоящее время СССР и США достигли во всех областях ядерной энергии того, что по праву можно назвать *положением паритета*. [...] я не имею в виду одинаковое количество имеющихся у обеих сторон *больших бомб*»²¹. Однако на основе доминировавших представлений о паритете это состояние соотношения вооружений сторон констатировали только в конце шестидесятых годов.

Любая страна для максимизации своих конкурентных возможностей должна избегать непроизводительных расходов, к которым относятся в том числе и расходы на оборону. Значит, надо тратить на ЯО минимально необходимые суммы. Логика же определения параметров ядерной группировки предполагала практически неограниченные перспективы роста расходов на создание и обслуживание ЯО.

В данном случае необоснованным выглядит аргумент, что ЯО – это не самый тяжелый компонент военного бюджета: расходы на ядерные группировки и в Советском Союзе, и в США не превышали 10–15% всех расходов на оборону. Однако логика ядерного соревнования в биполярной системе предполагала увеличение этих расходов практически до бесконечности.

Основы критики модели определения параметров группировки понятны, но тем не менее их можно признать необоснованными. Дело в том, что сложившаяся модель вполне отражала логику ядерного соревнования. Когда стороны осознали, что наличные арсеналы ЯО позволяют им уничтожить друг

Научные Записки ПИР-Центра №10

друга и возможность приобретения неоспоримых односторонних преимуществ в ядерной сфере практически исключена, они перешли к иной модели ядерного сдерживания, где, как предполагалось, сдерживающую функцию выполняет сам факт наличия (обладания) ЯО. Выражением соперничества на этом поле стала логика ядерного соревнования с описанной моделью определения параметров ядерной группировки.

Таким образом, под сомнение надо было ставить не принцип паритета, а сложившуюся модель сдерживания и соответствующее ей ядерное соревнование сторон. Однако этого не произошло.

Сомнения в правильности модели паритета подтолкнули специалистов к рассмотрению принципов определения ядерной группировки по количественным и качественным показателям. Это делалось через:

- модификацию принципа паритета;
- введение новых принципов определения группировки: достаточность, минимальное ядерное сдерживание.

Модификация принципа паритета. Работа здесь шла по двум направлениям и свелась к более детальным подсчетам паритета, за счет варьирования критериев подсчета, и к рассмотрению возможностей несбалансированного развития отдельных элементов при сохранении общего баланса.

Первое направление. Традиционно основным был количественно-качественный показатель – сколько и чего у сторон есть. Примером определения такого показателя (его еще часто называют балансом) может служить следующая цитата: «[...] в основе современной концепции ядерного сдерживания конфликтов высокой интенсивности (ядерная война, широкомасштабная обычная война) лежит поддержание баланса ядерных вооружений по совокупности количественных [...] и качественных [...] показателей. Такой баланс исключает превосходство одной стороны над другой»²².

Однако можно ввести и другой критерий: не по *изделиям* (количеству и ассортименту), а по решаемым задачам. По потенциалу первого или ответного удара²³, уязвимости и т.д. Для примера приведем определение генерала Дворкина: «[...] баланс стратегических

наступательных вооружений [...] заключается в примерном равенстве не только количества боезарядов, но и боевых возможностей ядерных сил по контрсилового потенциалу, по способности вывода боевых средств из-под удара (по эффективности ответно-встречного удара), по количеству доставляемых к целям боезарядов в глубоком ответном ударе (по потенциалу сдерживания)»²⁴. Причем Владимир Дворкин связывает необходимость сохранения баланса с изменениями в понимании сдерживания: «[...] при традиционной модели сдерживания США от ядерного нападения баланс не обязателен, можно снизить требования к СЯС, обойтись меньшим числом боезарядов и пониженными боевыми возможностями... Но для решения проблемы сдерживания в новом понимании нужен баланс сил. Продвижение к такому балансу [...] способствует минимизации иллюзий о военном превосходстве в области СНВ и оснований для политического и экономического давления»²⁵.

Второе направление заключается в создании агрегированного показателя стратегического равновесия. В его рамках по отдельным компонентам можно было не иметь паритета с противником, но по агрегированному показателю он должен был быть. В этом направлении наиболее популярным стало следующее определение паритета: «Стратегический паритет или стратегическое равновесие понимается как примерное равенство в военной мощи и в первую очередь в стратегических наступательных и оборонительных силах»²⁶. *Новаторство* этого определения в том, что оно относится к арсеналам России и США, а раньше Советский Союз стремился к балансу в ядерной сфере со всеми ядерными державами.

Варианты модификации принципа паритета не меняли подхода к сдерживанию, а в силу этого продолжали его обслуживать, несколько трансформируя и облегчая модель сложившегося ядерного соревнования.

Значительная часть экспертов и политиков отошла от поддержки принципа паритета. Например, Сергей Картунов в одной из своих статей писал: «[...] для эффективного разубеждения США Россия на данном этапе не нуждается в обеспечении военно-стратегического паритета – будь то по количественному или качественному равенству в стратегических ядерных вооружениях или по равенству их боевых возможностей»²⁷. Схожих взглядов

Научные Записки ПИР-Центра №10

придерживаются еще некоторые отечественные и зарубежные политики и ученые²⁸.

Новые принципы определения количественных и качественных параметров ядерной группировки. Появилось несколько новых терминов, среди них наиболее употребимы следующие: достаточность, минимальное ядерное сдерживание²⁹. По сути, оба эти термина означают одно и то же.

Принцип достаточности предполагает, что выбираются задачи, которым должны соответствовать некие параметры группировки. При проведении выбранной политики необходимо ориентироваться, соответственно, только на эти параметры вне зависимости от параметров противника. Более употребимым стал термин *оборонная достаточность*, поскольку уровень достаточности определяется кругом и характером решаемых задач³⁰. Принцип оборонной достаточности «позволяет каждой из сторон иметь стратегические силы, способные осуществить оборонные действия по защите своей национальной территории и территории своих союзников, но не обеспечивающие возможность гарантированного поражения стратегических сил и важнейших государственных объектов вероятного противника»³¹. Для того чтобы подчеркнуть отличие принципа оборонной достаточности от традиционного понимания паритета, ряд авторов указывали на то, что «[...] оборонная достаточность может иметь место и в условиях неравенства сил сторон»³².

Правда, некоторые специалисты практически не проводили грани между терминами *достаточность* и *паритет*, определяя достаточность следующим образом: «Для нашей страны [СССР – Авт.] и государств, участников Варшавского договора, уровень достаточности для обороны находится в прямой зависимости от количественных и качественных показателей средств вооруженной борьбы США и их партнеров по НАТО»³³.

Подход *оборонной достаточности* представляется методологически правильным, но определить достаточность не просто. Обычно говорят, что уровень достаточности равен способности нанести неприемлемый ущерб противной стороне.

*Неприемлемый ущерб*³⁴. Как правило, под термином *неприемлемый ущерб* понимают

некий уровень ущерба, который противная сторона не готова принять в виде возмездия за свои действия. Иногда под *неприемлемым ущербом* подразумевают больший ущерб в ответных действиях: «[...] в случае нападения противник должен нанести ущерб, неизмеримо больший (*неприемлемый*) по сравнению с планируемой выгодой агрессии»³⁵. Такое понимание *неприемлемого ущерба* представляется необоснованным, так как, если ставится задача определения уровня ответных действий, достаточных для сдерживания нежелательных действий противника (в этом и состоит установка определения критерия *неприемлемого ущерба*), то ущерб, причиняемый в ответных действиях, может быть как равным выгоде от агрессии, так и меньшим. Не факт, что какая-то страна обязательно будет готова приобрести, скажем, 10 новых городов, завоевав территорию противника, заплатив при этом пятью (или даже одним) городом на своей территории, разрушенным ответным ядерным ударом³⁶.

Попытки выработать методологию подсчета *неприемлемого ущерба* наталкиваются на ряд непреодолимых, по крайней мере в настоящее время, трудностей³⁷. Часть специалистов считает, что «дискуссии об уровне *неприемлемого ущерба* могут, по-видимому, продолжаться безрезультатно столько же времени, сколько будет существовать ядерное оружие»³⁸.

Базисная неопределенность (может быть, и неопределимость) категории *неприемлемый ущерб* состоит в том, что при ее выработке необходимо учитывать факторы не количественного, а качественного характера, перевод которых в количественные показатели, что необходимо для объективных подсчетов, невозможен.

Например, необходимо учитывать так называемый *болевого порог* конкретной страны. Эта категория является отражением восприятия правящей элиты (или вернее той ее части, которая принимает военно-стратегические решения) ущерба, который может быть нанесен данной стране. Но каким образом определить это восприятие. Ведь это категория сугубо субъективная.

Причем ее субъективность проявляется в двух вариантах. *Во-первых*, эта категория субъективная, поскольку связана с отдельным индивидом, который при выработке своего мнения на данный счет не оперирует какой-то формулой подсчета, которая дает

Научные Записки ПИР-Центра №10

закономерный результат, определяемый только набором и соотношением подставляемых в нее исходных данных. Его решение основывается в том числе и на эмоционально-интуитивных особенностях восприятия. Во-вторых, само решение в силу его эмоционально-интуитивной основы обладает ограниченными возможностями временной объективизации (то есть со временем оно стало бы объективным в силу долговечности своего существования). Оно постоянно подвержено воздействию внешних раздражителей, которые могут оказать воздействие на эмоционально-интуитивное восприятие в любой конкретный момент времени и привести к внешне неспровоцированному изменению решения (мнения).

В определенном смысле слова процесс выработки мнения о *болевого порога* можно представить в виде *черного ящика*, механизм действия которого неизвестен. Однако стоит задача определения результатов работы *черного ящика*, то есть выходных данных. По мнению автора, в случае с определением *болевого порога* это принципиально невозможно.

Метод прогноза выходных данных *черного ящика* заключается в анализе закономерностей входных и выходных данных, то есть необходимо проследить некоторый период работы *черного ящика* и найти закономерности в соотношении данных на входе в него и на выходе из него. По сути, это хорошо известный *метод Монте Карло*. Отличительной чертой этого метода является прямо пропорциональная зависимость периода наблюдения и точности определения входных и выходных данных: чем дольше наблюдаем за работой *черного ящика* и чем, соответственно, у нас больше набор данных на входе и выходе, тем больше вероятность точного прогноза выходных показателей в каждом конкретном случае.

Таким образом, для работы с *черным ящиком* решающее значение имеет фактор времени. Это подразумевает то, что внутреннее содержание *черного ящика* и закономерности в его работе не подвержены изменениям на протяжении более-менее продолжительных периодов времени (чем больше эти периоды, тем лучше).

Категория же *болевого порога* в силу своей субъективной сущности подвержена изменениям по определению. Особенно если

учесть второй вариант ее субъективности (возможность перемены в любой конкретный момент времени под действием внешних факторов).

Иногда делаются попытки определить уровень неприемлемого ущерба без учета *болевого порога*. Наиболее известен в этом плане подсчет Макнамары, который определил неприемлемый ущерб следующим образом. Поражение 60–70% военно-экономического потенциала, до 1000 важнейших военных объектов и уничтожение 25–30% населения, для чего необходимо 400–500 ядерных зарядов мегатонной мощности³⁹. При этом реально от этих зарядов ущерб должен был быть больше, поскольку Макнамара в своих подсчетах учитывал не все поражающие факторы ЯО, а только ударную волну⁴⁰. Авторы работы «Ратификация Договора СНВ-2» считают неприемлемым ущербом поражение 20–25% населения и 50–60% промышленно-экономического потенциала страны⁴¹. Свои подсчеты критерия неприемлемого ущерба для США предложил Владимир Белоус – 25 боеголовки⁴².

Но возникает вопрос – почему выбраны именно эти показатели, а не иные? Ответ заключается в том, что подсчитывается уровень, при котором экономика, социум не смогут больше существовать. Но где гарантия, что именно этот уровень является достаточным для сдерживания тех, кто принимает решения – он может отклоняться как в меньшую, так и в большую сторону. На это можно возразить, что вряд ли рациональный политик или военный будет мириться с возмездием, которое ставит под сомнение возможность существования социума. Однако рационально мыслящий политик или военный вряд ли пойдет на потерю столицы.

Категория *болевого порога* подвержена изменениям и по объективным причинам. Базовыми данными для его определения является уровень развития страны и особенности ее политической культуры. Можно лишь констатировать, что чем выше уровень развития, тем ниже уровень *болевого порога*; чем меньше признаков демократичности в политической культуре, тем *болевого порог* выше. Однако в настоящее время практически все режимы недемократического характера встали на путь если не политической, то хотя бы экономической модернизации. В перспективе это приведет к изменениям в общественном

Научные Записки ПИР-Центра №10

сознании, результатом которого может с высокой степенью вероятности стать трансформация политической культуры и демократизация политической жизни. По форме этот процесс может отличаться от классических европейских демократических моделей. Однако этот вариант неустойчивости и изменчивости *болевого порога* имеет не краткосрочную, а среднесрочную и долгосрочную временную перспективу. В то же время необходимо учитывать, что такое *системное* изменение *болевого порога* не имеет ярко выраженных критериальных характеристик. Это означает, что определить во времени, когда же произошло изменение данной категории, нельзя.

Теоретически можно предположить два варианта изменения этой категории. *Во-первых*, плавное: по мере изменения в базовых характеристиках, связанных с уровнем развития и политической культурой происходит изменение восприятия категории *болевого порога*. *Во-вторых*, можно предположить, что изменение этой категории происходит скачкообразно: накапливается некий критический уровень изменений в базовых характеристиках, после чего происходит трансформация восприятия рассматриваемой категории.

Более вероятным представляется второй вариант. Тем не менее с точки зрения принятия решения работает первый вариант, так как невозможно определить критический уровень изменений, после достижения которого происходит пересмотр категории *болевого порога*. Этого нельзя сделать по тем же причинам, по каким нельзя сразу определить уровень *болевого порога*. Значит, надо выстраивать цепочку наблюдений за *черным ящиком*. Причем на каком-то этапе мы вновь столкнемся с неопределенной категорией, которую станем *раскрывать* тем же способом, и так до бесконечности.

Но если неизвестен критический уровень изменений и попытки его определения бесперспективны, то его достижения можно ожидать в любой момент. Поэтому с точки зрения принятия решения на практике работает вариант плавного изменения категории *болевого порога*. При нем ожидание изменений становится перманентным и предпринимаются меры для постоянной готовности к ним. При скачкообразном варианте изменений по приводившимся выше причинам необходима готовность к изменению категории в любой момент, то есть

ожидание изменений тоже становится перманентным состоянием.

Изменения в категории *болевого порога* возможны постоянно. Отсутствие изменений в каждый конкретный момент времени делает более вероятным наличие этих изменений в последующем. Значит, имеет место обратно пропорциональная зависимость между временным показателем и точностью прогноза работы *черного ящика*. Ранее же отмечалось, что особенностью анализа на основе метода *черного ящика* является прямо пропорциональная зависимость между временем и точностью.

Таким образом, особенности категории *болевого порога* и ее изменений делают невозможным использование метода *черного ящика* для определения этой категории. Но тогда она становится неопределяемой вообще. Можно примерно определить уровень ущерба, при котором происходит дезинтеграция экономики и общественной жизни (без учета того, насколько этот уровень близок к фактическому уровню сдерживания). Однако этот уровень при рациональном принятии решений явно завышен по отношению к уровню сдерживания.

В то же время можно сделать вывод о том, что при проведении политики сдерживания, целью которой является обеспечение возможности нанесения противнику возмездия на уровне не ниже *неприемлемого ущерба*, нет смысла при определении количественных и качественных параметров группировки ориентироваться на арсенал противника.

Типы ядерных ударов

Типы ядерных ударов можно классифицировать по двум критериям:

- по характеру удара: первый, ответный;
- по типу поражаемых целей: контрсиловой, контрценностный⁴³.

Всего получается четыре типа ядерных ударов: первый контрсиловой, ответный контрсиловой, первый контрценностный, ответный контрценностный.

Контрсиловой/контрценностный удар. Изначально термин *стратегические бомбардировки* понимался как поражение гражданских объектов (жилых районов городов, невоенной промышленности и т.д.). Потом поражение этих целей ядерными средствами стали называть контрценностным⁴⁴.

Научные Записки ПИР-Центра №10

Долгое время основными предполагаемыми объектами поражения ядерными средствами оставались именно гражданские цели. Однако при накоплении значительных арсеналов ЯО, но еще до отказа от политики приобретения преимуществ военного и политического характера за счет больших возможностей в ядерной сфере, стороны, прежде всего американцы, начали искать пути достижения этого. Результатом такой работы стал переход к контрсиловой концепции нацеливания. Это позволяло решить в конфликте ряд задач: *во-первых*, вывести из строя часть средств противника на его территории, и тем самым минимизировать ущерб для себя; *во-вторых*, создать базу для ведения ограниченной, *эскалационно подконтрольной* ядерной войны⁴⁵. Такое видение соответствовало логике развития ядерной стратегии и вело к дальнейшей гонке ядерных вооружений. Однако когда пришло осознание, что накопленные ядерные арсеналы не позволяют эффективно решать контрсиловые задачи, стороны перешли к иной политике – *борьбе* со своими ядерными арсеналами, которая преследовала только одну цель, легко выражаемую словами «лишь бы не было войны». При этом *бравады* продолжались, и публично концепция контрсилового нацеливания сохранялась⁴⁶. Контрценностную концепцию нацеливания все больше начинают критиковать с гуманистических позиций⁴⁷. Ряд специалистов высказывается в том плане, что разделить контрсиловое и контрценностное поражение нельзя, так как первое без второго не реально⁴⁸.

Зацикленность на гуманистических аспектах и отход от реального ядерного сдерживания не позволяли большинству экспертов рационально подойти к определению роли контрценностного поражения⁴⁹.

Первый удар. Обычно разделяют два понятия: первый удар и применение ЯО первыми. Предполагается, что первый удар может быть и неядерным, то есть под ним подразумевают неядерную агрессию⁵⁰. Есть еще один термин – *превентивный ядерный удар*, его употребление не устоялось. Можно предположить, что он наносится до развязывания обычной войны, а можно, что и после. Этот термин похож с термином *первый ядерный удар*. Для их разведения, автор предлагает описывать ими различные ситуации. Превентивный ядерный удар – ядерная агрессия, а не ответные действия. Первый ядерный удар – ответные ядерные действия на неядерные действия противника.

Уже много лет идет дискуссия по проблеме применения первыми ЯО. У этого вопроса большая история. Так, например, США никогда не отказывались от своего права на применение ЯО первыми. Советский Союз и страны ОВД в 1982 году взяли на себя односторонние добровольные обязательства о неприменении ЯО первыми⁵¹. В 1993 году Россия отказалась от этого обязательства. Некоторые специалисты считают, что Советский Союз и раньше готов был применить ЯО первым – «просто советские генералы не информировали об этом политбюро»⁵².

Вопрос о порядке применения ЯО является частным вопросом ядерной политики. То, какие обязательства в этой области готова взять на себя страна, зависит от характеристик ее ядерной политики. В условиях *холодной войны*, когда сложилась особая модель ядерного сдерживания, в которой ЯО было лишено военной составляющей, вопрос о применении первыми становился малозначимым, и наиболее рациональное его решение состояло в принятии односторонних обязательств.

При проведении политики сдерживания, в основе которой лежат военные возможности ЯО и вероятность его применения, решение более сложное. Но все равно оно зависит от деталей политики. Если предполагается сдерживание только ядерного нападения, то можно принять обязательство о неприменении первыми. Если задача состоит в сдерживании любой агрессии, то принимать такое обязательство нельзя.

В целом можно констатировать, что при принятии обязательств, ограничивающих право нанесения превентивного, или первого удара, снижаются возможности по трансформации ЯО из военного во внешнеполитический ресурс. Значит, если ставится задача максимизировать эти возможности, то необходим минимальный объем обязательств. В этом смысле можно согласиться с генералом армии Махмутом Гареевым: «Решимость о готовности первыми применить ядерное оружие в ответ на любую агрессию делает ядерное оружие наиболее эффективным как с точки зрения предупреждения потенциального агрессора, так и по надежности его применения»⁵³.

Активную кампанию в западных экспертных кругах, направленную на отказ от политики применения ЯО первыми⁵⁴, можно

Научные Записки ПИР-Центра №10

рассматривать с двух углов зрения⁵⁵. Во-первых, в рамках концепции сдерживания периода *холодной войны*, когда главным было не дать вспыхнуть ядерной войне (стороны боялись ЯО, в том числе и своего, больше, чем противника), усилия направленные на минимизацию вероятности начала ядерной войны, представляются оправданными. Во-вторых, американцы, обладающие подавляющим превосходством над любой страной и любой коалицией в мире по конвенциональным вооружениям, становятся объективно заинтересованы в максимальном выводе ЯО из арсенала активных военных, а стало быть политических, ресурсов, что расширяет их возможности по проецированию силы с применением обычных вооружений.

Ответный удар. Ответный удар принято разделять на собственно ОУ и ОВУ. Выбор вида ответного удара зависит от особенностей и задач проводимой политики. У каждого из этих типов ударов есть свои преимущества и недостатки.

ОВУ. Концепция ОВУ предполагает быстрое нанесение ответного ядерного удара на основе данных СПРН. Преимущества этого подхода состоят в том, что задействуется большая часть ядерного потенциала (то есть обеспечивается доставка большего количества боезарядов на объекты противника). Однако в концепции ОВУ заложена сложная психологическая проблема: отсутствие гарантий; отсутствие права на ошибку, права не принять решение о применении ЯО при наличии сомнений.

ОУ. Концепция ОУ предполагает нанесение ответного удара только после точного установления факта нанесения удара. К недостаткам этой концепции относят снижение количества боезарядов, которые будут доставлены на объекты противника. Достоинство ОУ в отсутствии изложенной выше психологической проблемы: после установления реального факта ядерного нападения решение на осуществление ядерного возмездия может считаться оправданным.

Это традиционный подход времен *холодной войны*. В его основе лежит предположение, что противник способен нанести эффективный контрсиловой превентивный (первый) удар. В случае отсутствия возможности нанесения эффективного контрсилового удара картина выглядит несколько иначе: исчезают преимущества ОВУ в сравнении с ОУ и

недостатки ОУ в сравнении с ОВУ. И по критерию стабильности более привлекательным становится ОУ.

Таким образом, при определении типа удара, закладываемого в ядерную политику, решающее значение имеет возможность противника нанести эффективный контрсиловой удар.

Противоракетная оборона

Логика ядерного противостояния привела СССР и США к осознанию необходимости ограничения оборонительных средств для предотвращения ядерного нападения.

Первоначально обе стороны приоритетное внимание уделяли развитию наступательных вооружений. В середине шестидесятых годов обратили внимание на оборонную сферу. Первым это сделал СССР, начавший во второй половине шестидесятых годов реализацию планов по модернизации систем обороны воздушного пространства вокруг столицы с приданием ей не только функций ПВО, но и способности ПРО. Были планы создания в перспективе и общенациональной системы ПРО. К концу шестидесятых годов активизировались в этом вопросе США, развернувшие широкие исследовательские программы создания противоракетных систем, в том числе и на территории всей страны.

К началу семидесятых годов наметилась тенденция создания дополнительного соревновательного поля в ядерной сфере – создание систем ПРО. Вместе с тем пришло и осознание того, что претворение в жизнь планов сторон в этой сфере может привести к нивелированию сдерживающей функции ЯО и, как следствие, к обострению противостояния.

В результате в 1972 году был подписан договор по ПРО. Он запрещал создание систем противоракетной обороны всей страны, но разрешал создание двух районов обороны против стратегических ракет. В 1974 году в ходе визита в СССР президента США Ричарда Никсона был подписан протокол, ставший составной частью договора 1972 года, в котором количество разрешенных районов стратегической обороны сокращалось до одного. Еще одно уточнение в договор было внесено в 1979 году с принятием протокола, по которому стратегическими считались только системы, испытанные как таковые. По договору 1972 года в разряд стратегических могли быть отнесены все системы ПРО, в

Научные Записки ПИР-Центра №10

принципе способные сбивать стратегические ракеты.

Договор по ПРО легитимизировал в международно-правовом плане превалирование ядерных наступательных средств над средствами обороны против СНВ. Это отражало философскую установку на изменение отношений между категориями обороны и нападения в ядерную эпоху. Родоначальниками этой концепции были отечественные специалисты. Сейчас можно спорить о том, пошел ли Советский Союз на заключение договора по ПРО, потому что США догнали к концу шестидесятых – началу семидесятых годов Советский Союз в сфере ПРО, или потому что СССР следовал неким концептуальным установкам в этом вопросе. Однако фактом остается то, что Советский Союз последовательно отстаивал концепцию изменения баланса наступления и обороны в ядерную эпоху.

Бывший заместитель начальника Генерального Штаба и бывший первый заместитель министра иностранных дел, Ахромеев и Корниенко, соответственно, отмечали в одной из своих работ, что в ядерный век соотношение между обороной и нападением изменилось, и неразвертывание новых систем ПРО (то есть полное соблюдение договора 1972 года) является основополагающим фактором поддержания стратегической стабильности⁵⁶.

На Западе к этой формуле относились по-разному. Были те, кто ее поддерживал. Среди противников ПРО (СОИ) на Западе были и такие, кто считал развитие этих программ делом пустым не потому, что они подрывали логику и основы ядерного сдерживания, а потому, что сама идея казалась им неосуществимой технически⁵⁷.

Противники такой постановки вопроса о соотношении нападения и обороны в своих рассуждениях исходили из двух различных посылок, на основании чего их можно условно разделить на две группы. Однако их объединяет традиционный подход к соотношению наступления и обороны в ядерный век: развитие оборонительных возможностей ведет к большей безопасности как отдельной страны, так и мира в целом⁵⁸. Предпосылки такой логики можно найти еще в ранних работах Генри Киссинджера. Например, он писал: «В век баллистических снарядов известная способность общества выдержать серьезное нападение будет

становиться все более сдерживающим фактором»⁵⁹.

К первой группе относятся те, кто считал, что ядерная война по различным причинам, в том числе и противоречащим воле противостоящих сторон, в принципе возможна. А если это так, то необходимо иметь максимум средств для минимизации последствий войны, *с одной стороны*, и по расширению способности ведения ядерной войны, *с другой* (в английском варианте последнее обозначается как *warfighting capability*). Соответственно система стратегической ПРО позволяла расширить и способность ведения ядерной войны, так как увеличивала шансы по достижению победы, и позволяла, по крайней мере в теории, минимизировать последствия обмена ядерными ударами для стороны, имеющей стратегическую ПРО.

О том, насколько такая точка зрения обоснована, можно спорить. Прежде всего необходимо учитывать, что все дискуссии о последствиях ядерного обмена и предположения о возможности или невозможности достижения победы в ядерной войне строятся на основе не просто недостатка, а практически полного отсутствия эмпирических данных. Специалисты оперируют результатами моделирования обмена ядерными ударами и данными о разрушительной силе ядерных зарядов. По некоторым данным 200–300 ядерных зарядов может быть достаточно для нанесения какой-то из двух крупнейших ядерных держав ущерба, который отбросит их на уровень развития беднейших стран Африки⁶⁰. Так же есть оценки, что система стратегической обороны, основанная на современных технологиях, способна обеспечить уровень поражения стратегических носителей, не превышающий 50%⁶¹. При использовании этих данных, с учетом имевшихся у двух сторон ядерных БГ на стратегических носителях, получается, что каждая из сторон была способна доставить на территорию противника как минимум четыре тысячи боезарядов мегатонного класса. То есть это количество, которое в 15–20 раз превышает приводившийся уровень, необходимый для нанесения ущерба, сопоставляемого с возвращением каждой из сторон на уровень развития беднейших стран Африки. Конечно, здесь необходимо учитывать *закон малых чисел*, согласно которому относительный ущерб, наносимый каждым следующим боезарядом, меньше, чем ущерб от

Научные Записки ПИР-Центра №10

предыдущего заряда: по мере увеличения уровня разрушений каждый следующий удар добавляет в процентном отношении все меньше. По этому нельзя, автоматически подсчитав уровень *лишних* зарядов, составляющий в количественном отношении двадцатикратное превышение заданного уровня, автоматически перенести этот показатель на уровень ущерба и сказать, что стороны могли бы 20 раз отбросить друг друга на уровень беднейших стран Африки, или на уровень в двадцать раз худший, чем у беднейших стран.

Однако приводившиеся данные позволяют выразить сомнения в том, что стратегическая система ПРО в значительной степени минимизировала бы уровень ущерба для страны, ей владеющей. Значит, незначительно были бы расширены возможности по достижению победы в ядерной войне.

Другие сторонники ПРО считали, что стратегическая система обороны, наоборот, будет способствовать не приобретению дополнительных возможностей ведения ядерной войны, а ликвидации этих возможностей, что приведет к установлению прочного мира и отсутствию предпосылок для развязывания стратегической ядерной войны. Сторонником такой точки зрения был, в частности, Рональд Рейган. На такой теоретической посылке была основана его идея СОИ.

Сейчас еще нельзя точно сказать, насколько серьезной была опция СОИ сама по себе. Необходимо изучение архивных данных, особенно материалов спецслужб США, которые еще долгое время останутся недоступными. В последние годы все большую популярность в среде ученых приобретает точка зрения, что СОИ была операцией американской разведки по экономическому истощению Советского Союза⁶². По некоторым данным подобная же точка зрения высказывалась и в первой половине восьмидесятых годов некоторыми отечественными специалистами, например вице-президентом АН СССР Евгением Велиховым.

Даже если в практическом плане программа СОИ была дезинформацией для втягивания СССР в непосильное для него соревнование, что впрочем пока не доказано (факт провала планов СОИ нельзя рассматривать как доказательство), то все равно представляет интерес концептуально-теоретическое

обоснование этой программы, так как оно представляет из себя попытку связать наращивание оборонительных возможностей против СНВ и ядерное разоружение.

Суть идеи заключалась в том, что за время соревнования в ядерной сфере стороны накопили арсеналы, позволяющие им неоднократно друг друга уничтожить. Говорить о полной безопасности в ядерный век нельзя, поскольку хотя бы минимальная опасность ядерной войны будет существовать до тех пор, пока существуют сами ядерные вооружения. Нестабильность отношений двух стран приводит к повышению вероятности ядерной войны в отдельные периоды времени. На основе этого предлагался выход в виде создания эффективных систем защиты против СНВ в виде СОИ. Причем президент Рейган предлагал создание такой системы не только для США, но и для СССР⁶³. При создании таких систем сдерживающая роль ЯО была бы нивелирована. Сам Рональд Рейган изложил это следующим образом в речи 23 марта 1983 года: «До сих пор мы поддерживали международную стабильность с помощью угрозы возмездия [...] Разве не было бы лучше спасти жизнь людей вместо того, чтобы мстить за погибших?»⁶⁴

Советская сторона в то время расценивала предложения американского президента как опасный курс обострения двусторонних отношений через получение односторонних преимуществ в области стратегических вооружений над СССР. Инициативу Рейгана по передаче СССР технологий стратегической ПРО в Москве рассматривали как пропагандистское заявление. Для этого у Советского Союза были основания, поскольку одновременно с развитием оборонной составляющей США проводили и программу модернизации СНВ.

Идея достижения целей разоружения через развитие эффективных систем ПРО не лишена смысла. Но только при соблюдении двух принципов: взаимности обладания такими системами⁶⁵, их высокой эффективности⁶⁶. В остальных случаях попытки приобретения ПРО следует рассматривать как нарушение стратегической стабильности и подрыв политики сдерживания.

Нью-йоркские соглашения и перспективы сохранения договора по ПРО. В Нью-Йорке 26 сентября 1997 года пятью сторонами (Россия, США, Украина, Белоруссия и Казахстан) был подписан пакет соглашений относительно

Научные Записки ПИР-Центра №10

договора по противоракетной обороне (ПРО), который включает в себя «Меморандум о договоренности в связи с договором между Союзом Советских Социалистических Республик и Соединенными Штатами Америки об ограничении систем противоракетной обороны от 26 мая 1972 года», «Соглашение о мерах укрепления доверия в отношении систем борьбы с баллистическими ракетами, не являющимися стратегическими баллистическими ракетами», «Совместное заявление относительно ежегодного обмена информацией о состоянии планов и программ в отношении систем борьбы с баллистическими ракетами, не являющимися стратегическими баллистическими ракетами», «Положение о постоянной консультативной комиссии». Кроме этого, были приняты два согласованных заявления в связи с договором между СССР и США об ограничении систем ПРО, два общих понимания к этим заявлениям и заявления каждой из сторон о планах в отношении систем борьбы с баллистическими ракетами, не являющимися стратегическими баллистическими ракетами.

Принятые документы широко освещались отечественными и зарубежными СМИ⁶⁷. Анализ публикуемых комментариев показывает, что основное внимание в них уделяется установленным критериям разграничения стратегических и тактических систем ПРО, что не отражает в полной мере всего объема принятого пакета соглашений и его влияние на будущее договора по ПРО.

Критерии разграничения систем ПРО, заложенные в подписанных документах, были согласованы на Хельсинской встрече президентов России и США. Тогда же американская сторона заявила, что все ее нынешние программы в области ПРО укладываются в согласованные критерии. Российская сторона ответила, что это надо решать не каждой стороне, а совместно в рамках консультативной комиссии⁶⁸. Это характеризует подход американской стороны к достигнутым договоренностям, США с самого начала неохотно шли на переговоры по разграничению систем ПРО⁶⁹.

США изначально настаивали на принятии поправок к договору по ПРО, а российская сторона считала, что переговоров собственно по договору быть не может, а значит и поправок к нему. В результате Россия согласилась на американскую формулу. Последствия этого шага пока оценить трудно,

но несомненно, что внесение поправок в договор, который, как говорится в одном из подписанных в Нью-Йорке документов, является «краеугольным камнем стратегической стабильности», может иметь долгосрочные и неблагоприятные последствия для РФ.

Платой за уступку в вопросе об оформлении изменений (уточнений) в договоре со стороны США было согласие на расширение состава его участников за счет присоединения к нему Украины, Белоруссии и Казахстана в качестве государств-правопреемников бывшего СССР, хотя американский Сенат выступал резко против этого, и при принятии решения о фланговых ограничениях договора об обычных вооружениях в Европе даже пытался увязать эти два вопроса.

В основе идеи расширения состава участников лежит предположение, что в этом случае в него труднее вносить изменения, что должно быть выгодно российской стороне. Это справедливо в условиях действия правила консенсуса, которое предусмотрено для принятия решений в рамках постоянной консультативной комиссии.

С одной стороны, за счет расширения состава участников усложняется процесс внесения дальнейших изменений в договор, но, *с другой*, – возможно, РФ должна будет оплачивать нужную позицию этих государств. США же, обладающие большими по сравнению с РФ возможностями по *оплате добрых услуг*, получают возможность в случае необходимости оставить РФ в рамках консультативной комиссии в меньшинстве, что не будет иметь непосредственного значения для будущего договора, но, скорее всего, отрицательно скажется на информационно-пропагандистском обеспечении российской позиции.

В подписанных документах говорится, что государства-правопреемники СССР будут иметь лишь один район размещения системы ПРО. Сейчас это Москва. Однако ничто не мешает новым сторонам договора потребовать пересмотра данного положения в их пользу. К тому же, поскольку данное положение является теперь частью договора, в случае поднятия этого вопроса какой-то из сторон, он будет рассматриваться в рамках постоянной консультативной комиссии, то есть с участием США.

Научные Записки ПИР-Центра №10

В случае создания только ПРО ТВД США не будут иметь никаких ограничений. В подписанных соглашениях предусматривается неиспользование систем ПРО для борьбы с нестратегическими баллистическими ракетами другой стороны. Меры по обеспечению этого сводятся к обмену информацией по соответствующим программам как в области создания противоракет, так и в области разработки новых баллистических ракет и боеголовок. Однако наличие такой информации не означает, что она будет использована для неприятия системе ПРО способности поражать баллистические стратегические ракеты другой стороны, а не наоборот.

Если США станут создавать и ПРО ТВД и стратегическую ПРО, то в новых условиях им будет легче сделать это без выхода из договора. Договор по ПРО приобрел особое значение в международных отношениях и был широко распропагандирован в общественном мнении. В результате выход из договора фактически означает провоцирование неблагоприятной реакции общества и обвинений в милитаризме. Кроме этого, учитывая особую чуткость России в этом вопросе, в случае грубого его нарушения можно ожидать и резкой российской реакции. Модификация же договора дает возможность приспособить его к задачам военного планирования, избежав при этом приводившиеся выше трудности. Пока договор удалось приспособить лишь к планам создания ПРО ТВД. Однако начавшийся процесс внесения поправок (уточнений) и расширения состава участников при одновременном оформлении правил их взаимодействия в данном вопросе позволяют говорить о том, что заложены основы для дальнейшей модификации договора, то есть для приведения его в соответствие с планами военного строительства без провоцирования нежелательных последствий.

Вызывает сомнения сам принцип подгона существующего договора под конкретные военные планы, поскольку международно-правовые ограничения в области вооружений создаются для того, чтобы определенные военные мероприятия были не осуществимы. Если складываются условия, когда некоторая часть военных планов перестает признаваться опасной и неблагоприятной для сохранения стратегической стабильности, то необходим кардинальный пересмотр соглашения. В обоих случаях необходимо совпадение

принципиальных позиций сторон. В настоящее время этого не наблюдается.

США выражают детерминированность в вопросе создания ПРО, но не готовы пойти на открытый выход из договора. Россия тоже заинтересована в создании ПРО ТВД, резко возражая против строительства стратегических систем ПРО территории страны. Но Россия не располагает эффективными механизмами предотвращения развала договора по ПРО и поэтому вынуждена идти на принятие мягких путей развала договора, сохраняя тем самым лицо и избегая резкого обострения отношений с США. Таким образом, РФ *имитирует* поддержание стратегической стабильности.

В апреле 1998 года президент внес на ратификацию в Госдуму четыре документа из пакета по ПРО, согласованного 26 сентября 1997 года⁷⁰:

- Меморандум о договоренности в связи с Договором между Союзом Советских Социалистических Республик и Соединенными Штатами Америки об ограничении систем противоракетной обороны от 26 мая 1972 года, подписанный в Нью-Йорке 26 сентября 1997 года.
- Первое согласованное заявление в связи с Договором между Союзом Советских Социалистических Республик и Соединенными Штатами Америки об ограничении систем противоракетной обороны от 26 мая 1972 года, подписанное в Нью-Йорке 26 сентября 1997 года.
- Второе согласованное заявление в связи с Договором между Союзом Советских Социалистических Республик и Соединенными Штатами Америки об ограничении систем противоракетной обороны от 26 мая 1972 года, подписанное в Нью-Йорке 26 сентября 1997 года.
- Соглашение о мерах укрепления доверия в отношении систем борьбы с баллистическими ракетами, не являющимися стратегическими баллистическими ракетами, подписанное в Нью-Йорке 26 сентября 1997 года.

Согласно распоряжению президента РФ ответственными за ратификацию этих документов были назначены первый заместитель министра иностранных дел РФ Игорь Иванов и начальник Генерального штаба ВС РФ Анатолий Квашнин⁷¹. Работа по подготовке пакета договоренностей по ПРО

Научные Записки ПИР-Центра №10

идет неактивно. В комитете Госдумы по международным делам его практически не рассматривали. Ставка делается на то, что, если депутаты ратифицируют договор СНВ-2, то ратифицируют и соглашения по ПРО. Такая логика представляется достаточно сомнительной, поскольку именно соглашения в области ограничения систем ПРО заложили основы политики сдерживания. И в этом смысле договоренности по ПРО *первичнее* договоренностей по сокращению СНВ.

Открытие информации по ядерным арсеналам (транспарентность)

В последние десять лет появилось много информации по ядерным вооружениям двух стран – США и России. Предпосылкой для этого стало развитие переговорного процесса по ядерным вооружениям. Договоры о сокращениях ядерных вооружений, начиная с договора о ликвидации РСМД, сопровождали открытые протоколы о количестве, основных ТТХ и дислокации ядерных средств, являющихся предметом переговоров.

По мере развития разоруженческого процесса стали появляться новые идеи в области транспарентности ядерных сил двух стран. Они, по сути, перекликаются с подобными же предложениями в области конвенциональных вооружений. Связь мер доверия в ядерной и конвенциональной сферах подчеркивается сторонниками подобных предложений⁷². Появлялись предложения о большей открытости ядерной стратегии и политики каждой страны, введении мер доверия в области ядерных вооружений. Такая логика ранее использовалась для осуществления подобных мер в отношении обычных вооружений и вооруженных сил. Предполагается, что чем больше у каждой из сторон информации не только о ядерных силах противной стороны (количество и ТТХ носителей и боеголовок, расположение баз), но и о ее ядерной политике, а также оперативных планах, тем меньше вероятность возникновения ядерной войны.

Основным в развитии транспарентности стало направление создания механизмов мер доверия. В чем суть мер доверия? Во время переговоров об обычных вооружениях в Европе возникла идея, что предотвратить внезапное нападение противника можно, если лишить его фактора внезапности. Внезапность – один из основных постулатов тактики в военном искусстве двух стран, и он имел важное значение. Общим было мнение, что без обеспечения внезапности проведение

успешной военной операции невозможно. Для того чтобы лишить противника внезапности, необходимо обязать его предоставлять информацию об учениях и маневрах, переброске войск и техники, передислокации личного состава и вооружений, сосредоточении средств и сил и т.д., то есть о военной активности. Чем больший объем военной активности охвачен мерами доверия, тем меньше вероятность нападения: обеспечить агрессию при соблюдении глубоких мер доверия практически невозможно.

Эту же логическую посылку стали применять в случае с ЯО. Одна из основ ядерного соревнования времен *холодной войны* – стремление к приобретению возможностей для обезоруживающего ядерного удара. Таковым мог быть только внезапный удар. Значит, для снижения вероятности начала ядерной войны необходимо нейтрализовать фактор внезапности. Каким образом? Почему бы не так же, как в случае с обычными вооружениями? Стремление, прежде всего американцев, к получению максимума информации о ядерных силах России проявилось в договоре СНВ-1. Нужны были данные в первую очередь о ЯО, не находящемся постоянно в поле зрения средств наблюдения и слежения (мобильные ракетные комплексы – SS-25, SS-24). По СНВ-1 SS-24 были поставлены на прикол в оговоренных местах, а SS-25 ограничены по районам несения боевого дежурства.

Проблема предотвращения внезапности нападения имеет и другой аспект. Появилась идея не только исключить собственно внезапность, но и максимально увеличить время, необходимое для нанесения ядерного удара. Меры доверия стали сводиться в основном к деактивации ЯО.

Есть два направления этой работы:

1. Снятие полетных заданий (ненацеливание).
2. Собственно деактивация (отстыковка ядерных боеголовок от носителей и отдельное их складирование, удаленность мест складирования от средств доставки).

Ненацеливание. Был заключен ряд соглашений о ненацеливании:

- первое соглашение о ненацеливании было заключено между Россией и США в 1994 году. В нем речь шла о том, что полетные задания с ракет, нацеленных друг на друга снимаются⁷³;

Научные Записки ПИР-Центра №10

- через четыре месяца на встрече в верхах было достигнуто аналогичное соглашение с Китаем⁷⁴;
- 27 мая 1997 года на церемонии подписания Основопологающего акта «Россия–НАТО» президент РФ заявил о снятии боеголовок с ядерных средств России, нацеленных на страны НАТО. В тот же день пресс-секретарь Бориса Ельцина и министр иностранных дел дали дополнительные разъяснения, из которых следовало, что президент имел в виду следующее: с этих ядерных средств снимаются полетные задания, отстыковка боеголовок произойдет на взаимной основе, если будут достигнуты такие договоренности⁷⁵;
- во время встречи *восемьмерки* в Денвере, 20 июня 1997 года, Борис Ельцин, встречаясь с премьер-министром Японии, заявил о том, что российское ЯО не будет больше нацелено на Японию. Пресс-секретарь президента Сергей Ястержембский пояснил, что формальное решение пока не принято, но после заявления президента оно последует⁷⁶.

Решения о ненацеливании носят во многом символический характер, поскольку по мнению большинства специалистов полетные задания могут быть возвращены в ракеты за несколько минут⁷⁷. Некоторые предполагают, что речь идет даже о десятках секунд.

Несмотря на свой символический характер, подобные шаги хорошо воспринимаются мировым сообществом и поэтому вполне могут пополнить арсенал пропагандистских средств.

С точки зрения реальной ядерной политики они бесполезны. Попытка учета фактора ненацеливания при составлении военных планов приводит к традиционному противоречию между средствами (потенциалом) и намерениями. В большинстве случаев подобная дилемма решается в пользу последнего: фактор ненацеливания просто не учитывается.

Деактивация. Пока эти меры не получили широкого распространения. Они зафиксированы только в письмах руководителей внешнеполитических ведомств России и США. На встрече в верхах в Хельсинки президенты России и США договорились о продлении периода сокращений по СНВ-2 до 2007 года. Но

одновременно согласились, что с тех ядерных средств, которые должны были быть уничтожены к 2003 году будут сняты БГ. Эти договоренности были оформлены письмами министра иностранных дел России и госсекретаря США.

Меры по деактивации реально снижают уровень боеготовности ЯО (речь пока идет в основном о МБР). *С одной стороны*, эти меры можно расценивать положительно, но *с другой*, – они ставят вопросы, пока не получающие удовлетворительных ответов.

Боеготовность ЯО имела свои плюсы и свои минусы. *С одной стороны*, боеготовность повышала вероятность нанесения возмездия, *с другой*, – высокий уровень боеготовности (в сочетании с ожиданием контрсилового удара и опорой на ОВУ) снижал уровень стабильности в кризисных ситуациях. Кроме того, высокая боеготовность и необратимость решения о пуске снижали возможности по использованию ЯО в качестве активного внешнеполитического ресурса (как средства давления).

Транспарентность. В области количественных и качественных показателей (ТТХ) стратегических ядерных средств уровень транспарентности достаточно высокий. Есть предложения распространить открытость на ядерную политику, планы боевого применения и на данные о ядерной инфраструктуре, прежде всего системах управления ЯО.

Лучшей работой, в которой подводится теоретическое обоснование под идеи открытости в области управления ЯО, является книга Валерия Ярынича «Оценка гарантии». Можно согласиться с автором, что «каждая сторона, определив для себя достаточный уровень своего оборонительного потенциала, должна показать его другой стороне». И далее – «каждая сторона кровно заинтересована в том, чтобы добиться такой информированности другой стороны. Иначе фактор сдерживания просто не будет работать»⁷⁸.

Проблемы открытости должны связываться с вопросом достоверности политики сдерживания. Сдерживание предполагает, что противник не пойдет на агрессию в силу возможных издержек от возмездия. Для оценки этого необходима информация о возможных последствиях. Во времена *холодной войны*, когда уровень неприемлемого

Научные Записки ПИР-Центра №10

ущерб перекрывался наличными ядерными средствами в разы (если не на порядок), объем открытой информации мог быть минимальным. Более того, неопределенность последствий становилась сама по себе сдерживающим фактором, поскольку предполагала невозможность точного расчета приобретений и издержек, заставляя при определении последнего фактора оперировать максимальными величинами. Это положительный момент неопределенности, он расширяет возможности маневра, в том числе и с использованием блефа в определенные моменты.

Однако возникает проблема достоверности (правдоподобности) проводимой политики: скрывать точные данные об объеме издержек выгодно, а данные о вероятности их нанесения нет. Чем выше уровень вероятности, тем больший сдерживающий эффект имеет даже не максимальный уровень издержек. В условиях *холодной войны* достоверность не имела решающее значение, так как ущерб был сильно завышен. Зависимость здесь следующая: чем выше риск (издержки), тем меньший уровень его (их) достоверности достаточен для появления эффекта сдерживания. И наоборот, чем меньше риск, тем выше должен быть уровень достоверности. Значит, в условиях сокращений ЯО требования к достоверности возрастают пропорционально сокращениям, а возможно, и больше.

В то же время открытие информации для повышения достоверности может использоваться для принятия контрмер. Издержки подобного использования информации могут быть больше, чем положительные моменты увеличения достоверности – контрмеры могут снизить и уровень риска и уровень достоверности.

Преимущества и недостатки различных ядерных средств

В определенный момент в экспертной среде обострилась дискуссия о возможности перехода к ядерной диаде, что стимулировало спор о преимуществах и недостатках различных компонентов ядерной триады. С точки зрения автора, для объективной оценки необходимо использовать следующие критерии: уязвимость, стабильность в кризисных ситуациях, стоимость, боевую эффективность, потенциал использования в качестве внешнеполитического ресурса (средства давления).

• МБР

Уязвимость. МБР традиционно считается наиболее уязвимым. Однако совершенствование ШПУ привело к тому, что в настоящее время для поражения одной ШПУ необходимо как минимум две БГ. В условиях снижения общего количества БГ и перехода на моноблоки вероятность контрсилowego удара снижается. Как результат, повышается живучесть ШПУ.

Мобильные РК обладают высокой живучестью с точки зрения их поражения ядерными средствами противника. Однако часть специалистов считает, что они могут подвергнуться нападению диверсионных групп, либо по ним может быть нанесен эффективный удар конвенциональным ВТО⁷⁹. Доминирующей является точка зрения высокой живучести мобильных РК.

Стабильность в кризисных ситуациях. Этот критерий зависит от двух показателей: от живучести ядерных средств и от типа ответного удара – ОУ или ОВУ. По критерию живучести, как уже было сказано, МБР можно оценить достаточно высоко. Что касается типа ответного удара, то в настоящее время в официальной позиции военных предусматривается возможность как ОУ, так и ОВУ. Это делает МБР не максимально стабильными в кризисных ситуациях.

Стоимость. Из всей триады – это наименее затратный компонент. Из МБР самые дешевые – это шахтные МБР, мобильные на шоссейных платформах дороже железнодорожных⁸⁰.

Боевая эффективность. Этот критерий определяется на основе возможности нанесения неприемлемого ущерба в ответном ударе. Достаточно низкая уязвимость и постоянно высокая боеготовность МБР⁸¹ позволяют говорить о том, что они могут быть использованы для нанесения эффективного ответного удара, последствия которого можно считать неприемлемыми для любого рационального политика.

Потенциал использования в качестве средства давления. Потенциал МБР по этому показателю не максимальный, что связано с необратимостью решения о пуске ракеты. Таким образом, МБР может считаться эффективным военным ресурсом, но использование его как активного внешнеполитического ресурса ограничено. Однако сама способность гарантировать стране вариант возмездия с нанесением

Научные Записки ПИР-Центра №10

неприемлемого ущерба повышает ставки государства, особенно на глобальном уровне, способствует повышению статусного уровня на мировой арене и т.д. Условно это можно назвать использованием в качестве пассивного внешнеполитического ресурса.

- БРПЛ

Уязвимость. Из всех ядерных средств БРПЛ считаются наименее уязвимыми. Попытки создать эффективную ПЛЮ пока не увенчались успехом, и активность на этом направлении была значительно снижена. В то же время в надводном положении подлодки уязвимы, особенно если они находятся у причалов. Считается, что их уязвимость резко возрастает после проведения пусков БРПЛ.

Стабильность в кризисных ситуациях. Традиционно считается, что по этому показателю БРПЛ тоже лидируют. Подлодки должны пережить первые ядерные удары, и с них пойдет вторая волна обмена ядерными ударами. Это предполагает высокую стабильность в кризисных ситуациях.

Стоимость. По этому критерию БРПЛ также впереди за счет расходов на эксплуатацию РПК.

Боевая эффективность. Примерно такая же, как и у МБР.

Потенциал использования в качестве средства давления. Примерно такой же, как и у МБР.

- ТБ

Уязвимость. ТБ уязвимы на земле. Если их удастся вывести из-под удара, то даже при контрсиловом ударе они малоуязвимы. В условиях низкой вероятности контрсилового

удара по этому показателю они практически уравниваются с МБР и БРПЛ.

Стабильность в кризисных ситуациях. Если у остальных средств этот фактор напрямую связан с их уязвимостью, то здесь нет. В случае с МБР и БРПЛ для вывода их из-под удара при предполагаемой уязвимости необходимо произвести необратимые пуски ракет, что резко снижает стабильность в кризисных ситуациях. В случае с ТБ этого не происходит, поскольку решение об их поднятии в воздух обратимо. Таким образом, ТБ обладают высоким уровнем стабильности в кризисных ситуациях вне зависимости от степени вероятности контрсилового удара.

Стоимость. Это затратные средства как на стадии разработки и производства, так и на стадии эксплуатации.

Боевая эффективность. На стратегическом уровне невысокая в силу долгого подлетного времени и уязвимости для систем ПВО. Предполагаемые объекты могут находиться на расстояниях, которые не позволят поражать их КРВБ, выпускаемыми до входа в зону действия систем ПВО. На региональном уровне высокая в случае использования КРВБ и дистанционного их пуска без входа в зону действия ПВО.

Потенциал использования в качестве средства давления. На стратегическом уровне не очень высокий по тем же причинам, которые ограничивают на этом уровне боевую эффективность ТБ. Однако на региональном уровне высокий – есть возможность демонстрационного поднятия самолетов в воздух. Эффект этой меры подкрепляется предполагаемой высокой эффективностью этих средств на региональном уровне.

Научные Записки ПИР-Центра №10

Глава II. ЯДЕРНЫЕ СИЛЫ И ЯДЕРНАЯ ПОЛИТИКА РОССИИ

Ядерное оружие в документах военного планирования

В Российской Федерации было принято несколько документов, в которых должна была быть изложена система официальных взглядов власти на комплекс вопросов, относящихся к ЯО, и его роли для обеспечения национальной безопасности РФ.

Внешинополитическая концепция была опубликована в январе 1993 года. Тот факт, что документ, призванный изложить основы и принципы внешнеполитического курса новой России, появился спустя год после распада Советского Союза, говорит о многом. К тому же документ стал по признанию даже тех, кто принимал непосредственное участие в его составлении, компромиссным документом⁸².

Военная доктрина увидела свет в том же году, что и первый документ. Разработка военной доктрины сопровождалась спорами по поводу самого термина *военная доктрина*⁸³. Большая часть военных специалистов сошлась на том, что *военная доктрина* – это «система официально принятых основополагающих взглядов на предотвращение войны, оборонное строительство, подготовку страны и Вооруженных сил к защите Отечества, а также способы подготовки и ведения вооруженной борьбы по отражению агрессии»⁸⁴.

Дискуссии развернулись и о ядерной составляющей военной доктрины. В том смысле, в котором военная доктрина стала пониматься, она подразумевает изложение взглядов государства на использование имеющихся военных ресурсов для достижения политических целей. Значит, речь должна идти о всех военных ресурсах. Однако ряд специалистов, в том числе и из числа крупных военачальников, предлагали исключить упоминание о ЯО, ядерной войне и ее характере из военной доктрины⁸⁵. В результате формулировки о ЯО в доктрине получились нечеткими, за исключением *революционного* для отечественной официальной позиции положения о возможности применения ЯО первыми, в интересах обороны. Можно согласиться с тем, что в ««Основных положениях военной доктрины» отсутствуют в необходимом объеме конкретные принципы и положения по ядерной военной стратегии России»⁸⁶. Конкретизации ЯО как СЯС и ТЯО

в документе нет. Поэтому в нем остается нераскрытым подход политического и военного руководства страны к использованию ЯО на стратегическом (СЯС) и нестратегическом (ТЯО) уровнях. Большинство экспертов ЯО в документе было воспринято как СЯС, что скорее всего правильно. Но тогда ТЯО полностью выпало из поля зрения разработчиков документа, так как в этом случае оно даже не является составной частью понятия ЯО.

Более трех лет активно ведется работа по созданию новой военной доктрины. Этот процесс затянулся как по объективным, так и по субъективным причинам. К первым можно отнести сложность внешнеполитического положения страны, неопределенность с состоянием военной реформы. Все это затрудняет выработку консенсуса в политической и военной элите, что необходимо для создания качественного стратегического документа – военной доктрины. Ко второму блоку сложностей относятся относительно частые перестановки в военном ведомстве в 1996–1997 годах.

После назначения на пост министра обороны Игоря Сергеева работа над военной доктриной активизировалась. Однако первоначально предполагавшиеся сроки завершения работы выдержать не удалось. Доктрина должна была быть готова к концу 1997 года. По всей видимости, тогда решили сосредоточиться на «Концепции национальной безопасности». Ожидания, что новая доктрина появится к концу 1998 года, также не оправдались.

«Концепция национальной безопасности». Попытки создать документ предпринимались неоднократно. Они были реализованы в мае 1997 года, когда соответствующий документ был одобрен Советом безопасности РФ под председательством президента России⁸⁷. Некоторое время спустя Концепция была отправлена на доработку⁸⁸. 17 декабря 1997 года президент России утвердил новый вариант «Концепции национальной безопасности». В этом документе нет разделов, специально посвященных ядерной политике, однако для ее анализа он представляется важным.

В «Концепции национальной безопасности» содержится четыре раздела. Основой структуры документа является определение:

- места РФ в мировом сообществе;
- ее интересов;

Научные Записки ПИР-Центра №10

- угроз национальной безопасности;
- средств и методов обеспечения национальной безопасности.

В связи с тем, что военные угрозы и военные методы их парирования не выделены в отдельную часть концепции, то и упоминание о ЯО есть во всех частях концепции, за исключением второго (национальные интересы РФ).

ЯО и место России в мировом сообществе. В среде экспертов по военному и внешнеполитическому планированию уже сложился консенсус по вопросу о роли ЯО в обеспечении статуса РФ на мировой арене: ЯО отводится ключевая роль. Однако в столь открытом виде данное положение не было закреплено в концепции. Одной из причин этого, по нашим оценкам, является общая тональность документа. В нем постоянно проводится мысль о складывании многополярного мира, в котором уменьшается значение силовых факторов обеспечения безопасности. Данное положение является идейной основой российской внешней политики и оно должно было быть закреплено в концепции. В этой связи открыто фиксировать исключительную роль такого силового фактора как ЯО в качестве основного средства поддержания статуса РФ на мировой арене было нельзя.

Тем не менее уже в первой части концепции в косвенной форме зафиксировано положение об особой роли ЯО в обеспечении национальной безопасности страны. Это было сделано через выделение упоминания о ЯО при перечислении средств обеспечения национальной безопасности в отдельный параграф.

ЯО и угрозы национальной безопасности РФ. В концепции констатируется, что в настоящее время «угроза крупномасштабной агрессии против России практически отсутствует». В то же время в концепции указано несколько типов угроз, имеющих отношение к ЯО:

- Распространение ЯО. Данное положение содержалось практически во всех предыдущих проектах концепции и не представляет из себя ничего нового.
- Ядерный терроризм. Формулировка этой угрозы дана *осторожно*: «[...] расширяется спектр угроз, связанных с международным терроризмом, в том числе и с возможным использованием ядерного и других видов оружия массового

уничтожения». Такая формулировка не позволяет сделать вывод о признании российскими властями вероятности использования ЯО сепаратистскими группировками на территории страны, поскольку отечественные группировки пока не подпадают под категорию *международный терроризм*. Одновременно признается возможность доступа террористов к ядерным зарядам или их компонентам. Страна, которая может обеспечить такой санкционированный/несанкционированный доступ, не конкретизируется.

- Приближение НАТО к российским границам в условиях сохранения у блока ЯО. Формулировка документа в этой части не конкретна. Но если строго следовать смыслу фразы, то получается, что в качестве угрозы рассматривается не само ЯО в арсенале военных средств блока. ЯО является одним из факторов опасности раскола континента, что может стать следствием расширения альянса. Из этого положения нельзя понять, рассматривается ли ЯО НАТО в качестве активного военного ресурса. Такая формулировка отражает продолжающиеся в отечественных военных и экспертных кругах споры об определении *статуса* и роли ЯО в современном мире.

ЯО и обеспечение национальной безопасности РФ. Общее положение об особой роли ЯО в обеспечении статусного уровня России на мировой арене и обеспечении национальной безопасности страны содержалось еще в первом разделе. В последней части документа (самой большой по объему) государственные взгляды на ЯО и ядерную политику конкретизируются.

В документе содержатся обязательства по приверженности России своим договорным обязательствам в ядерной сфере, а также стремление и в дальнейшем участвовать в переговорном процессе по сокращению вооружений.

Документ закладывает основы определения численного состава ядерной группировки страны, ее задач и способов использования.

Численный состав. Принципиально новым является положение об ориентации России на *реалистическое сдерживание* в своей военной политике. *Реалистическое сдерживание* противопоставляется принципу поддержания паритета в вооруженных силах и вооружениях.

Научные Записки ПИР-Центра №10

Хотя в документе нет конкретного указания на то, что это относится к ядерной сфере, тем не менее нет и обратного положения. В концепции применительно к термину *паритет* не используются никакие дополнительные определения (*количественный, качественный, примерный* и т.д.). Таким образом, зафиксирован отход от традиционного принципа паритета: в соответствии с концепцией численный состав ядерной группировки должен определяться не на основе стремления к поддержанию паритета, а на основе способности к реалистическому сдерживанию, базой которого является способность нанести заданный ущерб любому государству-агрессору или коалиции.

Задачи российского ЯО. Предписываемые российскому ЯО задачи можно разложить на несколько составляющих по следующим критериям:

- функциональному: задачей российского ЯО является нанесение заданного ущерба противнику;
- масштаба конфликта: в документе зафиксировано положение о том, что ЯО выполняет сдерживающую роль не только на глобальном (стратегическом) уровне, но и на региональном. Такая трактовка функций ЯО характерна для *ракетной команды* Игоря Сергеева. Кроме того, зафиксировано положение, что ядерное сдерживание имеет своей целью предотвращение как ядерной, так и обычной войны;
- по составу участников: ядерное сдерживание направлено на предотвращение агрессии против России как со стороны отдельного государства, так и со стороны коалиций. Также в концепции содержится упоминание о том, что ядерное сдерживание проводится в интересах осуществления союзнических обязательств. Сохранение такого положения в условиях фактического развала единого оборонного пространства и несоблюдения странами СНГ своих обязательств по Ташкентскому договору можно рассматривать как декларативное заявление, направленное скорее не на то, чтобы донести некоторые положения ядерной политики, а подчеркнуть заинтересованность России в поддержании своих позиций на пространстве бывшего СССР.

Способы использования ЯО. В концепции нет детализированных планов применения ЯО.

Однако зафиксировано принципиальное положение – военное использование ЯО возможно. Это является отходом от *пацифистских* настроений в отношении ЯО, в соответствии с которыми ЯО не рассматривалось в качестве военного ресурса.

Документ свидетельствует о желании *активизировать* ЯО в качестве военного, а стало быть, и политического ресурса. В пользу этого говорит, в частности, подтверждение положения «Основ военной доктрины» от 1993 года в части сохранения за РФ права первого ядерного удара.

Такое положение не признак *агрессивной* или *милитаристской* политики. Оно отражает тенденцию расширения функциональных задач ЯО и обслуживает положение о ядерном сдерживании «обычной крупномасштабной или региональной войны».

В концепции заданы минимальные ограничители на применение ЯО. По сути, таковым является только определение «угрозы самому существованию Российской Федерации как независимого суверенного государства». Нет никаких ограничений на использование ЯО в отношении неядерных государств, что содержалось в «Основах военной доктрины» 1993 года. Одновременно есть положение о том, что «использование военной силы осуществляется на законном основании». Теоретически возможно широкое толкование этой фразы: включение в категорию *законные основания* международно-правовых обязательств России (российские негативные гарантии неядерным государствам), что означало бы расширение числа ограничений на использование ЯО.

Однако, по нашим оценкам, контекст употребления фразы *законные основания* свидетельствует о том, что она направлена не на постановку ограничителей для применения ЯО, а на легитимизацию использования военной силы в случае необходимости. Положения концепции накладывают на Россию минимальные и чисто внутренние ограничители по использованию ЯО. Это в целом обслуживает тенденцию по *активизации* ЯО. Здесь есть определенное противоречие международно-правовым обязательствам России.

Поскольку возражений со стороны заинтересованных сторон на такое формулирование возможности применения РФ ЯО не последовало, то можно сказать, что

Научные Записки ПИР-Центра №10

поле маневра для формулирования базисных положений российской военной стратегии и доктрины расширено.

Россия не может в реальной военной политике придерживаться обязательства о неприменении ЯО в отношении неядерных государств, участников ДНЯО. Поэтому если не удастся *легализовать* отход от этих обязательств, то сама тенденция расширения функции ЯО изменена не будет, но конкретные положения по закреплению данной установки будут носить исключительно закрытый характер. В то же время в интересах обеспечения сдерживания необходимо доносить до вероятного противника часть реальных положений военной политики в части ядерного сдерживания. Значит, это придется делать через санкционированные утечки информации. При таком раскладе РФ может постоянно ощущать пропагандистское давление, что облегчит задачу по ядерному разоружению России. Открытая же часть военной политики в части ядерного сдерживания будет носить если не исключительно, то преимущественно декларативный характер.

Заседание Совета безопасности от 3 июля 1998 года. 3 июля 1998 года под председательством президента РФ Бориса Ельцина прошло заседание Совета безопасности, посвященное проблемам состояния и перспективам развития СЯС. На нем обсуждались проекты документов по рассматриваемой проблеме – указ президента, постановления правительства и пакет директив Генштаба⁸⁹. Все они имеют высшую степень секретности. Однако некоторые детали обсуждения стали известны после встречи министра обороны с председателями комитетов Госдумы по международным делам и обороне, на которой министр ознакомил их с итогами прошедшего заседания Совета безопасности. Из последовавшего за этим сообщения пресс-службы следует, что некоторые из итогов заседания были следующими⁹⁰:

1. СЯС России сохраняют прежнюю трехвидовую структуру – триада.
2. Будет иметь место максимально возможное продление сроков эксплуатации РК наземного, морского и воздушного базирования.
3. Планируется последовательное сокращение номенклатуры ракетного вооружения.

4. Количественными ориентирами для состава группировки СЯС к 2010 году станут Хельсинские договоренности⁹¹.
5. «Программа развития СЯС ориентирована на реально возможный уровень финансирования в пределах, которые не должны привести к ущербу, а тем более деградации сил общего назначения».

Заявление первого вице-премьера Юрия Маслюкова от 6 октября 1998 года.

Основные положения его заявления сводятся к следующему⁹²: Россия не в состоянии содержать арсенал в несколько тысяч боеголовок, максимально возможный для нее уровень – несколько сот боеголовок⁹³; через семь-восемь лет на дежурстве не будет ни одной боеготовой ракеты, подлодки или ТБ, созданных во времена Советского Союза; необходима модернизация российского арсенала СЯС, которая бы включала в себя: *первое* – начиная с 2000 года производство 35–40 *Тополей-М* в год, *второе* – строительство до 2010 года семи РПК класса *Юрий Долгорукий* и *третье* – улучшение системы СБУ и СПРН.

Заявление Юрия Маслюкова противоречит решению Совета безопасности о выборе варианта максимального продления гарантийных сроков российских ядерных средств как основы поддержания российской группировки СЯС. В то же время оно развивает положение об отходе от принципа паритета в российской ядерной политике. Очевидно, что в течении семи-восьми лет не удастся договориться с США (а возможно, и другими членами *ядерного клуба*) о выходе на уровни в несколько сот ЯБЗ. Из заявления вице-премьера следует, что даже при условии выполнения его предложений по модернизации выход России на уровень более 1000 ЯБЗ не возможен⁹⁴.

Рассматривать заявление Юрия Маслюкова как новый вариант официальной российской позиции по развитию СЯС РФ нельзя. По всей видимости, по этому вопросу в политическом и военном руководстве, а также в ВПК, существуют различные точки зрения. Например, сам Юрий Маслюков месяц спустя после своего заявления (2 ноября) направил на имя Геннадия Селезнева (спикера Госдумы РФ) письмо, которое было посвящено проблеме ратификации СНВ-2. В письме, в частности, говорилось: «Морская и авиационная составляющие отечественных СЯС до 2015 года будут поддерживаться, в основном, за счет имеющихся средств. Их состав в этот период будет определяться

Научные Записки ПИР-Центра №10

нашими возможностями поддержания в боеготовом состоянии находящихся в эксплуатации вооружений»⁹⁵. Это противоречит одному из положений его заявления от 6 октября 1998 года.

Роль ядерного оружия в осуществлении внешнеполитической стратегии России

В российской внешней политике отчетливо прослеживается реанимация *державного духа*. Эта тенденция наметилась на рубеже 1993–1994 годов и проявлялась в жестких позициях российской дипломатии и попытках несколько диверсифицировать внешнеполитический курс. Истинные причины такого поворота сейчас пока трудно полностью выявить, но вполне возможно, что первоначально это задумывалось как тактический маневр, имеющий своей целью *выбить* из США большие объемы помощи. Однако сложилось так, что эти проявления державности вылились в тенденцию трансформации российской внешней политики.

Российская внешняя и внутренняя политика персонифицирована. Президент Ельцин сильно изменился за прошедшие шесть-семь лет. То, что выглядело нормальным для активного и ломающего устоявшиеся традиции Бориса Ельцина образца начала девяностых годов, трудно представить для *царя Бориса* середины и второй половины девяностых. Российский президент почувствовал вкус мировой политики, он хочет быть среди тех, кто вершит судьбы мира. В этом скорее всего следует искать истоки возрождения державности в российской политике.

Средства для обслуживания державной тенденции, *во-первых*, должны быть *впечатляющими* и ассоциироваться с неким образом, вызывающим подсознательный страх в силу своей мощи; *во-вторых*, реальная эффективность и применимость этих средств отходит на второй план. В сочетании с соответствующим политическим имиджем лидера средства, обладающие такими характеристиками, могут обеспечить этому лидеру вес и *уважение* на мировой арене. Приводившиеся характеристики подобных средств указывают на то, что они по природе своей должны быть в основном силовыми. Из набора же силовых средств в наибольшей степени для выполнения этих функций подходит ЯО.

В силу этого роль ЯО в военном и политическом планировании стала расти,

глубоко укоренилось представление об «особом значении опоры на ядерное оружие для России» и о том, что «основой обороноспособности страны сейчас и в обозримом будущем будут стратегические ядерные силы»⁹⁶. На международной конференции «Ядерная безопасность: гуманитарные и социальные аспекты» один из участников подчеркивал: «ядерное оружие будет иметь первостепенное значение для России еще лет 15–20»⁹⁷. Главком РВСН Владимир Яковлев считает, что: «...они [СЯС – Авт.] являются как бы уравниателем неблагоприятных для РФ соотношений экономических, технических, демографических и других параметров силы государства. В современных условиях и в обозримой перспективе СЯС будут оставаться основой обороноспособности России и глобальным политическим инструментом сдерживания любого вероятного противника от развязывания агрессии против России и ее союзников»⁹⁸.

В 1992 и частично 1993 годах проблеме ядерных вооружений и политики не уделяли должного внимания, идя по пути наименьшего сопротивления в отношениях с США. По мере кристаллизовывания державной тенденции роль ЯО в глазах политического руководства стала расти. Но внешнеполитический ресурс, который в основе своей является военным, не отделим от своей первоначальной военной составляющей. В результате стало необходимо повысить роль ЯО как военного фактора, что, *с одной стороны*, требовало развития и модернизации ядерного арсенала страны, а *с другой*, – отхода от прежних советских установок в ядерной политике. Можно спорить о том, насколько реальными и правдоподобными были антиядерные выступления Советского Союза в годы *холодной войны*. У сторонников той точки зрения, что это была в основе своей декларативная политика, имевшая мало общего с реальным военным планированием, есть серьезные аргументы⁹⁹. И автор скорее склонен присоединиться именно к такой позиции. Однако новая Россия вообще не могла себе позволить проводить декларативную антиядерную политику.

Это нашло свое отражение в программе модернизации наземного мобильного ракетного комплекса *Тополь-М*. Президент подписал программу его модернизации в 1993 году. РК предполагалось создать в течении двух лет: в 1996 году у РФ должен был появиться новый РК, как в стационарном, так

Научные Записки ПИР-Центра №10

и в шахтном варианте. Однако при создании РК военные столкнулись с финансовыми трудностями. Результат – трехлетнее отставание в создании РК.

Проявлением повышения внимания российского руководства к ЯО стала *раскрутка* РВСН. За этим видом ВС еще во времена Никиты Хрущева признали особую роль в деле обеспечения военной мощи и безопасности страны¹⁰⁰. Тогда в целесообразности подобного подхода многие сомневались¹⁰¹. Позже, при Леониде Брежневе, ядерный и особенно ракетный крен предшественника был в значительной мере скорректирован, и развитие ВС СССР стало более сбалансированным. Формально за РВСН продолжали признавать особую роль. Но реально в военной элите была принята такая система взглядов на будущую ядерную войну, которая не предполагала ведение боевых действий исключительно силами РВСН. Наоборот подчеркивалось, что ядерная война будет вестись с использованием всех сил и средств сторон. Значит, и ЯО не было *эксклюзивным* средством войны.

Внимание к СЯС РФ на практике становится вниманием к РВСН. Многие специалисты, упоминая о СЯС, добавляют: «[...] и их основа РВСН». С 1993–1994 годов популярность РВСН среди российских политиков начинает расти, проявлением чего становится рост *цены* ядерных вопросов во внутривнутриполитической борьбе. Российские чиновники начинают часто навещать места дислокации СНВ. Эти визиты широко освещаются в СМИ.

Критических материалов про РВСН в СМИ мало. В 1997 году командование РВСН, впервые в своей истории, приглашает журналистов в командный пункт РВСН во Власихе¹⁰². Через некоторое время большая группа представителей СМИ тоже впервые едет на третье испытание РК *Тополь-М*¹⁰³. Интервью с генералами РВСН, в том числе и с высшим командованием этого вида ВС, появляются чаще, чем с представителями других видов ВС.

Несмотря на обычные для современной России трудности, РВСН сохраняет, по признанию военных, высокий уровень боевой готовности, что не вяжется с общей картиной развала армии страны¹⁰⁴. В последнее время тем не менее стало больше сообщений о финансовых проблемах РВСН. В июле 1998 года группа жен офицеров и прапорщиков одной из дивизий РВСН (в Ужуре-4, поселок

Солнечный) блокировала выезд очередной смены на боевое дежурство. Причина, как сообщается, – задержка на четыре месяца выплат денежного довольствия, еще большие долги по пайковым и детским пособиям¹⁰⁵. В то же время главком РВСН по поводу этого случая заявил, что «все ракетчики обуты и одеты, накормлены по существующим нормам довольствия»¹⁰⁶. Правда, сообщается, что продукты иногда выдают просроченные, в результате чего имеются случаи отравления. Эту информацию подтверждают и официальные лица¹⁰⁷.

В РВСН есть свои трудности, связанные прежде всего с низкой эффективностью управленческой деятельности РВСН¹⁰⁸. По другим данным управленческая деятельность в РВСН, по крайней мере в части СБУ, поставлена лучше, чем в остальных видах ВС, поскольку «ракетчики традиционно много средств тратили и тратят на автоматизацию управления (до 10–20% от затрат на НИОКР и закупки вооружений)»¹⁰⁹. Правда, Пентагон по тем же данным тратит на развитие СБУ до 50% средств, выделяемых на НИОКР и закупки вооружений¹¹⁰.

В 1997 году министром обороны становится главком РВСН, который ни в прежние годы, ни после назначения не скрывал и не скрывает своей приверженности идеи проведения военной реформы в РФ *под ядерным зонтиком*¹¹¹. Новый план военной реформы, очевидно, направлен на закрепление позиций РВСН и превращение СЯС в основу российской военной мощи. Хотя не все согласны с такой стратегией проведения военной реформы, тем не менее этот вариант можно считать сейчас доминирующим в российской военной и политической элите.

На этом фоне реализовано объединение РВСН, РКО и ВКС в новый вид ВС РВСН. Считается, что сама идея такого объединения прорабатывалась уже много лет. Однако при усиленном сопротивлении ВКС и ПВО (РКО была родом войск ПВО) осуществить планы объединения не удалось. Наоборот, руководство ПВО имело планы приобретения дополнительных функций в области космической обороны. Еще в начале 1997 года была разработана программа преобразования войск ПВО в войска военно-космической обороны (ВКО). Предполагалось, что в этом случае в их состав должны были бы войти некоторые силы, находившиеся в составе РВСН, ВВС, ВКС, для превращения ВКО, по словам Виктора Прудникова (бывшего

Научные Записки ПИР-Центра №10

главкома ПВО), в «единую систему борьбы со всеми средствами воздушно-космического нападения во всем диапазоне высот и скоростей над всей территорией Российской Федерации»¹¹².

Создание нового вида ВС РВСН способствовало, по мнению военных, оптимизации управленческих и обслуживающих структур за счет сокращения дублирующих друг друга служб. Экономия составила один миллиард деноминированных рублей и эффективность ядерных вооружений повысилась примерно на 20%.

Таким образом, проявившаяся после нескольких лет независимого развития РФ тенденция реанимирования державности во внешней политике нашла свое логическое продолжение в выборе ЯО в качестве основного внешнеполитического ресурса, который в наибольшей степени подходит для обеспечения статусного уровня РФ на мировой арене в условиях неспособности страны перейти к современному развитию и разнообразить арсенал внешнеполитических ресурсов за счет несиловых факторов. Сейчас и в обозримой перспективе СЯС России, и их основа РВСН, есть и останутся единственным ресурсом, наличие которого «обеспечивает России поддержание статуса великой державы»¹¹³.

В то же время руководство страны уделяет недостаточно внимания реальному развитию ЯО, что проявляется в неполном финансировании приоритетных для РВСН программ¹¹⁴. При этом хорошо известно, что «при количественных сокращениях стратегических вооружений необходимый потенциал для ответных действий должен обеспечиваться в основном за счет усиления параметров в техническом оснащении войск, в их боевой подготовке, боевой готовности, боевом дежурстве и организации войск»¹¹⁵. По некоторым расчетам «боевые возможности СЯС достигают своего максимального значения, если доля ассигнований, выделяемых на развитие систем боевого управления ими, составляет 20–30%»¹¹⁶.

Все это свидетельствует о том, что, с одной стороны, ЯО политической элите необходимо для поддержания статусного уровня страны, а значит и своего статусного уровня в среде мировых лидеров, а с другой, — не обеспечивается реальное развитие ЯО.

Роль ТЯО для России. В российских научных кругах в последнее время все более популярной становится точка зрения, что в условиях современной России ТЯО становится компенсатором слабости РФ в конвенциональных силах и должно занять свое достойное место в арсенале внешнеполитических ресурсов страны¹¹⁷. Есть и противники ТЯО, которые указывают на его низкую эффективность и в военном, и в политическом плане¹¹⁸.

В официальных документах, относящихся к внешнеполитическому и военному планированию, упоминания о ТЯО нет. Российские власти фактически замалчивают этот вопрос¹¹⁹. Заявления по этому поводу были эпизодическими, и в основном декларативными. Так, например, в 1992 году, в марте, министр иностранных дел России Андрей Козырев во время визита в Китай высказался в том плане, что Россия готова обсудить вариант *глобального нуля* по ТЯО¹²⁰. А министр обороны Игорь Родионов в 1996 году высказался за наращивание количества ТЯО на западной границе¹²¹.

Отсутствие четко выраженной позиции по этому вопросу может трактоваться по-разному. *Во-первых*, возможно, нет сформулированной позиции, так как ей не занимались или в силу того, что в военно-политическом истеблишменте не могут достичь консенсуса по вопросу о ТЯО. *Во-вторых*, возможно, удалось достичь общего понимания проблемы в военно-политическом руководстве, но эта позиция идет вразрез с американским подходом, и поэтому ее предпочитают не открывать. *В-третьих*, возможно, вопрос о ТЯО оставляют как элемент торга на переговорах (*bargaining chip*).

Существуют различные данные о том, прекращено или нет производство тактических ЯБЗ в России. С одной стороны, есть заявление высокопоставленного чиновника министерства обороны, непосредственно занимавшегося данной проблематикой, о том, что производство тактических ЯБЗ было прекращено еще в 1992 году¹²². С другой, — представители некоторых невоенных российских ведомств, работающих в этой сфере, в дискуссиях не для печати обходят вопрос о производстве тактических ЯБЗ или косвенно подтверждают, что производство продолжается. Члены российской делегации на Конференции по разоружению заявляли, что «полностью прекращено производство

Научные Записки ПИР-Центра №10

ядерных боеприпасов для тактических ракет наземного базирования, ядерных артиллерийских снарядов и мин»¹²³. Это значит, что, возможно, продолжается производство тактических ЯБЗ для ВВС и ВМФ, а также для противоракет.

В 1997 году министр обороны Игорь Сергеев на вопрос корреспондента журнала *Ядерный Контроль*: «Вы будете сокращать или ликвидировать ТЯО?» ответил так: «Да, в 1992 году Борис Николаевич заявил об этом, и идет плановое сокращение к 2000 году»¹²⁴.

Не вполне ясно, в каком смысле употреблено в данном случае слово *сокращать*: в смысле сокращать, но не все; или в смысле ликвидировать (полностью). Судя по ссылке на заявление российского президента от января 1992 года, речь идет о выполнении Россией к указанному сроку взятых на себя односторонних обязательств. Правда, есть сомнения, что мощности предприятий Минатома позволяют проводить одновременно демонтаж БЗ, уничтожаемых по

внутренним планам, а также по односторонним инициативам 1991–1992 годов. Возможно, что речь идет о выводе средств, определенных односторонней инициативой, из боевого состава.

В 1993 году генерал Яковлев, заместитель начальника штаба 12-го ГУМО, заявил, что процесс сокращений ТЯО будет проходить по следующему графику: уничтожение всех мин к 1998 году; всех ядерных артиллерийских снарядов и всех БГ для тактических наземных ракет к 2000 году; половины БГ противоракет к 1996 году; около трети ТЯО морского базирования к 1995 году; половины авиабомб к 1996 году¹²⁵.

Итак, в вопросе о ТЯО в РФ наблюдается некоторая двойственность и неопределенность позиций, что впрочем справедливо не только в отношении России, но и США¹²⁶.

Состав стратегических ядерных сил России¹²⁷

Таблица 1. Состав сил РВСН*

Наименование	Количество носителей	Количество боеголовок (засчет по СНВ-1)
РС-20 (SS-18)	180	1800
РС-18 (SS-19)	168/160**	1008/960**
РС-22 М2 (SS-24, шахтные)	10	100
РС-22 М1 (SS-24, мобильные)	36	360
РС-12 М (SS-25)	360	360
РС-12М2 (SS-X-27)	2/10**	2/10**
Итого	756/756**	3630/3590**

Примечания:
* Все данные, если не указывается иное, приведены по Меморандуму о взаимопонимании к договору СНВ-1 (по состоянию на 1 июля 1998 года).
** NRD Nuclear Notebook. Russian Strategic Nuclear Forces, End of 1998.

Источники:
1. Меморандум о взаимопонимании к договору СНВ-1 (по состоянию на 1 июля 1998 года) (<http://www.acda.gov/factshee/wmd/nuclear/start1/startagg.htm>).
2. NRD Nuclear Notebook. Russian Strategic Nuclear Forces, End of 1998. *The Bulletin of Atomic Scientists*. March/April 1999. Vol. 55, No.2 (электронная версия: <http://www.bullatombsci.org/issues/nukenotes/ma99nukenote.html>).

Требования договора СНВ-1. Наземная группировка СЯС России постепенно приближается по своим качественным и количественным показателям к параметрам договора СНВ-1. Пока остается невыполненным положение по количественным сокращениям, относящееся к наземным СЯС: количество тяжелых МБР (РС-20) не сокращенно до 154 единиц. Требования по разгрузке, ограничениям на районы базирования мобильных МБР выполнены¹²⁸. Других положений,

относящихся исключительно к МБР, в договоре нет. Однако, оценивая количественные параметры, необходимо учитывать, что общее число БЗ, которые числятся за МБР и БРПЛ, не должно превышать 4900 единиц.

На своей пресс-конференции 15 декабря 1998 года главком РВСН сообщил, что в настоящее время 62% ракетных комплексов находятся за пределами гарантийного срока эксплуатации.

Таблица 2. Сроки эксплуатации МБР

Тип	Срок истечения ресурса
РС-20	Различные модификации в зависимости от сроков постановки на боевое дежурство будут исчерпывать ресурс в два этапа: в течение 1996–1999 годов *; в 2006–2008 годах ¹²⁹ . Количество ракет с максимальными оставшимися сроками службы ниже лимита договора СНВ-1 примерно на 1/3 – 96 единиц ¹³⁰ .
РС-22 (мобильные)	1998–2001 годы ¹³¹ .
РС-22 (стационарные)	2005–2008 годы ¹³² . Стационарный вариант этой ракеты, с большим сроком оставшейся службы, ликвидируется темпами, опережающими согласованный график. Так, количество РС-22 М осталось прежним – 36 единиц, а количество РС-22 М1 (в ШПУ) уменьшилось с 56 до 10 единиц.
РС-18	У большей части ракет гарантийные сроки будут исчерпаны в 2001–2005 годах. Они были выпущены в 1980–1984 годах, и их гарантийные сроки составляют примерно 20 лет ¹³³ . Часть ракет, которые получены с Украины, были выпущены позже – в 1989 году и могут оставаться на боевом дежурстве до 2009 года ¹³⁴ .
РС-12М	2005–2010 годы ¹³⁵ .
РС-12 М2 (Тополь-М)	Сроки эксплуатации – 10–15 лет ¹³⁶ . Сроки эксплуатации начнут истекать примерно в 2008–2010 годах **.

Примечание:
* Гарантийные сроки службы РС-20, выпущенных с 1979 по 1983 год, которые изначально составляли 10 лет, были продлены до 15 лет¹³⁷.
** Необходимо отметить, что сроки эксплуатации новых РК скорее всего не будут столь же эластичными, в смысле возможности их продления, как мы это видим на примере РК, выпущенных в семидесятые, восьмидесятые годы. Одна из причин – короткая программа испытаний: раньше для запуска ракеты в серию и постановки на боевое дежурство требовалось 15–20 испытаний: *Тополь-М* был принят на вооружение после шести испытаний, не все из которых были удачными.
Еще две причины называет генеральный конструктор Московского института теплотехники Юрий Соломонов – человеческий фактор и состояние производственных мощностей (станочный парк, специализированная оснастка, оборудование): «если людям не платят зарплату, они вынуждены работать, не получая вознаграждения. Естественно, отношение к работе становится соответствующим. Как бы мы ни просили, ни воспитывали людей, негативный результат будет налицо. [...] Программа подготовки серийного производства в 1997–1988 годах, применительно к разработке и созданию ракетного комплекса *Тополь-М* финансировалась на уровне не более 10%. Из этого следует, что, не вложив определенные ресурсы, мы не можем говорить о повышении качества изготавливаемой продукции»¹³⁸.

Таблица 3. Состав наземной компоненты в случае выполнения условий СНВ-2 (без допроизводства, но с учетом снятия с боевого дежурства РК из-за истечения гарантийных сроков без их продления/с их продлением)*

Наименование	2004 год, без продления сроков эксплуатации РК		2008 год, без продления сроков эксплуатации РК	2008 год, с продлением сроков эксплуатации РК	2010 год, без продления сроков эксплуатации РК	2010 год, с продлением сроков эксплуатации РК
	Носители	БЗ**	Носители (БЗ)	Носители (БЗ)	Носители (БЗ)	Носители (БЗ)
РС-20	65	650	0	>65	0	0
РС-18	105	630	>105	>105	0	0
РС-22 М1	0	0	0	0	0	0
РС-22 М2	>10	>100	0	0	0	0
РС-12 М	360	360	>360	360	0	0
РС-12 М2	10	10	10	10	>10	>10
Итого	~550	~1750	~475	~540	>10	>10

Примечания:
* Данные с учетом продления гарантийных сроков не даны для 2004 года, поскольку продлевать сроки службы ракет, которые все равно должны быть уничтожены к 2007 году, вряд ли станут.
** БГ на РК, которые подлежат уничтожению по договору СНВ, будут деактивированы к 31 декабря 2003 года на основе обмена письмами между министром иностранных дел России Евгения Примакова и госсекретаря США Мадлен Олбрайт от 26 сентября 1997 года.

Таблица 4. Состав наземной компоненты в случае невыполнения СНВ-2 (без допроизводства, с продлением гарантийных сроков/без продления гарантийных сроков)

Наименование		РС-20	РС-18	РС-22М1	РС-22М2	РС-12М	РС-12М2	Итого
2004 год, без продления сроков эксплуатации	Носители	~96	105	0	10	360	10	~581
	БГ	~960	630	0	100	360	10	~2060
2004 год, с продлением сроков эксплуатации	Носители	~96	>160	0	10	360	10	~636
	БГ	~960	>960	0	100	360	10	~2390
2008 год, без продления сроков эксплуатации	Носители	>96	>105	0	>10	>360	10	>581
	БГ	>960	>630	0	>100	>360	10	>2060
2008 год, с продлением сроков эксплуатации	Носители	>96	>105	0	>10	360	10	>581
	БГ	>960	>630	0	>100	360	10	>2060
2010 год, без продления сроков эксплуатации	Носители	0	0	0	0	0	>10	>10
	БГ	0	0	0	0	0	>10	>10
2010 год, с продлением сроков эксплуатации	Носители	0	0	0	0	0	>10	>10
	БГ	0	0	0	0	0	>10	>10

Программы развития РВСН. Сейчас уже можно определиться с тем вариантом модернизации наземной составляющей СЯС РФ, которая была выбрана российскими властями. В начале девяностых годов, после развала Советского Союза у России было два варианта развития наземной группировки на период после 2000 года¹³⁹. Во-первых, можно было сохранить ракету с РГЧ ИН и перенести базу ее производства с Украины в Россию. Это можно было сделать через унификацию в будущем разрабатываемой на Миасском КБ машиностроения БРПЛ для ее использования как на РПК, так и в РВСН. Во-вторых, можно было отказаться от РГЧ ИН и перейти только на моноблоки, производимые на Воткинском машиностроительном заводе.

Выбран был второй вариант. Это решение, в силу прежде всего экономических причин, практически необратимо. И значит, вне зависимости от судьбы договора СНВ-2 Россия останется в рамках выбранного варианта. Это можно считать негативным моментом, так как выбор данного варианта осуществлялся именно под договор СНВ-2.

Ограниченные возможности по выходу за рамки этого варианта можно связывать с размещением на РК *Тополь* и *Тополь-М* нескольких РГЧ ИН. По различным данным технически возможна установка на них платформ под три-семь БГ¹⁴⁰.

Во второй половине 1998 года появились сообщения, что Московский институт теплотехники (разработчик РК *Тополь* и *Тополь-М*) станет работать над новой ракетой, унифицированной как для РВСН, так и для ВМФ¹⁴¹. В перспективе это также может стать

базой для создания и ввода в боевой состав российской ракеты с РГЧ ИН.

Создание Тополь-М. В бывшем Советском Союзе число испытаний, необходимых для запуска ракеты в серию и постановки на боевое дежурство варьировалось в пределах 15–20. В этом смысле история создания РК *Тополь-М* принципиально отличается. Необходимо отметить, что первоначально предполагалось проведение шести испытаний новой ракеты¹⁴². Информация о количестве запланированных испытаний была открыта за два месяца до первого пуска, который состоялся 21 декабря 1994 года. В день проведения первого испытания (но уже после того, как оно было произведено) появилась новая официальная информация, в которой уже говорилось о пяти-шести испытательных пусках¹⁴³. После проведения второго пуска, который многие эксперты считали неудачным, было сообщено, что программа испытаний завершится в 1996 году¹⁴⁴.

Тем не менее, следующий третий испытательный пуск состоялся только в конце июля 1996 года. И он сильно отличался от предыдущих двух. На испытательный полигон были впервые в истории РВСН приглашены журналисты. В результате после испытаний в прессе появилось множество публикаций, посвященных этому событию. Публикации были в основном хвалебные, в них давались рассказы военных о достоинствах новой ракеты. В одной из статей говорилось, со ссылкой на заместителя главного конструктора Московского института теплотехники, Константина Валяева, что *Тополь-М* можно будет довести без ущерба для качества ракеты за десять пусков¹⁴⁵. Эта цифра

Научные Записки ПИР-Центра №10

отличается от запланированных в 1994 году. Возможно, это было свидетельством неких проблем с ракетой. Хотя официально испытание было объявлено удачным.

Появились сведения, что четвертый пуск будет произведен через месяц после третьего. Эта информация давалась со ссылкой на начальника Плесецкого полигона Юрия Гуравлева. Однако четвертый пуск состоялся только в августе 1997 года и был объявлен военными очень удачным. После него было запланировано поставить первые РК *Тополь-М* на боевое дежурство в конце 1997 года¹⁴⁶.

Объяснения военных по невыполнению графика испытаний достаточно тривиальны для сегодняшней России: недостаток ресурсов. Отставание по программе создания новой ракеты составляло три года, и некоторые чиновники заявляли, что в 1997 году она вообще не была профинансирована¹⁴⁷. А по данным от главкома РВСН Владимира Яковлева последние четыре года недостаток финансирования программы составлял до 50%, что отрицательно влияло на график работ по созданию ракеты¹⁴⁸.

Однако кроме финансовых проблем могли быть и иные. Так, например, упоминались недостатки системы охлаждения в новой ракете¹⁴⁹. Причем эти недостатки проявились во время третьего испытания, которое было всеми расценено, как очень удачное.

Тем не менее, 23 декабря 1997 года два РК *Тополь-М* шахтного базирования были поставлены на боевое дежурства на базе РВСН в Татищево¹⁵⁰. Одна из ракет, как предполагается, будет использоваться в учебных целях. Их разместили в ШПУ, ранее содержавших ракеты РС-18. Еще восемь ШПУ должны были быть оборудованы для *Тополь-М*¹⁵¹. Главком РВСН Владимир Яковлев заявил летом 1998 года: «Ракетные войска стратегического назначения сделают все возможное, чтобы выполнить обещание, данное министру обороны РФ по постановке межконтинентальных баллистических ракет *Тополь-М* на боевое дежурство, в установленные сроки»¹⁵².

В российских экспертных кругах в 1998 году циркулировала точка зрения, что поставленные на боевое дежурство в конце 1997 года две шахтные РК *Тополь-М* фактически боевого дежурства не несут, так как один РК – учебный, а второй – *муляж*. Речь шла о том, что на нем не установлена

ядерная БГ. Такие предположения можно было бы назвать непроверенными слухами. Однако в феврале 1998 года в органе министерства обороны России газете *Красная Звезда* появилась статья, в которой утверждалось: «Военным и ученым еще предстоит получить данные о поведении комплекса [*Тополь-М* – *Авт.*] в той или иной ситуации, проверить аппаратуру управления на надежность исполнения команд. Только после завершения специального цикла испытаний на ракете будет установлен настоящий боевой блок. Пока же реальный ядерный заряд для *Тополя-М* ждет своего часа в специальных хранилищах министерства обороны»¹⁵³.

22 октября 1998 года было проведено пятое испытание РК *Тополь-М*. Напомним, что после четвертого испытания военное руководство заявляло, что ракета полностью готова для запуска в серию. Пятое испытание было неудачным: ракета взорвалась через несколько минут после пуска¹⁵⁴. По официальной версии она самоликвидировалась. Военные представляют это как испытание системы самоликвидации. Однако, по мнению большинства специалистов, которое не очень активно опровергается министерством обороны, пуск был неудачным. Со ссылкой на начальника оперативного управления Главного штаба РВСН генерал-майора Сергея Пономарева сообщалось, что в ноябре 1998 года планировалось провести еще одно испытание¹⁵⁵.

Тем не менее, в самом конце октября 1998 года появилось сообщение, что РВСН переданы пять шахтных РК *Тополь-М* для постановки их на боевое дежурство. Одновременно подтверждалось, со ссылкой на заместителя генерального конструктора Московского института теплотехники Льва Соломонова, что к концу 1998 года в Татищево будет полностью *укомплектован* полк из РК *Тополь-М* (10 РК)¹⁵⁶. В то же время Юрий Маслюков, первый вице-премьер в правительстве Евгения Примакова, в одном из своих интервью заверил, что, несмотря на финансовый кризис, «эта программа [развертывания *Тополь-М* – *Авт.*] будет финансироваться при любых вариантах развития экономической ситуации в стране»¹⁵⁷.

8 декабря 1998 года было проведено шестое испытание *Тополь-М*. Оно прошло успешно¹⁵⁸. Однако еще до проведения этого испытания в Татищево в срочном порядке было испытано

Научные Записки ПИР-Центра №10

шахтное оборудование и командные пункты, и 23 февраля на вооружение РВСН был принят боевой стартовый комплекс, который обеспечивает контроль и управление полка *Тополей-М*¹⁵⁹. В конце декабря весь полк из 10 РК были поставлен на боевое дежурство. Насколько известно, теперь весь полк имеет на боевом дежурстве настоящие ядерные БГ.

Мобильные РК *Тополь-М* в настоящее время не производятся и по нашим оценкам в ближайшие годы в серию не пойдут. В 1999 году планируется начать летные испытания мобильного РК¹⁶⁰. Окончательное решение по поводу мобильного варианта РК, насколько можно судить, пока не принято. Возможно, что он пойдет в серию не сразу после завершения летных испытаний. Не исключено, что в ближайшие годы или даже десятилетие упор будет сделан на производство шахтного варианта РК. Группировку же мобильных РК будут поддерживать не за счет производства *Тополь-М*, а за счет продления гарантийных сроков РК *Тополь*. Такой вариант развития событий содержится, в частности, в письме Юрия Маслюкова председателю Госдумы Геннадия Селезневу по поводу ратификации СНВ-2: «...за счет продления сроков эксплуатации подвижных комплексов *Тополь* у нас появляется возможность в ближайшее десятилетие сосредоточить усилия на создании перспективной стационарной группировки, состав которой будет определяться нашими реальными возможностями в финансировании этой программы»¹⁶¹.

Реально в составе МСЯС менее 20 РПК, 440 БРПЛ и 2272 БГ. Но и большая часть этих средств требует ремонта¹⁶². Так, например, считается, что из шести РПК *Typhoon* только два боеготовы¹⁶³.

Требования договора СНВ-1. По требованию СНВ-1 за МБР и БРПЛ должно числиться не более 4900 БЗ. Сейчас этот лимит превышает. Однако выход на него скорее всего является делом недалекого будущего. Для этого просто надо будет не продлевать сроки службы МБР и БРПЛ в ближайшие годы. Тогда плановый вывод из боевого состава будет совпадать с требованиями СНВ-1.

Реально массовый вывод из эксплуатации РПК может проходить в течении первой половины следующего десятилетия. К 2007 году в составе МСЯС может остаться 10 РПК

четвертого поколения – *Typhoon, Delta IV*. По более пессимистическим прогнозам «при сохранении нынешнего уровня финансирования и с учетом ограниченных сроков эксплуатации морских ракет и ракетоносцев к 2003 году в составе ВМФ может остаться лишь пять-шесть РПК СН, срок службы которых будет подходить к концу»¹⁶⁴. Это будут РПК *Delta III* и *Delta IV*, плюс отремонтированная головная подлодка *Typhoon*.

Состав МСЯС в случае выполнения/не выполнения условий СНВ-2 (без учета допроизводства, но с учетом истечения гарантийных сроков). Выполнение условий договора не предусматривает для России дополнительных сокращений МСЯС. Таким образом, состав этой компоненты СЯС России определяется в основном не договорными условиями, а сроками эксплуатации РПК. Реально из-за неудовлетворительного финансирования ядерная группировка ВМФ может быть ниже уровней, установленных СНВ-2, вне зависимости от его выполнения или нет.

Программы развития МСЯС. При подписании договора СНВ-2, как считается, предполагалось, что Россия к 2003 году будет иметь в боевом составе 23–25 РПК третьего/четвертого поколений¹⁶⁵. Однако из-за ускоренного вывода из боевого состава РПК в силу недофинансирования ремонтных работ реальный темп вывода оказался значительно выше. Такое положение заставляет активизировать работы по созданию новых РПК.

В 1996 году был заложен новый РПК *Юрий Долгорукий*. Это первый РПК серии *Борей* – проект 955¹⁶⁶. Он способен нести 12 ракет. Есть два предположения по поводу этого проекта. Одно заключается в том, что он продолжает проект 667 БДРМ (*Delta IV*)¹⁶⁷. Есть и второе предположение, высказываемое в основном за Западе. Оно состоит в том, что *Борей* продолжает проект 941 (*Typhoon*)¹⁶⁸. Основанием для этого предположения является то, что новый РПК должен быть оснащен модификацией РСМ-52, ставившихся на проект 941. В апреле 1998 года главком ВМФ Владимир Куроедов заявил по поводу нового РПК: «весь комплекс оборудования и вооружения здесь будет принципиально новым»¹⁶⁹.

Таблица 5. Состав МСЯС*

Наименование		Количество		
Ракет	РПК	Ракет	РПК	БГ
PCM-25 (SS-N-6)	<i>Yankee I</i>	16	1	16
PCM-40 (SS-N-8)	<i>Delta I, II</i>	192	12	192
PCM-50 (SS-N-18)	<i>Delta III</i>	208/176**	13/11**	624/528**
PCM-52 (SS-N-20)	<i>Typhoon</i>	120/60**	6/3**	1200/600**
PCM-54 (SS-N-23)	<i>Delta IV</i>	112	7	448
Итого		648/556**	39***/35**	2480/1576**

Примечания:
* Все данные, если не указано иное, приведены по Меморандуму о взаимопонимании к договору СНВ-1 (по состоянию на 1 июля 1998 года).
** NRD Nuclear Notebook. Russian Strategic Nuclear Forces, End of 1998. *The Bulletin of Atomic Scientists*. March/April 1999. Vol. 55, No.2.
*** Реально по состоянию на 1 января 1997 года в составе морских стратегических ядерных сил числилось 26 подводных ракетоносцев¹⁷⁰ – *Delta III, Typhoon, Delta IV*. В последние годы из боевого состава было выведено 36 РПК – *Yankee I, Delta I, II*¹⁷¹. Это РПК второго поколения, их срок эксплуатации истек к 1997 году. То же относится и к БРПЛ, установленным на них. Но правила засчета по договору СНВ-1 таковы, что не все из них выпадают из официального засчета. Для этого необходимо проведение ряда мер: вырезать ракетные отсеки и удалить ПУ БРПЛ. Эти работы были проделаны на 20 РПК. После чего они были исключены из засчета. Еще на 16 РПК были выгружены ракеты¹⁷², но остальные работы не проведены, и они засчитываются по правилам договора. Именно эти РПК и их уже снятое вооружение и учитываются в таблице.

Источники:
1. Меморандум о взаимопонимании к договору СНВ-1 (по состоянию на 1 июля 1998 года) (<http://www.acda.gov/factshee/wmd/nuclear/start1/startagg.htm>).
2. NRD Nuclear Notebook. Russian Strategic Nuclear Forces, End of 1998. *The Bulletin of Atomic Scientists*. March/April 1999. Vol. 55, No.2 (электронная версия: <http://www.bullatomsci.org/issues/nukenotes/ma99nukenote.html>).

Таблица 6. Истечение гарантийных сроков

Тип	Истечение гарантийных сроков
PCM-50	Сроки будут истекать в два этапа ¹⁷³ : к 2000 году (128 ПУ); к 2004 году (80 ПУ).
PCM-52	В 2007–2014 годах (120 ПУ) ¹⁷⁴ .
PCM-54	В 2006–2011 годах (128 ПУ) ¹⁷⁵ .
<i>Delta III*</i>	Начиная с 2000–2003 года, надо буде выводить из эксплуатации примерно по одной лодке в год. К 2010–2014 году все подлодки выработают свой ресурс.
<i>Typhoon*</i>	Начиная с 2007–2010 года, надо будет выводить из эксплуатации примерно по одной лодке в год. К 2014–2016 году все подлодки выработают свой ресурс.
<i>Delta IV*</i>	Начнут выводить из боевого состава в 2013–2015 годах примерно по одной в год. К 2017–2020 году все подлодки будут выведены из боевого состава.

Примечания:
* Срок эксплуатации РПК составляет 25–30 лет. Однако для выработки максимального ресурса необходимо проводить средний ремонт каждые семь-восемь лет. Иначе продолжительность службы подлодки может быть сокращена до 10–15 лет. По состоянию на 1995 год сроки проведения ремонта не истекли только у 20 РПК¹⁷⁶. Поскольку положение с финансированием этих работ не изменилось, то к 2000 году РПК с неистекшими межремонтными сроками будет не более десяти.

С новой ракетой для *Юрия Долгорукого* действительно есть сложности. В принципе возможна постановка на него одного из двух типов ракет – модификация твердотопливной РСМ-52, модификация жидкостной РСМ-54.

Модификация РСМ-52. Работа над этой твердотопливной ракетой ведется в КБ им.Макеева. Однако работы отстают от первоначального графика¹⁷⁷. В основном из-за

перебоев с финансированием. Скорее всего число БГ на новой ракете будет таким же, как и на РСМ-54. В этом случае при оснащении *Юрия Долгорукого* модификацией РСМ-54 на каждом РПК будет по 48 БГ. Осенью 1997 года прошло не вполне удачное испытание ракеты¹⁷⁸. По мнению военных, для доведения БРПЛ необходима серия примерно в 20 испытаний. А неудавшееся испытание новой ракеты было лишь четвертым.

Научные Записки ПИР-Центра №10

Модификация РСМ-54. О том, чтобы такие работы проводились, пока не известно. Однако после неудачных испытаний твердотопливной БРПЛ появились предположения, что *Юрий Долгорукий* может быть оснащен жидкостной ракетой.

После заседания Совета безопасности РФ от 3 июля 1998 года, где, как предполагается, обсуждался вопрос строительства нового РПК,

появился новый вариант оснащения *Юрия Долгорукого*. Он состоит в создании унифицированной ракеты (и для РВСН и для ВМФ). Работы будет проводить Московский институт теплотехники. Сообщалось, что главком ВМФ Владимир Куроедов рассчитывает получить в марте 1999 года новые чертежи РПК с перепроектированным ракетным отсеком¹⁷⁹.

Таблица 7. СЯС воздушного базирования*

Наименование	Количество	Из них с КРВБ (БД)	БЗ	Из них КРВБ (БД)
Ту-95 (различной модификации)	68/64**	64	516/734**	512
Ту-160	6	6	48/72**	48
Итого	74	70	564***/806**	560

Примечания:
* Данные в таблице приведены по состоянию на вторую половину 1998 года. Все данные, если не указывается иное, приведены по Меморандуму о взаимопонимании к договору СНВ-1 (по состоянию на 1 июля 1998 года).
** NRD Nuclear Notebook. Russian Strategic Nuclear Forces, End of 1998. *The Bulletin of Atomic Scientists*. March/April 1999. Vol. 55, No.2.
*** Это по правилам засчета СНВ-1. Реально могут нести более 800 БЗ¹⁸⁰.

Источники:
1. Меморандум о взаимопонимании к договору СНВ-1 (по состоянию на 1 июля 1998 года) (<http://www.acda.gov/factshee/wmd/nuclear/start1/startagg.htm>).
2. NRD Nuclear Notebook. Russian Strategic Nuclear Forces, End of 1998. *The Bulletin of Atomic Scientists*. March/April 1999. Vol. 55, No.2 (электронная версия: <http://www.bullatombci.org/issues/nukenotes/ma99nukenote.html>).

Таблица 8. Истечение гарантийных сроков

Тип	Истечение гарантийных сроков*
Ту-95К	Гарантийные сроки уже истекли, и они выводятся из боевого состава.
Ту-95К-22	Гарантийные сроки уже истекли, и они выводятся из боевого состава.
Ту-95МС-6/ Ту-95МС-16	Их жизненный цикл составляет примерно 30 лет. Ввод в эксплуатацию был начат в 1981 году ** и продолжался до начала девяностых годов ¹⁸¹ . Гарантийные сроки этих модификаций должны начать истекать примерно в 2010 году, и к 2020 году все они должны быть выведены из боевого состава.
Ту-160	Начало вывода из боевого состава начнется примерно в 2013–2015 годах. К 2020–2023 году гарантийные сроки всех самолетов истекут.

Примечания:
* Необходимо учитывать, что реальные темпы вывода из боевого состава могут быть значительно выше, что связано с недостатком средств на эксплуатационно-ремонтные работы. Еще один отрицательный фактор состоит в том, что сокращено число полетов. А как говорят сами летчики: «Самолет, который не летает – это уже не самолет». Сокращение времени полетов происходит в том числе и из-за недостатка топлива. Так, например, на 1998 год дальней авиации выделили только 20% от необходимого количества¹⁸². Тем не менее, в октябре 1998 года были проведены масштабные учения дальней авиации¹⁸³.
** По другим данным их ввод в боевой состав начался в 1984 году¹⁸⁴.

Таблица 9. Состав авиационных СЯС без допроизводства, но с учетом вывода из боевого состава*

Тип	2004 год		2010 год	
	Количество	БЗ	Количество	БЗ
Ту-95К	0	0	0	0
Ту-95К-22	0	0	0	0
Ту-95МС-6/ Ту-95МС-16	63	~508	>63	>508
Ту-160	6	~48	6	~48

Примечание:
* Как уже отмечалось, реально темпы вывода авиационных средств из боевого состава могут быть выше. В этом случае и количественный состав авиационных средств будет меньше.

Условия договоров СНВ-1 и СНВ-2 не требуют от России дополнительных сокращений в воздушной составляющей СЯС¹⁸⁵. Лимиты договора выполняются и при проведении только плановых работ по выводу из боевого состава.

Выполнение или, наоборот, невыполнение условий договоров СНВ-2 не отразится на составе авиационной составляющей СЯС России.

Программы развития воздушных СЯС. После отказа Михаила Горбачева от производства Ту-160 из-за их высокой стоимости и развала Советского Союза, в результате которого за пределами России осталась основная часть новых ТБ, создавалось впечатление, что эта компонента СЯС постепенно отомрет и у России останется диада СЯС (РПК, МБР)¹⁸⁶. Тем более, что процесс возврата в Россию ТБ из стран СНГ шел тяжело. Если из Казахстана ТБ удалось вывести довольно легко, то с Украиной возникли трудности. Переговоры о выкупе Россией ТУ-160, оставшихся на Украине, зашли в тупик. Сейчас их выкупать все равно уже не имеет смысла, так как при низком уровне обслуживания этих самолетов (в основном из-за недостатка средств) их боевые возможности можно поставить под вопрос.

Однако в военно-политической элите возобладало стремление к сохранению ядерной триады. Расчет делается на группировку примерно в 80 ТБ. Осенью 1997 года было принято решение о завершении производства шести Ту-160¹⁸⁷, приостановленного президентом СССР. По некоторым данным начаты работы и по созданию нового ТБ¹⁸⁸. По наиболее оптимистичным прогнозам он должен быть введен в боевой состав в 2005 году¹⁸⁹. Однако возможности выполнения заявленных намерений стоит оценивать скептически. Можно согласиться с тем, что в условиях недостатка ресурсов программы по модернизации воздушных СЯС уступают по приоритетности программам модернизации РВСН и МСЯС¹⁹⁰. И они начнут выполняться только после прогресса по программам модернизации РВСН и МСЯС и в случае, если финансирование программ по ВСЯС не будет отрываться средства от модернизации РВСН и МСЯС.

В то же время идет процесс модернизации вооружения ТБ. Приоритетным направлением здесь является создание новых образцов

КРВБ. Собственно во многом можно согласиться с тем, что вопрос сохранения ВСЯС сводится не к тому, нужны ли ТБ, а нужны ли КРВБ¹⁹¹. В этой связи при принятии решения на сохранение ВСЯС совершенно логичным выглядит создание новых КРВБ. В августе 1998 года прошли испытания новой крылатой ракеты, предназначенной для оснащения ТБ Ту-95 МС и Ту-160¹⁹². Эту КРВБ называют *ракетой-невидимкой*. У нее снижена отражающая способность до одной сотой квадратного метра. Кроме того, она, как сообщается, обладает повышенной точностью – боковое отклонение не превышает шесть-девять метров. Дальность – 5000 километров.

Система управления стратегическими ядерными силами России¹⁹³

Данная тема остается одной из наиболее закрытых как для отечественных, так и для зарубежных исследователей. В этом смысле данный вопрос кардинально отличается от других проблем ЯО России, поскольку в последнее десятилетие появилось достаточно много открытой и доступной информации для анализа СЯС РФ.

СБУ состоит из трех составляющих: СПРН, выработка решения на политическом уровне, передача данных в виды ВС для применения ЯО.

По мере развития СЯС в ходе холодной войны центральным компонентом СБУ стала СПРН. Это было связано с тем, что при опоре на концепцию ОВУ одной из основных задач становилось получение достоверной и оперативной информации о нанесении ядерного удара.

СПРН РФ состоит из наземной и космической компонент. Основу СПРН СССР составляли наземные РЛС. В шестидесятые-семидесятые годы Советский Союз создал эшелон наземных РЛС, который состоял из шести станций типов *Днестр* и *Днепр*. Для расположения этих станций были выбраны следующие точки: Скрунда, Мукачево, Балхаш, Мишелевка, Оленегорск, Николаев¹⁹⁴. В дальнейшем к ним прибавились новые места расположения станций: Москва, Печора, Енисейск, Ганцевичи, Мингечуар. Но одновременно новые типы РЛС строились и на всех старых объектах, за исключением Николаева.

Скрунда (Латвия)

РЛС *Днестр-М* – в девяностые годы продолжала функционировать по

Научные Записки ПИР-Центра №10

«Соглашению между Российской Федерацией и Латвийской республикой о правовом статусе Скрундской РЛС на период ее временного функционирования и демонтажа» и входила в систему СПРН России. 31 августа 1998 года по этому соглашению радар был снят с боевого дежурства, и в следующие 18 месяцев должен быть демонтирован¹⁹⁵. Российская сторона не раз выступала с предложениями о продлении договора об аренде станции (в качестве посредников для переговоров с Латвией пытались привлечь США), но латвийская сторона не согласилась¹⁹⁶.

РЛС *Дарьял-УМ* – была взорвана в 1995 году.

Мукачево (Украина)

РЛС *Днепр* – находится в функциональном состоянии, но до последнего времени практически не использовалась в системе СПРН РФ¹⁹⁷, так как не были урегулированы юридические вопросы. Правда, официально это не признавалось. Так, командующий войсками РКО в одном из своих интервью в 1997 году заявил, что «все ее [СПРН – **Авт.**] станции (в Казахстане, Украине, Азербайджане) исправно выдают информацию, решая свои задачи на рекетоопасных направлениях»¹⁹⁸. Соглашение, регламентирующее работу этой станции, а также РЛС в Николаеве, было подписано в 1997 году. В начале 1999 года оно было ратифицировано в России.

РЛС *Дарьял-УМ* – строительство было заморожено в 1991 году. Перспектив достройки и использования в СПРН РФ нет.

Николаев (Украина)

РЛС *Днепр* – то же, что и с РЛС *Днепр* в Мукачево.

Мингечуар (Азербайджан)

РЛС *Дарьял-У* – этот узел продолжает работать в составе СПРН РФ. Однако будущее этой станции не до конца понятно, поскольку ее правовой статус продолжает оставаться неясным. Ведутся переговоры¹⁹⁹. Правительство Азербайджана отказывается подписать с Россией договор о предоставлении этому объекту статуса военной базы РФ. Ситуация на самом объекте также неблагоприятная. Он не раз привлекал внимание преступных групп и подвергался нападению. Некоторые источники указывают на случаи коррупции и воровства на объекте, втягивания его в орбиту интересов преступных групп²⁰⁰, хотя командование войск РКО эти данные опровергало²⁰¹. Тем не менее,

не исключено, что России рано или поздно придется отказаться от использования этой станции.

Балхаш (Казахстан)

РЛС *Днепр* – станция находится в функциональном состоянии, но ее использование затруднено нерешенностью юридических вопросов.

РЛС *Дарьял-У* – станция построена, но на ней не завершены наладочные работы из-за финансовых и юридических сложностей. Перспектив их разрешения пока нет. Не исключено, что объект Балхаш будет потерян для СПРН РФ.

Ганцевичи (Белоруссия)

РЛС *Волга* – станция не достроена. После закрытия РЛС в Скрунде ее строительство ведется интенсивно. Власти Белоруссии идут навстречу российской стороне при разрешении сложных вопросов, связанных с сооружением объекта, в том числе и финансовых. Так, например, Белоруссия не требует денег за аренду станции, использование каналов связи и командных пунктов ПВО²⁰². Станция будет введена в строй и войдет в систему СПРН РФ. Возможно, это произойдет уже в 1999 году.

Мишелевка (Россия)

РЛС *Днепр* и РЛС *Дарьял-У* – обе станции функционируют.

Печора (Россия)

Функционирует РЛС *Дарьял-У*.

Оленегорск (Россия)

РЛС *Днестр-М* функционирует. РЛС *Дарьял* – опытный образец в СПРН РФ не входит.

Москва (Россия)

РЛС *Дунай* – входит в систему ПРО столицы.

Система станций типов *Днепр* и *Днестр* перекрывала основные направления, с которых предполагалось нанесение ядерного удара по СССР – западное, северо-западное, восточное и юго-восточное. Однако к концу девяностых годов эти РЛС должны выработать свой ресурс. Исходя из этого, а также из стремления перекрыть все возможные направления ракетного удара, политическое и военное руководство страны приняло решение о строительстве в восьмидесятые годы ряда новых станций типов *Дарьял*, *Волга*, *Дунай*.

Научные Записки ПИР-Центра №10

К концу девяностых годов у СССР должно было быть в эксплуатации восемь РЛС типов *Дарьял*, *Волга* и *Дунай*, шесть РЛС типов *Днестр* и *Днепр*. У последних типов станций к этому же времени истекли гарантийные сроки эксплуатации²⁰³, и они бы безболезненно для обороноспособности страны выводились из СПРН.

Развал СССР отразился на СПРН страны. Функционируют все пять РЛС, расположенные на территории России. Из них одна РЛС *Днепр* и одна *Днестр-М*, две РЛС *Дарьял-У* и одна РЛС *Дунай*. Вне пределов России в настоящее время функционирует только РЛС *Дарьял-У* в Азербайджане, но прогнозируется отказ от ее использования по объективным причинам. В то же время в составе СПРН РФ будут функционировать РЛС на Украине и в Белоруссии.

В ближайшие годы, если следовать прежним планам СССР, основанным на технических характеристиках станций, России придется отказаться от использования РЛС старых типов. Тогда в составе СПРН останется только три РЛС нового поколения, расположенных в России. По всей видимости, часть станций *Днепр* и *Днестр* уже выработали первоначально определенный технический ресурс, что потребовало его продления. Это, например, относится к двум РЛС на Украине: их технический ресурс был продлен до 2005 года²⁰⁴.

Если смотреть по направлениям прикрытия, то российские станции прикрывают северное направление, частично восточное и южное. Открытым останется (без ввода РЛС *Волга* в Белоруссии) западное направление. С ее вводом частично будет прикрыто северо-западное направление. Особенно актуальным вопрос прикрытия этих направлений встал после снятия с боевого дежурства РЛС в Скрунде. Меры по предотвращению снижения степени эффективности СПРН РФ на данных направлениях сводятся к «перенацеливанию части космической группировки, доработке боевой программы наземных радаров, расположенных на северо-западном направлении России и стран СНГ», а также к вводу в строй станции в Белоруссии²⁰⁵.

Космическая составляющая СПРН СССР была создана и начала функционировать в начале восьмидесятых годов. В этот эшелон входят спутники на высокоэллиптических орбитах. В Советском Союзе не получило развития использование спутников на

геостационарных орбитах. Группировку таких спутников предполагалось создать к концу восьмидесятых, но сделать этого не удалось в основном по финансовым причинам.

Группировка спутников на высокоэллиптических орбитах должна состоять примерно из 10 единиц. Есть различные данные по количеству спутников, которые одновременно должны находиться на орбитах для работы в системе СПРН. Министр обороны Игорь Родионов говорил о 12 спутниках²⁰⁶. Некоторые специалисты используют цифру 9²⁰⁷. По третьим данным в Советском Союзе число таких спутников доходило до 20²⁰⁸. В настоящее время, в силу прежде всего экономических причин, российские военные не могут обеспечить полноценное функционирование космического эшелона по количественным показателям. На орбите одновременно находится не более шести спутников²⁰⁹. По другим данным – только пять²¹⁰.

Группировка спутников на геостационарных орбитах должна была по планам СССР состоять из семи единиц. Однако удалось запустить только два спутника. Причем одновременно на орбите они так и не находились. В конце 1997 года пришел в негодность первый спутник, выведенный на орбиту в августе 1997 года. Второй перестал поддерживать связь с Землей через несколько месяцев после запуска в апреле 1998 года.

Таким образом, космическая часть СПРН РФ состоит только из спутников на высокоэллиптических орбитах. Они обеспечивают постоянный контроль за районами дислокации МБР в континентальной части США и районами патрулирования ПЛАРБ в Северной Атлантике²¹¹.

В целом можно сказать, что состояние СПРН нуждается в пристальном внимании. С распадом СССР количество РЛС в СПРН резко сократилось. Финансовых средств для компенсации этих потерь пока нет и скорее всего не будет. Количество спутников в космическом эшелоне недостаточно. Кроме этого, по данным РВСН, 68% военных космических аппаратов выработали свой ресурс²¹².

Управление. Основным компонентом здесь является система принятия решения о нанесении ядерного удара. Такое решение могут принять три человека: президент,

Научные Записки ПИР-Центра №10

министр обороны и начальник Генерального штаба.

За последние восемь лет несколько раз менялась система СБУ. История преобразований после *путча* 1991 года и после развала СССР подробно описана²¹³. Меньше известно о попытках внесения изменений в эту систему в последние годы. О том, что такие планы были, свидетельствуют хотя бы заявления тогда еще главкома РВСН Игоря Сергеева на пресс-конференции 16 декабря 1996 года, вскоре после окончания воинской службы министра обороны Игоря Родионова. Тогда главком РВСН Игорь Сергеев предположил, что после того, как министр обороны стал штатским, в СБУ СЯС РФ «видимо, что-то будет меняться»²¹⁴. Время от времени, в основном в кризисные моменты, вопрос об изменениях в СБУ вновь и вновь *всплывает*. Так, после отставки премьера Сергея Кириенко, назначения исполняющим обязанности премьера Виктора Черномырдина появились публикации, в которых говорилось о *серьезных изменениях СБУ*²¹⁵, правда, не вполне понятно, какова связь смены кабинета и реформы СБУ, поскольку премьер в эту систему, по крайней мере, как основной *игрок* не входит.

О системе принятия решений в треугольнике – президент, министр обороны, начальник Генерального штаба – известно немного, но если обобщить эти данные, то получается, что инициатором принятия решения о нанесении ядерного удара должен обязательно быть президент. Он не производит непосредственно запуск ракет, а дает санкцию министру обороны и начальнику Генерального штаба на управление ядерными средствами (их применение). Технически это выглядит как ввод президентом кода, без которого активизация ядерных средств невозможна. В дальнейшем министр обороны и начальник Генерального штаба вводят свои коды.

Есть две версии работы системы на этой стадии. Первая заключается в том, что коды трех участников механизма принятия решения должны быть введены одновременно. Вторая – они могут быть введены неодновременно. Сказать, какая из версий ближе к истине, сложно. Можно предположить, что реальность первой сомнительна, поскольку обеспечить одновременное введение кодов сложно технически.

Таким образом, скорее всего допустимо их последовательное введение, но первым это

должен сделать президент: без него решение о применении ЯО не может быть принято. В то же время он на определенном этапе, а именно после введения своего кода, выпадает из системы принятия решений, так как дальше все зависит от министра обороны и начальника Генерального штаба.

Есть различные данные о том, от кого, министра обороны или начальника Генерального штаба, поступает приказ в виды ВС и далее конкретным боевым расчетам. Некоторые специалисты предполагают, что первым вводит код президент, затем министр обороны и только потом начальник Генерального штаба, который и передает их расчетам ПУ²¹⁶. Эту же схему подтвердил и главком РВСН Владимир Яковлев в интервью журналу *Ядерный Контроль*: «С центрального командного пункта Генштаба этот приказ [приказ на применение СЯС РФ – **Авт.**], соответствующим образом оформленный, по всем средствам централизованного боевого управления доводится до центральных командных пунктов видов Вооруженных сил, имеющих стратегические ядерные средства, и далее до непосредственных исполнителей, несущих боевое дежурство, до каждой пусковой установки»²¹⁷.

При этом задача главкоматов видов ВС после получения приказа сводится к проверке его достоверности, в случае необходимости дублированию его в войска и организации его исполнения, а также сбору донесений о выполнении боевых задач²¹⁸.

В отечественной и зарубежной печати неоднократно появлялись сообщения о так называемой *мертвой руке*²¹⁹. Это система автоматизированного санкционирования применения ЯО. До сих пор нет однозначного ответа на вопрос о том, существует она на самом деле или нет. Известно только, что она создавалась. Военные и политики заявляют, что применение ЯО без санкции президента произойти не может. Это можно расценивать как свидетельство того, что системы *мертвой руки* нет. Но в СМИ – отечественных и зарубежных – сообщения о наличии такой системы время от времени появляются²²⁰. Один из последних всплесков таких заявлений совпал с информацией о строительстве в Башкирии некоего бункера для президента РФ²²¹. Не совсем понятно, почему зарубежные журналисты и специалисты связали информацию (слухи) об этом объекте с *мертвой рукой*. Ведь системы автоматизированного пуска должны

Научные Записки ПИР-Центра №10

действовать, если политическое руководство не может выдать санкцию на применение ЯО, то есть в случае гибели или недееспособности. Но в таком случае зачем же бункер?

Сама идея *мертвой руки* активно прорабатывалась не только в Советском Союзе, но и за рубежом. Теоретически эта идея имеет смысл и стройное логическое обоснование. Суть ядерного сдерживания, на котором основывалась модель стратегической стабильности времен *холодной войны*, заключалась в возможности обеих сторон нанести противнику гарантированное возмездие. Но по мере развития концепций упреждающего обезглавливающего удара, во время которого объектами поражения должны были стать и предполагаемые места нахождения политического и военного руководства, появлялась опасность того, что приказ на применение ЯО стороной, подвергшейся нападению, может не последовать. Вероятность такого развития событий, с одной стороны, увеличивалась благодаря превалированию ядерного нападения над обороной от такового (ограничение ПРО). С другой, – уменьшалась благодаря развитию возможностей по идентификации ядерного удара (СПРН), переходу к концепции ОВУ и созданию, а затем совершенствованию автоматизированных СБУ. Тем не менее, *мертвая рука* теоретически была самым надежным механизмом обеспечения гарантированного возмездия.

Конечно, у этой идеи были свои недостатки, широко освещенные в научной печати. Их суть сводилась к тому, что техника может подвести. По мере того, как две стороны переходили от планов боевого применения ЯО против друг друга к выработке планов предотвращения такого применения, по крайней мере случайно, идея *мертвой руки* становилась все менее и менее привлекательной и на теоретическом уровне.

Контроль. За рубежом время от времени появляются данные о неадекватной системе контроля за ядерными силами РФ. В частности, речь идет и о *прорехах* в системе пассивного контроля, то есть появляются подозрения, что возможен несанкционированный доступ к ЯО и даже несанкционированное его использование²²².

Российские военные и чиновники категорически опровергают все подобные заявления. Основания верить одним или

другим такие же, как и не верить. Реально о надежности системы можно судить только по одному показателю. До настоящего времени не было случаев несанкционированного доступа к ЯО и тем более несанкционированного его использования.

Связь. Три компонента системы: получение информации, принятие решения на основе этой информации (дальнейшая переработка этого решения в боевой приказ) и выполнение этого приказа, мало что значат без еще одного компонента – связи.

Связь при принятии ядерных решений обеспечивается через систему автоматизированной связи *Казбек*²²³. Конечными терминалами системы являются РЛС и ПУ. С РЛС информация поступает на табло *Крокус*²²⁴, оттуда президенту, министру обороны и начальнику Генерального штаба, о них приказ поступает на КП видов ВС, а от них на ПУ, подлодки и базы стратегических бомбардировщиков.

РЛС. Есть различная информация о процедурах на этом уровне. Известно, что первичная обработка получаемых данных производится на месте. Первичная обработка состоит в автоматической обработке параметров траектории полета ракеты и сопоставлении этих данных с теми данными, которые были предоставлены в уведомлении об ожидаемом запуске ракеты какой-то страной²²⁵. При несовпадении они передаются. Если данные не совпадают, то передаются. Здесь есть различия в данных о процедуре передачи информации. По одним данным это происходит в автоматическом режиме²²⁶. По другим – с санкции оператора²²⁷.

Табло Крокус. Местоположение этого табло точно не известно. По одним данным оно располагалось на КП ПВО²²⁸ и находилось в ведении рода войск ПВО ВКО. В этом случае сейчас оно перешло в ведение РВСН после объединения ПВО и ВВС и перехода рода войск ПВО ВКО к РВСН. По другим данным оно расположено на КП Генерального штаба и находится под зданием на Арбатской площади. И уже оттуда, в случае необходимости, информация передается на КП ПВО²²⁹.

На табло *Крокус* поступает вся информация с РЛС и спутников. Дежурный офицер табло имеет звание не ниже генерал-майора. Его задача состоит в том, чтобы при поступлении на табло данных о неизвестной

Научные Записки ПИР-Центра №10

ракете обеспечить возможность политическому и военному руководству страны принять соответствующее решение. Для этого ему необходимо произвести следующие операции²³⁰:

1. Активизировать место дежурного;
2. Ввести коды;
3. Передать информацию на терминалы комплектов №1, 2, 3 (ядерные чемоданчики президента, министра обороны и начальника Генерального штаба);
4. Получить подтверждение о принятии на терминалах комплектов его информации;
5. Организовать конференцию между президентом, министром обороны и начальником Генерального штаба, с возможностью связи с советниками, главнокомандующими и всеми остальными, кто может понадобиться им.

В случае отмены тревоги, например, при поступлении дополнительных данных, свидетельствующих о том, что угрозы национальной безопасности страны нет, дежурный по табло деактивизирует место дежурного и переходит в обычный режим работы²³¹.

Комплекты №1, 2, 3 (ядерные чемоданчики президента, министра обороны, начальника Генерального штаба). Недалеко от президента, министра обороны и начальника Генерального штаба постоянно находятся дежурные офицеры-операторы комплектов. Сам комплект состоит из двух компонентов, по виду напоминающих кейсы²³². По всей видимости, один из них предназначен для получения информации с табло и связи, а второй – для введения кода, санкционирующего применение ЯО.

О том, в какой последовательности вводятся коды, уже говорилось. После введения всех кодов приказ о применении ЯО поступает на КП видов ВС, которые затем должны действовать в соответствии с оперативными планами, разработанными в мирное время Генштабом.

Узловые моменты СБУ. Узловыми и проблемными моментами системы являются те моменты, когда решение принимает человек. Таких моментов в системе четыре:

- 1) решение дежурного оператора РЛС о передаче информации в Центр (если это не происходит в автоматическом режиме);
- 2) решение дежурного генерала табло *Крокус* об активизации ядерных чемоданчиков;

- 3) принятие решения политическим и военным руководством страны;
- 4) передача приказов в войска с КП видов ВС.

Эти проблемные моменты можно классифицировать по сути проблемы, стоящей перед человеком. В пунктах 1 и 4 – это исключительно вопрос дисциплины и морально-психологической устойчивости дежурных офицеров.

Сложнее обстоит дело с дежурным табло. *С одной стороны*, речь вроде бы тоже идет о дисциплине и морально-психологической устойчивости: есть инструкция – выполняй. Но *с другой*, – он передает информацию на *самый верх*. В момент передачи информации вполне может еще ощущаться ее недостаток, как, например, было при запуске норвежской ракеты в январе 1995 года²³³. Сама ситуация недостатка информации при ее передаче политическому и военному руководству заложена изначально, поскольку предусматривается возможность последующего перевода ядерных чемоданчиков в обычный режим при отмене тревоги. Поэтому дежурный табло, зная политические нравы России, при всей своей дисциплинированности и морально-психологической устойчивости не может не учитывать того, что потом его обвинят в паникерстве, мнительности и т.д. Появляется стимул попридержать информацию, а это чревато провалом системы принятия ядерных решений.

Еще с большими проблемами сталкиваются *владельцы ядерных чемоданчиков*. Пока только один раз в истории принималось решение о применении ЯО. Опыт абсолютно недостаточный. Предположить, как себя в этой ситуации поведет человек, невозможно. Об опыте, приобретаемом в мирное время, говорить сложно, поскольку на этот счет есть противоречивые данные. Так, президент после случая с норвежской ракетой заявил, что «действительно в первый раз» открыл два чемоданчика²³⁴. В то же время бывший глава службы охраны президента пишет в своих мемуарах: «...несколько раз мы проверяли, как работает ядерный чемоданчик. Шеф отдавал приказ, и запуски происходили на Камчатке. Все срабатывало отменно»²³⁵. Кроме того, есть сомнения, что *владелец ядерного чемоданчика* действительно постоянно находится рядом с ним. В мемуарах Александра Коржакова описывается, как происходила передача *чемоданчика* от

Научные Записки ПИР-Центра №10

президента СССР президенту России. Его привез генерал Болдарев с офицерами спецсвязи²³⁶. Значит, некоторое время чемоданчик находился достаточно далеко от ключевого элемента принятия ядерных решений – главы государства.

Особые опасения вызывает нынешний президент России. Его *крутой* нрав и склонность к ипотажу могут оказаться отрицательными факторами принятия ядерных решений. Есть данные, что условие постоянного наличия невдалеке от него офицеров-операторов *ядерных чемоданчиков* не выполняется. Бывший начальник службы охраны президента описывает случаи, когда президент России уезжал на конфиденциальные встречи в сопровождении только одного телохранителя, без сопровождения²³⁷. Конечно, не вызывает сомнения, что в случае необходимости *чемоданчик* может быть оперативно доставлен главе государства. Однако при принятии ядерных решений счет должен идти на минуты – вся процедура, включая передачу информации на всех этапах, действия дежурных по инструкции и т.д., должна занять 15–20 минут. Это подлетное время МБР.

Таким образом, нынешнее состояние СБУ ядерными силами России можно оценить как проблемное. Это относится и к техническому и к человеческому фактору.

Требования к СБУ СЯС России. Довольно распространенным является следующее мнение: «В силу произошедших изменений в самом характере отношений между ядерными державами в настоящее время уже нет острой необходимости в функционировании всей системы боевого управления СЯС с той высочайшей степенью напряженности, которая требовалась в период острого ядерного противостояния в годы *холодной войны*. Те характеристики, которыми она обладает сегодня, соответствуют возможному сценарию развития ситуации и достаточны для поддержания стратегического ядерного сдерживания»²³⁸.

Согласиться с таким утверждением трудно по двум причинам. *Во-первых*, как видно из данных, приводившихся выше, в девяностые годы появился ряд трудностей с поддержанием СБУ. Можно по-разному оценивать эти трудности. Для сравнения приведем точку зрения бывшего министра обороны России Игоря Родионова: «...некоторые узлы отработали по два-три

эксплуатационных срока. Никто сегодня не может дать гарантию надежности отечественных систем управления... Как бы через некоторое время Россия не подошла к порогу, за которым ракеты и ядерные системы станут неуправляемыми»²³⁹. Главком РВСН Владимир Яковлев сообщал о том, что 71% средств управления в РВСН выработали свой ресурс²⁴⁰.

Во-вторых, неадекватной представляется сама логика этой цитаты. Получается, что если сократились ядерные арсеналы, то снижаются и требования к СБУ. Как раз наоборот, «система управления [...] должна компенсировать снижение сдерживающего фактора при сокращениях СНВ»²⁴¹. Если раньше, имея запас возможностей для нанесения неприемлемого ущерба, можно было в каких-то случаях положиться на этот запас, переоценивая возможности СБУ, то теперь, когда этот запас постоянно снижается, к СБУ должны предъявляться повышенные требования.

Таким образом, в условиях процесса сокращения ЯО требования к СБУ возрастают. В этой связи ухудшение состояния СБУ в последние годы, безотносительно к масштабам этого ухудшения, можно расценивать как фактор, отрицательно влияющий на безопасность России.

Тактическое ядерное оружие России

Вопрос о тактическом ядерном оружии отличается крайней неопределенностью, объем фактологических открытых данных незначителен. В связи с этим приходится в основном оперировать непроверенной и, как правило, официально некомментируемой информацией.

Состав тактических ядерных сил России. Вопрос о фактологической стороне вопроса можно подразделить на следующие составляющие:

- номенклатура тактических ядерных средств;
- общее количество ТЯО;
- выполнение односторонних инициатив 1991 года;
- распределение общего количества ТЯО по видам (БР, КР различных типов, ядерные мины/фугасы, ядерная артиллерия, ядерные авиационные бомбы, торпеды, БГ противоракет);

Научные Записки ПИР-Центра №10

- доля ТЯО, находящегося в боевом составе, и доля выведенного из боевого состава, складированного ТЯО;
- распределение ТЯО по родам войск.

Номенклатура ТЯО РФ. Недостатка в различного рода спекуляциях на тему состава тактических ядерных сил России нет. Достаточно упомянуть хотя бы дело о *ядерных чемоданчиках*, находившихся в распоряжении спецназа КГБ и/или ГРУ.

Номенклатуру ТЯО можно рассматривать по видам ВС, а можно по типу базирования. Автор предпочитает вариант их рассмотрения по типу базирования, так как он не требует оговорок об изменении видовой структуры армии, что может привести к путанице.

ТЯО наземного базирования:

- БГ БР малой дальности и КРНБ малой дальности (обычно их объединяют в одну категорию – *ракеты класса поверхность-поверхность малой дальности*);
- артиллерийские снаряды;
- ядерные мины/фугасы (их существование долгое время не признавалось советской стороной);
- БГ противоракет (ракеты класса *поверхность-воздух*).

ТЯО морского базирования:

- глубинные бомбы;
- торпеды;
- КРМБ.

Раньше еще иногда упоминали ядерную морскую артиллерию. Возможно, что эти средства существовали, но вряд ли они были, по крайней мере, в более-менее значительном количестве к концу восьмидесятых годов. Задачи, которые ранее в морском бою решались морской артиллерией, перекладывались на ракетное и минно-торпедное оружие по мере его развития. В связи с этим интерес к корабельной артиллерии после второй мировой войны постоянно снижался²⁴². В семидесятые годы в Советском Союзе активно разрабатывали КРМБ, поэтому этих средств в количественном отношении может быть достаточно много. В условиях значительного интереса к противолодочным средствам, который по понятным причинам проявлял Советский Союз, упор был сделан и на производство глубинных бомб (как для кораблей, так и для морской авиации наземного базирования и палубных

вертолетов, которые выполняли в основном противолодочные функции). Тем более, что отечественные специалисты отмечали высокую эффективность минных полей в интересах противолодочной обороны²⁴³.

ТЯО воздушного базирования:

- авиационные бомбы;
- КРВБ малой дальности;
- глубинные бомбы;
- торпеды.

Авиационные бомбы и КРВБ малой дальности располагались на тактической авиации и бомбардировщиках среднего радиуса действия, подчиненных ВВС. Глубинные бомбы и торпеды – на морской авиации наземного базирования и на палубных вертолетах.

Общее количество ТЯО. Здесь есть определенный разброс данных, причем сейчас он столь же значителен как и семь-восемь лет назад. В конце восьмидесятых – начале девяностых годов тактические ядерные арсеналы Советского Союза и США оценивались примерно в 15–25 тыс. боезарядов у каждой из сторон²⁴⁴. В 1994 году министр обороны США Уильям Перри оценил тактический ядерный арсенал России в 6–13 тыс. единиц²⁴⁵. Зона неопределенности составляет более ста процентов от нижней границы разброса данных. При этом непонятно, имел ли в виду министр обороны весь тактический ядерный арсенал РФ или только ту его часть, что находится в боевом составе. Отечественный специалист Владимир Белоус считает, что речь в заявлении Уильяма Перри шла о ТЯО без учета резерва, исходя из того, что по оценкам *Greenpeace* в РФ находится около 23200 единиц ЯО. По оценкам Владимира Белоуса получается, что еще от 3100 до 10000 единиц оружия ожидают демонтажа²⁴⁶. Верхний потолок в заявлении Уильяма Перри – максимальный из встречающихся сейчас показателей. В то же время более распространенными являются данные с колебаниями от около семи тысяч БЗ²⁴⁷, до трех тысяч БЗ²⁴⁸. Кроме этого, есть промежуточные варианты: например, 3800²⁴⁹, 4400²⁵⁰.

Открытых данных по количественным показателям российского арсенала ТЯО нет. Попытки же его определения наталкиваются на ряд трудностей. В вопросе об определении общего количества может быть путаница в силу неточного использования терминов, так,

Научные Записки ПИР-Центра №10

например, одни источники используют категорию *non-strategic nuclear warhead*, другие же *non-strategic/tactical nuclear weapons*. Последняя категория включает в себя не количество БЗ, а количество носителей с БЗ. Однако контекст употребления этого термина скорее свидетельствует о его использовании в качестве синонима БЗ. При этом неясно, в каком контексте и какой термин использовался в источниках информации. Если же показатели являются результатом самостоятельных подсчетов ученых/экспертов, то неизвестной остается методика подсчета.

Нет *точки опоры* для проведения подсчетов. Разброс данных по количеству ТЯО, до односторонних инициатив Джорджа Буша и Михаила Горбачева, составлял в среднем 50–100% от нижнего параметра оценки. С тех пор, по заявлениям сторон, происходило выполнение взятых ими на себя обязательств по односторонним инициативам. Особенностью этих односторонних инициатив является то, что все обязательства даны в относительных величинах без конкретных цифр.

В этих условиях непонятно, как можно провести более или менее достоверные подсчеты: нет ни хотя бы относительно достоверных и суженных до разброса в 10–20% исходных данных, ни текущих показателей выполнения инициатив. В этой связи автор скептически относится ко всем *детальным* графикам состояния российского ТЯО, которые время от времени составляют специалисты.

Выполнение односторонних обязательств. Всего было две односторонние инициативы СССР/РФ: октябрь 1991 года – ответная инициатива президента СССР²⁵¹, январь 1992 года – подтверждение инициативы СССР и некоторое ее расширение российским президентом²⁵² (подробнее об этом речь шла в разделе *Контроль в отношении ТЯО*).

Заявление президента РФ было на самом деле, или по крайней мере было расценено – без возражений со стороны российских властей, не как замена обязательств, перешедших к РФ как правопреемнице Советского Союза по односторонней инициативе Михаила Горбачева, а как их дополнение. Таким образом, чтобы получить полный объем обязательств РФ необходимо совместить две инициативы.

Это дает следующие результаты:

- БЗ ракет малой дальности, артиллерийские снаряды и мины – полное уничтожение; если принять во внимание *открытый* график выполнения инициатив, то это должно быть сделано к 2000 году;
- БГ противоракет – снятие с боевого дежурства и складирование на центральных базах; уничтожение половины из них;
- ТЯО надводных кораблей и многоцелевых подводных лодок – снятие с кораблей и складирование; уничтожение одной трети из них;
- ТЯО морской авиации – снятие с боевого дежурства и складирование; частичное уничтожение;
- ТЯО авиации, подчиненной ВВС (тактическая авиация и бомбардировщики среднего радиуса действия) – уничтожение половины из них (по *открытому* плану только половины бомб).

Совмещение двух инициатив ставит некоторые вопросы. Речь идет не о количественных параметрах, а о составе. По некоторым данным ТЯО находилось под командованием ВМФ не только на бомбардировщиках среднего радиуса действия в составе морской авиации наземного базирования, надводных кораблях и подводных лодках, но и на авиационных палубных средствах – палубных вертолетах (Ка25, Ка27). Инициатива президента Советского Союза касалась ТЯО на надводных кораблях, и не вполне понятно, охватывает ли это палубные вертолеты или нет. Вне зависимости от того, что имел в виду Михаил Горбачев, теперь трактовки могут быть различными. В инициативе президента РФ говорится о ТЯО морского базирования. Здесь можно найти больше оснований для включения в эту категорию и палубных вертолетов, но тем не менее будут свои доводы и у тех, кто попытается это оспорить.

Выше речь шла об обязательствах в категориях состава и относительных величинах. Перевести это все в конкретные цифры нельзя.

В самих односторонних инициативах не устанавливалось сроков их выполнения. Но в 1994 году российской стороной был объявлен график проводимых в соответствии с

Научные Записки ПИР-Центра №10

обязательствами по односторонним инициативам мер.

Уничтожение: всех мин к 1998 году; всех артиллерийских зарядов к 2000 году; всех БГ для наземных ракет к 2000 году; половины БГ противоракет к 1996 году; около трети ТЯО морского базирования к 1995 году; половины авиабомб к 1996 году²⁵³.

По этому графику реализация односторонних инициатив должна быть закончена к 2000 году. В 1996 году эту же дату подтвердил официальный представитель МИД РФ А.Демурин²⁵⁴. И наконец, последнее подтверждение того, что выполнение инициатив идет по ранее принятому графику и будет закончено к 2000 году было получено от министра обороны РФ Игоря Сергеева²⁵⁵.

Степень выполнения обязательств по односторонним инициативам оценить сложно в силу отсутствия конкретных данных и механизмов верификации. Интересно, что ни у кого не вызывает сомнения тот факт, что инициативы выполняются, хотя логично было бы предположить, что с этим должны возникнуть определенные сложности (по крайней мере с той частью обязательств, которая касается уничтожения ТЯО). Это может быть обусловлено следующими причинами: *первая* – финансовые сложности; при нехватке средств на приоритетные для армии программы было бы достаточно странно тратить их на выполнение неverified обязательств; тем более, что сроки их выполнения можно устанавливать самостоятельно и график их выполнения, приводившийся ранее, можно растянуть во времени; *вторая* – нехватка мощностей предприятий Минатома.

Однако министр обороны заявляет, что сокращение ТЯО идет по графику. Если это так, то можно вывести нынешнюю и будущую структуру арсенала ТЯО РФ, а также ее количественные показатели, но только в сравнительных величинах.

Распределение общего количества ТЯО по видам. В настоящее время у РФ есть вся приводившаяся номенклатура ядерных средств, за исключением ядерных мин. Как заявил в сентябре 1997 года начальник 12-го ГУМО генерал-лейтенант Игорь Валынкин, мины «сняты с вооружения частей сухопутных войск, выведены из мест дислокации и хранятся под надежным контролем»²⁵⁶. При

этом он не упомянул, что они «стоят в очереди на уничтожение».

Необходимо отметить, что полностью ответить на вопрос о распределении общего количества ТЯО по видам нельзя, поскольку неизвестно, какова структура сокращений по односторонним инициативам. Например, известно, что к 1995 году должны были сократить одну треть ТЯО морского базирования. Можно пропорционально или непропорционально сократить все средства морского базирования, а можно, например, полностью ликвидировать торпеды и мины, практически не трогая КРМБ. Как поступают на самом деле, неизвестно. Но, возможно, что в номенклатуре ТЯО уже нет каких-то из средств морского базирования.

Доля ТЯО, выведенного из боевого состава (то есть снятого с вооружений частей соответствующего вида ВС и выведенного из мест дислокации). Исходя из совмещения инициатив, можно сказать, что после их выполнения у РФ в боевом составе должно остаться только ТЯО воздушного базирования, подчиненное ВВС²⁵⁷.

В настоящее время есть подтверждения только о выведении из боевого состава артиллерийских снарядов и мин²⁵⁸.

Это означает, что в боевом составе находятся: авиационные бомбы и БГ КРВБ. Могут находиться: кроме указанных средств, глубинные бомбы, торпеды, БГ на противоракетах, БГ КРМБ.

Что касается количественных показателей ТЯО, находящегося в боевом составе, то можно с высокой долей уверенности сказать, что его количество меньше чем число ЯБЗ, находившихся на территории РСФСР до развала СССР, поскольку в боевой состав, насколько известно, не вводили ТЯО, вывозимое из союзных республик – оно ликвидировалось в первую очередь.

Распределение ТЯО по видам ВС. После выполнения инициатив ТЯО должно остаться у ВВС, ВМФ и РВСН. После объединения ВКС, РКО (до этого род войск ПВО) и РВСН в новый вид ВС РВСН в него должны были перейти ядерные средства ПРО, ранее подчинявшиеся ПВО – противоракеты с ядерными БГ.

В зависимости от толкования инициатив за ВМФ могут остаться или нет ТЯО на морской

Научные Записки ПИР-Центра №10

авиации наземного базирования и палубных вертолетах.

При этом в боевом составе ТЯО будет только у ВВС – авиационные средства, ТЯО ВМФ и противоракеты должны быть складированы.

ТЯО, запланированное к ликвидации и выводимое из боевого состава, скорее всего, транспортируется на склады министерства обороны, а не сразу на предприятия Минатома.

Система управления тактическим ядерным оружием России

Есть две принципиально разные точки зрения по этому поводу. *Первая* заключается в том, что система управления всего ядерного арсенала России замыкается на президента страны. В этом случае получается, что применение ТЯО возможно только с санкции главнокомандующего, и для этого используется *ядерный чемоданчик*²⁵⁹.

Вторая заключается в том, что система управления ТЯО не столь централизована и приказ на его использование может быть отдан на более низких уровнях командования²⁶⁰.

Оценки положения в Советском Союзе. Кремль всегда с некоторой долей подозрительности относился к союзным республикам. В этих условиях вряд ли было целесообразно передавать контроль за ТЯО *на места*. В то же время, говоря о сохранении полного контроля за ТЯО на высшем политическом уровне, необходимо сделать несколько оговорок.

Во-первых, целесообразно развести системы *активного* и *негативного* контроля. Первое означает систему отдачи приказа собственно о применении ЯО, а второе – систему доступа к нему, в том числе и с целью осуществления боевого применения. Обе части этой системы в отношении СЯС замыкаются на президента.

В случае с ТЯО ситуация может быть несколько иной, что, правда, зависит от его вида. ТЯО можно разделить на то, что находилось в условиях мирного времени в *активном* и *неактивном* состоянии. К первой категории относится ТЯО на надводных кораблях и подводных лодках, противоракеты, а также ракеты класса *поверхность-поверхность*. Это оружие находилось в боевом состоянии: на ракетах – БГ, торпеды и глубинные бомбы – в непосредственной

близости от средств доставки. Ко второй категории относится ТЯО, находившееся на вооружении частей сухопутных войск (артиллерийские снаряды, мины). Эти средства были складированы в специальных хранилищах. При поступлении приказа о их применении или подготовке к их применению они должны были транспортироваться к районам боевых действий²⁶¹. Не вполне понятно, к какой категории относится ТЯО ВВС и морской авиации наземного базирования (это зависит от того, на каком удалении от самолетов хранились бомбы и КРВБ): если на тех же аэродромах, что и их носители, то к первой категории, если нет, то ко второй.

По принятым в Советском Союзе оперативным планам период между обострением напряженности и началом военных действий должен был составлять около двух недель²⁶². За это время планировалось осуществить транспортировку этих средств от мест хранения до мест предполагаемых боевых действий. Таким образом, контроль за ТЯО может быть разделен на два этапа: *первый* – во время хранения и *второй* – после начала транспортировки.

На первом этапе действует только система негативного контроля, поскольку идет речь лишь о санкционировании допуска, а не о боевом применении. На втором этапе действуют обе системы контроля. Исходя из характера планов использования средств из второй категории, можно сказать, что на первом этапе возможно обеспечение необходимого уровня контроля (негативного), поскольку хранение производится на специальных складах. Система этого контроля может замыкаться на высшее политическое руководство, то есть здесь схема похожа на *негативный* контроль СЯС. Однако на втором этапе в отношении обеих систем контроля могут возникать проблемы, поскольку после начала транспортировки *негативный* контроль осуществляется преимущественно не техническими средствами, а людскими ресурсами: стопроцентной гарантии нахождения этих средств под контролем политического руководства уже быть не может. *Позитивный* контроль со стороны высшего руководства тоже может быть затруднен, поскольку при применении ТЯО основная роль отводится не техническим средствам, а офицерам. Встает проблема выполнения приказов на нескольких уровнях их прохождения от высшего политического

Научные Записки ПИР-Центра №10

руководства до соответствующего офицера на поле боя.

Что касается ТЯО из второй категории, то в отношении него возможно замыкание контроля на принятую для СЯС централизованную систему, поскольку сами средства не требуют относительно длительного периода их приведения в боевое состояние. В этом случае нет разделения системы контроля на два этапа, следовательно, не появляется второй этап, на котором могут возникать сложности с *негативным* и *позитивным* контролем.

В стороне был оставлен вопрос о ядерных минах/фугасах, поскольку не до конца ясны способы боевого применения этих средств. Часть специалистов считает, что их предполагалось использовать для установки в определенных участках на границе с расчетом создать воронки и завалы на пути продвижения войск противника. Это были ЯБЗ третьего поколения с усиленным выходом энергии, направленной на создание воронки. Их предназначение – препятствование продвижению тяжелой техники противника. Из этого следует, что они должны были находиться в земле постоянно. Способ их приведения в действие остается не до конца понятным. В этом случае они попадают в первую из двух выделенных категорий ТЯО. Значит, систему контроля за ними можно считать гарантированной. По другой версии они предназначались для разрушения объектов инфраструктуры²⁶³ и/или заражения территории при отступлении, что решало задачу снижения темпов наступления противника. И в том и в другом случае, по всей видимости, предполагалось их заложение не заранее, а непосредственно перед отступлением. В этом случае они могут быть отнесены во вторую категорию, поскольку в отношении них тогда действовала примерно та же система контроля, что и в отношении артиллерийских снарядов.

Итак, ТЯО, с точки зрения системы контроля за ним, может быть разделено на две категории. В отношении первой из них возможно осуществление той же системы контроля, что и в отношении СЯС, или даже их полное совмещение. В отношении ТЯО из второй категории должен действовать иной порядок, состоящий из двух этапов. Теоретически возможно распространение на вторую категорию системы для первой категории, но тогда эти тактические ядерные средства становятся абсолютно бесполезным

военным ресурсом, так как не имеет смысла отдавать приказ на применение ядерной артиллерии, если ядерные артиллерийские снаряды находятся на складе.

Оценки положения в России. Можно предполагать, что в России система контроля ТЯО не ухудшилась, как считают многие зарубежные эксперты, а улучшилась. Эта тенденция по ее улучшению сохранится по мере выполнения односторонних инициатив: в боевом составе останутся только авиационные ядерные средства, подчиненные ВВС, все остальное будет храниться на складах, где действует эффективная система негативного контроля. В то же время ухудшение ситуации в этом вопросе может стать результатом мер доверия, которые предлагают некоторые эксперты, в отношении тех тактических ядерных средств, которые останутся у сторон после выполнения односторонних инициатив. Например, некоторые эксперты предлагают располагать склады, где будут храниться тактические ядерные средства для авиации, на расстоянии не менее 100 км от ближайшей авиационной базы²⁶⁴. В этом случае либо надо будет вводить двухэтапную систему управления и контроля за этими средствами, что приведет к ослаблению системы контроля в целом (см. выше), либо ТЯО станет пассивным военным ресурсом и его боевые возможности будут равны нулю. В последнем случае непонятно его предназначение: теперь РФ не столь богата, как СССР, чтобы позволить себе иметь бесполезные или малоэффективные военные средства.

Ядерная политика России

Структура СЯС. Некоторое время шли споры о возможности изменения структуры СЯС РФ за счет перехода к диаде: одни предлагали сохранить РВСН и МСЯС, другие РВСН и ВСЯС. Никто не ставил под сомнение необходимость сохранения РВСН. Споры о возможности перехода к диаде в основном подстегивались экономическими проблемами и невозможностью проведения модернизации всех составляющих СЯС РФ.

Споры прекратились после того, как новый министр обороны, а за ним и новый главком РВСН однозначно высказались за сохранение триады²⁶⁵. Насколько можно судить, такое же решение было принято и на заседании Совбеза от 3 июля 1998 года.

Сдерживание. В России не были использованы предпосылки для пересмотра модели ядерного сдерживания, которые давали изменения

Научные Записки ПИР-Центра №10

конца восьмидесятых годов. Доминирующей осталась точка зрения, что ЯО является сдерживающим фактором. Теперь эта логика стала обосновывать не накопление ядерных арсеналов, а наоборот — процесс их радикального сокращения.

В официальных заявлениях неоднократно говорилось о том, что Россия проводит политику ядерного сдерживания. Детали этой политики не вполне понятны. Впрочем ряд авторов считают, что концепции ядерного сдерживания как таковой не было и у СССР²⁶⁶.

При этом спектр функций сдерживания может расширяться. Предпосылками для этого являются заявления военного руководства и экспертов о том, что СЯС могут выполнять функцию сдерживания не только на стратегическом, но и на региональном, и даже локальном уровнях²⁶⁷. Такой же вывод можно сделать и на основе анализа «Концепции национальной безопасности России».

Первый удар. Россия в документах военного планирования зафиксировала положения, не исключающие возможность применения первыми ЯО. Этот шаг оговаривается некоторыми условиями, однако в принципе не исключается.

Расходы на СЯС. Расходы на оборону, в целом, и на СЯС, в частности, привязываются к экономической ситуации в стране. Такая практика предусматривается, насколько можно судить, решениями Совета безопасности от 3 июля 1998 года.

Практически все специалисты восприняли логику, по которой при разработке планов военного строительства, вообще, и развития ядерной составляющей, в частности, должны учитываться экономические прогнозы. Например, при выработке планов совершенствования ядерной группировки России закладывается рост ВВП в 5%²⁶⁸, то есть предполагается, что осуществление этих планов возможно только при таком экономическом росте.

Такой подход не является новым, он состоит в том, что надо определить, какие средства можно направить на военные нужды, и исходя из этого затем решать, как их тратить. Такой подход еще в пятидесятые годы предложили Чарльз Хитч и Роланд Маккин²⁶⁹. Тогда, на фоне постоянного роста военных расходов в США и СССР, странах НАТО и ОВД, он казался почти *революционным*. Со многими

положениями их работы можно согласиться и сейчас. Например: «...осуществлять действенную экономию — не значит скряжничать, то есть всеми возможными методами сокращать расходы, не считаясь с необходимостью и значением того, что приобретается. Экономить — не значит также проводить в жизнь принятые стратегические решения, не считаясь с расходами»²⁷⁰. Логика авторов заключалась в том, что закладывать потребности как исходный элемент анализа нельзя, поскольку тогда будет выбран самый дорогой вариант удовлетворения этих потребностей²⁷¹. Приоритеты, как исходную точку, они тоже критиковали, считая, что «идея приоритетов хороша, когда нужно решить, на что целесообразно израсходовать дополнительные средства или дополнительное время. Однако осуществление ее не решает вопроса о распределении всех имеющихся средств»²⁷². Итак, логика понятна: выделяем средства, сколько возможно без ущерба для остальных сфер, а затем достигаем с их помощью поставленных военных целей²⁷³.

Подобный подход представляется принципиально неправильным и нелогичным. Что такое обороноспособность? Это способность обеспечить оборону страны от внешних военных угроз. Эту способность можно выразить в виде какого-то агрегированного показателя, фиксирующего наличие обороноспособности, а, вернее, набора показателей, отражающих различную степень вероятности обеспечения обороноспособности при различном наборе ресурсов.

Например, мы имеем определенный состав вооруженных сил, оснащенных определенными вооружениями. При таком составе вероятность обеспечения обороноспособности при заданном уровне возможных угроз составляет столько-то. В этом случае есть некий уровень, ниже которого опускаться нельзя, с точки зрения национальных интересов, и нерационально, с точки зрения экономики.

Разница двух подходов в том, что в первом (который доминирует сейчас) определяющими являются возможности, а во втором — потребности. В первом случае мы говорим: у нас есть столько-то средств, которые мы можем направить на оборону. Во втором логика следующая: у нас есть такие-то потребности в области обороны, исходя из анализа угроз национальной безопасности; определяется минимально приемлемый

Научные Записки ПИР-Центра №10

уровень вероятности обеспечения заданной обороноспособности и высчитывается, сколько необходимо средств для обеспечения этого уровня. Должен получиться *ценовой ряд*, где нижний предел будет соответствовать минимально приемлемому уровню вероятности обеспечения заданного уровня обороноспособности. А верхний предел – максимальному уровню вероятности обеспечения заданного уровня обороноспособности.

Минимально приемлемый уровень вероятности обеспечения заданного уровня обороноспособности необходим потому, что должна быть точка, которая определяет грань целесообразности траты денег на оборону. Если мы вообще не беремся обеспечить потребности армии, то значит имеет место ситуация ограниченности ресурсов, с чем сталкиваются в общем-то все страны. Но если ставится задача рационально использовать деньги и по возможности их экономить, то возникает вопрос: стоит ли тратить средства на обеспечение уровня обороноспособности, вероятность достаточности которого низка. Высок риск того, что при такой обороне она все равно никого не защитит. Наверное, не стоит.

В случае с ЯО это проявляется еще более отчетливо. Необходимо определение уровня, достаточного для ядерного сдерживания. Для его обеспечения необходимы некие средства. Если этих средств у страны нет, то не стоит тратить те, что есть, но меньшие, чем необходимо, для создания и поддержания средств, которые не обеспечивали бы заданный уровень сдерживания. Например, если вы идете на охоту и вам необходим карабин, но денег хватает только на нож, стоит ли его покупать и идти с ним на охоту? Очевидно, что нет.

Таким образом, нынешний подход к финансированию армии можно признать полностью абсурдным, нелогичным. Особенно это проявляется в случае с ЯО.

Паритет. На официальном уровне остается доминирующей точка зрения необходимости поддержания стратегического паритета с США. Интересно, что в 1996 году в одном из своих выступлений Борис Ельцин, *пожонглировав* терминами *неприемлемый ущерб, заданный ущерб, реалистическое сдерживание, численный паритет*, пришел к интересному выводу: «Россия должна быть способна нанести неприемлемый ущерб. [...]

Для этого нужны силы по численности превосходящие силы США»²⁷⁴.

За поддержание баланса с США, который трактуется как «примерное количественное равенство ядерных вооружений и их боевых возможностей», высказался и главком РВСН Владимир Яковлев²⁷⁵.

Тем не менее, итоги заседания Совета безопасности РФ от 3 июля 1998 года позволяют говорить о двойственности в этом вопросе. Дело в том, что решение о том, что количественные параметры ядерной группировки РФ к 2010 году должны отражать Хельсинские договоренности о дальнейших сокращениях ЯО, без указания (по крайней мере в открытой печати, в заявлении пресслужбы министерства обороны РФ) условий выхода на эти параметры²⁷⁶, предполагает возможность односторонних сокращений СЯС РФ. Некоторые положения концепции национальной безопасности РФ также можно трактовать как отход от принципа паритета.

Ответный удар. Российские стратеги продолжают настаивать на необходимости сохранения возможностей для нанесения как ОВУ, так и ОУ, как контрсилового, так и контрценностного ударов, что обосновывается необходимостью расширения спектра вариантов, предоставляемых политическому руководству при принятии решений в кризисной ситуации²⁷⁷.

ПРО/СНВ. Россия продолжает отстаивать основные положения договора по ПРО. Однако и в руководстве страны, и среди специалистов иногда возникают идеи, в том числе и озвучиваемые на международном уровне, которые противоречат договору по ПРО и подрывают логику основанного на нем ядерного сдерживания. Таким образом, например, можно рассматривать предложения России по созданию Глобальной системы защиты от ракетного нападения²⁷⁸.

Переговорный процесс по СЯС. Принципиальный подход России к сокращению ядерных вооружений вытекает из основных положений ядерной политики страны. *Во-первых*, имея достаточно средств для поддержания группировки в рамках уже имеющихся международно-правовых обязательств, Россия стремится использовать переговорный процесс для *разоружения* США. *Во-вторых*, в ходе новых переговоров делаются попытки компенсировать некоторые из ранее сделанных уступок. Последнее

Научные Записки ПИР-Центра №10

практически невозможно. Весь объем прежних уступок становится *разменным материалом* противной стороны. И их размен возможен в большинстве случаев только на новые уступки.

Россия восприняла идеи транспарентности в ядерной сфере и достаточно охотно участвует в дискуссии по расширению мер доверия, основной из которых является деактивация ЯО.

Научные Записки ПИР-Центра №10

ЗАКЛЮЧЕНИЕ. КАКИЕ ЯДЕРНЫЕ СИЛЫ И ПОЛИТИКА НЕОБХОДИМЫ РОССИИ

При определении адекватности военного или внешнеполитического ресурса недостаточно указать на его достоинства или недостатки. Необходимо учитывать, что использовать его придется в конкретных условиях и с конкретными целями.

В связи с этим встает проблема необходимости разработки метода анализа, который позволял бы определять адекватность или неадекватность того или иного ресурса. Этот метод не должен *заикливаться* на рассмотрении характеристик самого ресурса, должен учитывать и возможные варианты его применения.

Автор предлагает использовать следующий подход для определения адекватности ЯО:

1. Интересы в военно-политической сфере.
2. Возможные внешние военные угрозы национальной безопасности.
3. Проблемы сдерживания недемократических и демократических режимов, и выбор варианта сдерживания.
4. Проблема взаимозаменяемости ресурсов для различных вариантов сдерживания.
5. Критика.

Определение интересов в военно-политической сфере

Интересы в военно-политической сфере распадаются на две составляющие:

- интересы, связанные с обеспечением безопасности на глобальном и региональном уровнях. Они состоят в способности справиться с возможными внешними военными угрозами на региональном и глобальном уровнях;
- интересы, связанные с обеспечением возможностей для активной политической игры на глобальном и региональном уровнях. На глобальном уровне они состоят в способности предотвратить политическое давление на Россию за счет использования превосходства над ней в военных ресурсах. На региональном уровне они состоят в способности проецировать силу и тем самым трансформировать военно-силовые ресурсы во внешнеполитические.

Если совместить эти две группы интересов, то получается, что интересы глобального уровня в первой и во второй группе совпадают,

поскольку способность парировать угрозы на этом уровне равна способности предотвратить политическое давление за счет военного превосходства: если есть способность справиться с внешними военными угрозами, то превосходства в военном смысле нет, и его трансформация во внешнеполитические преимущества исключена.

На региональном уровне интересы из двух групп, как мы пока видим, не совпадают, поскольку способность справиться с угрозами не тождественна способности проецирования силы.

Возможные внешние военные угрозы национальной безопасности России

Одним из методологических недостатков современной дискуссии по ядерным вопросам в России является то, что многие специалисты при определении параметров – количественных и качественных – группировки СЯС, а также ее задач, отталкиваются от того, какие средства у России есть сейчас: поиск вариантов приспособления к современным условиям советского ядерного наследия. Основная задача – это не приспособление того, что есть, а создание арсенала, который необходим для реализации национальных интересов страны. В этой связи автор полностью согласен с одним из участников международной конференции «Ядерная безопасность: гуманитарные и социальные аспекты»: «...прежде всего, надо осознать опасность, а потом уже планировать типы вооружений»²⁷⁹.

После окончания *холодной войны*, как отмечает ряд авторов, угрозы национальной безопасности РФ стали более многовариантными²⁸⁰, что связано с преодолением сдерживающих моментов блокового, биполярного противостояния. Ожидания того, что после окончания *холодной войны* мир станет более безопасным и предсказуемым не оправдались. Признание этого нашло отражение в разработанной и принятой Советом безопасности России «Концепции национальной безопасности РФ». При этом, правда, в документе отмечается, что «главные угрозы национальной безопасности России лежат сегодня во внутривнутриполитической, экономической, социальной и духовной сферах и носят преимущественно невоенный характер». Тем не менее, в экспертном сообществе укоренилась, и как считает автор совершенно справедливо, точка зрения, что «в силу ухудшения геополитического положения

Научные Записки ПИР-Центра №10

происходит обострение потенциальных угроз военной безопасности нашему государству»²⁸¹.

С самим термином *угроза* есть некоторые сложности. Часто его употребляют в широком значении, и он становится близок западному термину *challenge* (*вызов*). Некоторые специалисты указывают на необоснованность его употребления в таком широком значении и дают более детальную характеристику этого понятия: *военная угроза* рассматривается как совокупность намерений и средств²⁸². Соответственно возможны четыре варианта различных соотношений намерений и средств, которые дают два случая *прямой военной угрозы*, один случай *косвенной военной угрозы* и один случай ее отсутствия. При таком подходе *военная угроза* трактуется как «намерение государства (коалиции) получить односторонние выгоды в ущерб другому насильственными способами с использованием различных средств»²⁸³.

Часто используются как синонимы термины *военная угроза* и *военная опасность*²⁸⁴. Далее автор будет оперировать термином *угроза* (*внешняя военная угроза*) в его широком значении: не только угрозы, которые имеют под собой *намерения и/или средства*, но и вообще все в принципе возможные угрозы.

Нельзя делать упор на анализ вероятности потенциальных угроз, как это обычно происходит²⁸⁵. Автор исходит из того, что переменной величиной являются не только намерения²⁸⁶, но и средства (можно сказать, что намерения – это переменная величина и в краткосрочном, и среднесрочном, и долгосрочном плане, а средства – в среднесрочном и долгосрочном), поэтому когда встает вопрос о военном планировании, который по сути своей является в современных условиях не вопросом краткосрочным, а среднесрочным и долгосрочным, то необходимо в наименьшей возможной степени брать за основу переменные факторы, к которым относятся намерения и средства: опираться следует на максимально широкий спектр факторов, то есть на то, что в принципе возможно.

Такой подход был впервые сформулирован специалистами корпорации RAND, хотя, как отмечает американский ученый Кан (Kahn), неосознанно, подсознательно им пользовались и раньше. Он заключается в том, что необходимо не выбирать наиболее вероятные ситуации и подбирать под них решение, а учитывать многовариантность возможных

ситуаций и, соответственно, подбирать решения, которые отвечали бы как более вероятным ситуациям, так и менее вероятным, или вообще, как нам сейчас кажется, невероятным. Только такие решения считаются приемлемыми²⁸⁷. Примерно об этом же говорит и известный отечественный военный специалист, генерал Гареев: нужна «готовность защищать интересы при изменениях военно-политической обстановки с любого направления, откуда сможет возникнуть военная угроза»²⁸⁸.

Возможные внешние угрозы на глобальном уровне. К таковым необходимо отнести агрессию с использованием ЯО со стороны США. Задача состоит в проведении ядерной политики, которая бы предотвращала развязывание подобной агрессии через способность нанести агрессору неприемлемый удар в ответных действиях – возмездие.

На региональном уровне угрозы могут быть более разнообразными. Такие угрозы возможны на всех направлениях (восточном, западном, южном). Особенностью угроз с восточного и южного направлений является то, что они могут исходить только от недемократических авторитарных (тоталитарных) режимов.

Возможны различные характеристики угроз, однако для целей выработки политики сдерживания принципиальной и основополагающей является характеристика источника угрозы. Это объясняется тем, что проблема сдерживания – это психологическая проблема. При оценке эффективности сдерживания неприменным условием является оценка поведения противной стороны, ее лидеров, то есть источников угрозы. В связи с этим основным критерием выступает характеристика источника угрозы.

На западном направлении тоже есть свои особенности, которые состоят в том, что возможные противники на этом направлении – это, наоборот, демократические режимы с чрезвычайно низким болевым порогом.

Проблемы сдерживания недемократических и демократических режимов и выбор варианта сдерживания (узкое/расширенное сдерживание)

В демократических и недемократических режимах действуют различные механизмы приобретения власти и ее удержания. Эти различия приводят к тому, что политические элиты по-разному оценивают уровень ущерба,

Научные Записки ПИР-Центра №10

на который готовы пойти их страны и они сами, учитывая, что они заинтересованы в сохранении власти. Фактически речь идет об уровне неприемлемого ущерба, но не только неприемлемого для страны с точки зрения возможности ее выживания и восстановления, но и неприемлемого с точки зрения возможностей политиков, которые принимали соответствующие решения, сохранить после этого власть. Первый аспект неприемлемого ущерба – это объективный показатель, что однако не мешает тому, что при его определении возникает множество субъективных точек зрения: он в относительных величинах одинаков и для демократических и для недемократических режимов. Второй аспект неприемлемого ущерба для демократических и недемократических режимов принципиально различается: в недемократических режимах элита готова идти на гораздо больший уровень ущерба. Для этих режимов порог неприемлемого ущерба выше, и их руководство сдержит только больший по сравнению с демократическими режимами ущерб, причиняемый населению и стране в целом.

Особенности легитимизации власти в недемократических режимах осложняют задачу сдерживания таких режимов через угрозу начала войны, в том смысле, как мы ее понимаем сегодня: через угрозу начала боевых действий против армии. В случае провала такой угрозы *дивиденды* лидера недемократического режима очевидны: он получает то, ради чего шел на обострение, вплоть до вооруженного конфликта. При несрабатывании этой угрозы недемократический режим проигрывает войну, население терпит лишения, страна может быть разорена и находиться в руинах, но положение руководителя (или элиты) такого режима нельзя назвать катастрофическим. Они не допустят благодаря нормам международного права захвата столицы, своего пленения и т.д. Они остаются живы и сохраняют власть, используя недемократические методы ее легитимизации, которые принимаются большей частью населения страны.

При таком раскладе относительный возможный выигрыш всегда больше, чем относительный возможный проигрыш. Схематично это можно изобразить следующим образом:

(-)1 (-) 0 (+) (+)1

0 – состояние до конфликта, то есть статус-кво;
(-) – область *провала* угрозы, которая обеспечивала сдерживание недемократического режима, то есть недемократический режим выигрывает вооруженный конфликт;
(+) – область *срабатывания* угрозы, то есть недемократический режим проигрывает вооруженный конфликт;
(-)1 – порог на поле (-), когда недемократический режим добивается того, ради чего шел на конфликт;
(+)1 – порог на поле (+), когда элита в недемократическом режиме теряет после вооруженного конфликта власть.

На поле (-) недемократический режим скорее всего переходит порог (-)1 (для этого нет никаких видимых препятствий при прочих равных условиях, а значит это можно считать средним результатом). На поле же (+) – не переходит порог (+)1. Чтобы порог (+)1 был преодолен, необходимо либо нанести стране тотальное поражение и пленить элиту, либо сосредоточить основные усилия именно на уничтожении элиты, видя в этом, а не в боевых действиях против армии, основную задачу в конфликте. Первое в условиях современного мира практически невозможно: действующие международно-правовые механизмы позволяют любому режиму не доводить дело до такой стадии, идя на *компромисс*, переговоры или даже *капитуляцию*, но не выходя за порог (+)1.

Именно поэтому и получается, что относительный возможный выигрыш всегда больше, чем относительный возможный проигрыш. Для исправления этой ситуации необходимо обеспечение преодоления порога (+)1. Добиться этого можно через сосредоточение основной мощи воздействия на элите, ее уничтожении, что приведет к преодолению порога (+)1. Если элита не уничтожена и не взята в плен, то порог (+)1 не перейден. Взять же элиту в плен практически нереально, так как она имеет возможности для недопущения эскалации конфликта до такого уровня. Чем выше вероятность уничтожения элиты (то есть преодоления порога (+)1), тем более действенным будет сдерживание в отношении недемократического режима. Такой вариант сдерживания можно назвать сдерживанием через *элитное поражение*.

Специалисты не раз задавались вопросом, что, собственно, служит сдерживающим моментом для разных стран и их лидеров. Различия в политической системе, культуре и традициях не могут не оказывать влияние на восприятие угроз, а стало быть и на сдерживание, поскольку оно основывается в значительной

Научные Записки ПИР-Центра №10

мере на восприятии тех опций, которые, как предполагает противная сторона, должны выполнить сдерживающую функцию. Исходя из этого, на Западе еще в восьмидесятые годы появлялись предложения о сдерживании СССР через нанесения ударов прежде всего по советской партийной элите и частям КГБ²⁸⁹, это вариант *элитного поражения*.

Таким образом, вариант *узкого* сдерживания в отношении недемократических режимов представляется неэффективным. В принципе, он может выполнить сдерживающую функцию. Но при этом достаточно высока вероятность, что недемократический режим, в силу особенностей его легитимизации склонный к *провокационному, вызывающему* поведению, будет готов примириться с издержками претворения в жизнь угрозы, лежащей в основе *узкого* сдерживания. В том числе и с применением против его армии ТЯО.

В отношении демократических режимов не существует дисбаланса между относительным возможным выигрышем и относительным возможным проигрышем. Кроме того, у них низкий *болевой порог*. В силу этого по отношению к ним вариант *узкого* сдерживания применим. Значит для парирования угроз со стороны демократических режимов адекватными можно считать все средства, которые подкрепляют *узкое* сдерживание.

Проблема взаимозаменяемости вариантов сдерживания и ресурсов для их осуществления

Уже говорилось о том, что варианту *узкого* сдерживания соответствует ТЯО, а варианту *расширенного* сдерживания – СНВ. В первом приближении, таким образом, получается, что на западном направлении возможно использование ТЯО для подкрепления сдерживания, а на восточном и южных направлениях – СНВ.

Проблема взаимозаменяемости вариантов сдерживания состоит в следующем. *Расширенное* сдерживание – это более жесткий вариант сдерживания, который используется тогда, когда *узкого* сдерживания может быть недостаточно. В связи с этим можно сказать, что заменить *расширенное* сдерживание на *узкое* нельзя. А вот обратная замена, то есть *узкое* на *расширенное*, возможна. При этом, правда, возникает проблема достоверности угрозы, на которой основано сдерживание. Один из аспектов достоверности – это соответствие заявленного ответа предполагаемой угрозе. Но данная

проблема разрешима, поскольку при *расширенном* сдерживании можно дозировать возмездие, *подгоняя* его под угрозу.

Та же логика в вопросе о взаимозаменяемости средств для реализации различных вариантов сдерживания. Необходимо отметить чрезвычайно низкий болевой порог европейцев, что является общей характеристикой для демократических государств. Они крайне чувствительны к ядерному воздействию. Причем, как предполагается, в такой степени, что в отношении них сдерживающую функцию может выполнить не какой-то конкретный вид ЯО, а ЯО как таковое, то есть ЯФ. В связи с этим конкретное выражение ЯФ становится в случае с европейцами фактически неважно. Такое положение дает возможность *подмены* ядерных ресурсов, необходимых для различных вариантов сдерживания. Конкретно это выражается в проведении *расширенного* ядерного сдерживания на западном направлении.

Определение ресурсов для выбранного варианта ядерного сдерживания

На глобальном уровне (ядерный конфликт с США) возмездие можно осуществить только с использованием СНВ.

Региональные угрозы, которые необходимо сдерживать, имеют следующие особенности:

- они исходят со стороны недемократических режимов (это относится и к восточному и южному направлениям);
- для их парирования необходимо дистанционное проецирование силы (особенно на южном направлении).

В первом случае необходимо оказывать преимущественное воздействие не на армейские части противника, а на политическую элиту. Речь идет не только об уничтожении собственно высшего руководства, но и чувствительных для него объектов: сочетание *зауженного* на политической элите контрценностного поражения (*элитное поражение*) с инфраструктурным поражением.

Для этого требуется определенный набор средств, которые бы обеспечивали поражение, *во-первых*, на больших расстояниях, что также отвечает и требованию *дистанционного поражения* (в зависимости от конкретной ситуации речь может идти о расстояниях от

Научные Записки ПИР-Центра №10

пяти-шести сотен до нескольких тысяч километров), и *во-вторых*, с высокой степенью вероятности.

Дальность поражения. По критерию дальности – это *сфера* тех ракет, которые были ликвидированы по договору 1987 года. В связи с повышением внимания к нестратегическим ядерным вооружениям в условиях расширения НАТО высказывались предложения, в том числе и на высоком политическом уровне, по выходу России из договора по РСМД 1987 года²⁹⁰. Однако вариант восстановления этих средств автор не рассматривает по следующим причинам. Договор по РСМД является бессрочным, поэтому дожидаться окончания его действия и восстановить соответствующие средства нельзя. Значит, необходимо выходить из договора. Такой шаг может иметь крайне негативный международный резонанс. Также он чреват и значительными финансовыми затратами, которые РФ не может себе сейчас позволить. Исходя из этого, необходимо искать иные средства, которые могли бы выполнить поставленные задачи.

Требования по дальности не позволяют опираться в интересах *расширенного* сдерживания на ТЯО, ТТХ которого позволяют его использовать исключительно на поле боя, кроме бомбардировщиков среднего радиуса действия. Радиус действия тактической авиации и дальность КРНБ и БР из этой категории не дают возможности поражать цели во всем спектре означенных расстояниях, а лишь в нижней его части. В условиях недостатка ресурсов целесообразнее использовать средства, которые обеспечивают поражение во всем заданном спектре.

Бомбардировщики среднего радиуса действия, оснащенные КРВБ, могут удовлетворить требованию дальности. Правда, их использование для *расширенного* сдерживания сопряжено с рядом трудностей, заключающихся в необходимости преодоления средств ПВО для пролета в глубь территории.

Возможно использование ТБ с КРВБ большей дальности. Они могут поражать цели в глубине территории противника, не входя при этом в зону действия его средств ПВО. Кроме этого, авиационные средства, как уже говорилось, в максимальной степени соответствуют необходимости проецирования силы, так как являются единственным *обратимым* ядерным средством.

Для выполнения означенных задач возможно использование ракетных средств большой дальности. Предложение по использованию стратегических носителей в интересах обеспечения сдерживания на неисклчительно стратегическом уровне не является новым. Главком РВСН Владимир Яковлев, отвечая на вопрос корреспондента журнала *Ядерный Контроль*, заявил следующее: «Постоянно растущее в последнее время превосходство НАТО в обычных силах и вооружениях привело к тому, что сегодня роль СЯС объективно возрастает, усиливается их значимость не только для сдерживания крупномасштабной войны, но и разрастания локальных и региональных конфликтов с применением обычного оружия»²⁹¹. Ранее Игорь Сергеев, будучи главкомом РВСН, также высказывался за распространение сдерживающей функции СЯС на региональный уровень: «СЯС из-за специфических свойств их оружия не могут решать задачи, присущие силам общего назначения, но они способны служить надежной гарантией сдерживания любого государства или коалиции государств не только от крупномасштабной агрессии против России или ее союзников, но и от региональных угроз. Именно в этом суть их предназначения»²⁹².

Высокая степень вероятности поражения. Этот показатель решающим образом влияет на эффективность сдерживания, поскольку при оценке ситуации противная сторона будет принимать во внимание не только сам уровень предполагаемого ущерба, но и вероятность его обеспечения. При сдерживании недемократических режимов, у которых, как уже говорилось, завышен *болевой порог* и которые склонны к *провокационному* поведению, значение фактора вероятности возрастает.

Высокая степень вероятности может достигаться двумя путями. *Во-первых*, с помощью высокой точности, а *во-вторых*, за счет использования более мощных средств. В первом случае возможно использование ВТО. Однако, как представляется, современный уровень развития ВТО в России не позволяет полагаться исключительно на точность. Даже средства с чрезвычайно высокой точностью могут не обеспечить оказание необходимого воздействия на цели скрытые, на большой глубине²⁹³, что необходимо для *элитного* поражения. Для эффективного инфраструктурного поражения также необходима достаточно высокая мощность,

Научные Записки ПИР-Центра №10

которую неядерные БЗ, несмотря на повышение их поражающей мощности и, как считают некоторые специалисты, ее приближение к ТЯО²⁹⁴, обеспечить пока не могут. В силу изложенных причин целесообразно использование ЯБ для обоих видов поражения (*элитного* и инфраструктурного) в интересах обеспечения высокой степени вероятности поражения. Однако при использовании ЯБЗ большое внимание необходимо уделять точности ядерных средств, а не только их мощности, что и должно быть основным направлением их развития. Поскольку при поражении малоразмерных защищенных объектов (именно такие формы и примет *элитное поражение*) увеличение точности в два раза дает такой же эффект, как увеличение мощности в восемь раз²⁹⁵. Таким образом, эффективное *элитное поражение* должно осуществляться ядерными средствами, но с высокой точностью, в виде *хирургических ударов*²⁹⁶.

Если совместить эти два требования (дальность и высокая степень вероятности поражения), то получается, что поставленные задачи могут быть эффективно выполнены бомбардировщиками среднего радиуса действия с ядерными КРВБ (как с дальностью до 600 км, так и с дальностью более 600 км), а также ракетами большой дальности. Не исключено, что с размещением на них тактических ЯБЗ. Технически размещение на этом типе носителей ядерных БГ малой мощности (до 100 кт) реально. Например, еще в начале восьмидесятых годов американские военные не отрицали в принципе возможности установки нейтронных БГ малой мощности на стратегических носителях, сомневаясь, правда, в целесообразности подобного шага²⁹⁷.

При осуществлении инфраструктурного поражения трудностей возникать не должно, то при *канализации* воздействия на руководстве, скорее всего, появится ряд препятствий, которые связаны с принятием соответствующих контрмер объектом воздействия. К ним относятся: использование укрепленных укрытий и дезинформация о местопребывании *целей*. Для их преодоления необходим соответствующий набор технических и организационных мер.

Для установления точного места пребывания объекта поражения необходимо использование как национальных технических средств слежения, так и агентурных данных. При этом для подстраховки, если есть несколько

вариантов места пребывания, можно наносить удар по всем либо одновременно, либо последовательно.

Если место нахождения объекта определено (или хотя бы несколько его вариантов), то остается задача по нейтрализации мер защиты. Известно, что ЯБЗ, в том числе и тактические, обладают способностью эффективного поражения высокозащищенных объектов.

И в СССР и в США в рамках создания ЯБЗ третьего/четвертого поколений проводились работы по созданию БЗ для поражения такого типа целей. Их техническая особенность заключается в повышении выхода энергии для сейсмического воздействия — *проникающие боеголовки*²⁹⁸. В США их совершенствование продолжается и сейчас²⁹⁹. Основное направление работы заключается в создании ЯБЗ с повышенным выходом энергии на образование воронки и сейсмических волн, а также с повышенной *проникающей* способностью (подобные БГ разрабатывались для ракет *Першинг-2*, однако эта программа была заморожена³⁰⁰, по некоторым данным работа в этом направлении вновь активизировалась), что в максимальной степени способствовало бы поражению укрытых на большой глубине целей. Кроме этого, повышение вероятности поражения предполагается за счет максимальной координации систем нацеливания, запуска и разведки.

Критика

Подход *расширенного* сдерживания на региональном уровне за счет увеличения издержек противной стороны вне поля боя, а именно за счет угрозы *элитного* и инфраструктурного поражения, может вызвать ряд критических замечаний. Основные из них могут сводиться к следующему.

Первое. Такой подход противоречит принципам ведения войны, так называемой концепции *честной войны*³⁰¹.

Второе. Поражение элиты может привести к выходу конфликта из-под контроля, что чревато хаосом и бесконтрольными военными действиями, последствия которых мало предсказуемы.

Третье. Расширение функций СЯС, в основном РВСН, за счет переноса на них *центра тяжести* сдерживания на региональном уровне, неминуемо приведет к потере паритета с США в его количественном

Научные Записки ПИР-Центра №10

понимании. Возможности по двойному использованию одних и тех же ядерных средств, то есть и для стратегического и для регионального сдерживания, ограничены, поскольку на тех носителях из разряда стратегических, которые предполагается использовать для регионального сдерживания, должны быть установлены тактические ЯБЗ. Использование их на стратегическом уровне нерационально. Значит, из числа стратегических носителей придется часть выделить на региональное *расширенное* сдерживание, тем самым нарушив принцип паритета, по крайней мере в его количественном понимании, на стратегическом уровне.

Первое замечание. Автор согласен с теми, кто считает, что говорить об оружии в категориях морали, что собственно и предполагает концепция *честной войны*, вообще нельзя³⁰². Тем более в отношении ОМУ. Хотя бы минимальная опасность его применения, которая всегда есть и будет, пока есть ОМУ, уже перечеркивает все принципы *честной войны*. Сама идея *честной войны* по мере своего развития превратилась в набор мер по ограничению масштабов вооруженного конфликта и некоторых правил использования оружия, которые пытались распространить и на ЯО³⁰³. В основном они сводились к попыткам ограничить зоны применения ЯО³⁰⁴.

В основе идеи лежит принцип достижения победы с минимальным ущербом, особенно *попутным*, то есть она сводится к тому, чтобы в войне как можно меньше страдали *невинные*. При таком толковании идеи *честной войны* предложение *расширенного* регионального сдерживания за счет *элитного* и инфраструктурного поражения ей не противоречит.

Этот вариант сдерживания предлагается использовать против недемократических режимов с высоким *болевым порогом*. Но в таких режимах и военнослужащих можно в определенном смысле слова отнести к *невинным жертвам*, потому что, как правило, они идут в армию не добровольно, а по призыву. Значит, воздействие на них столь же *нечестно*, как и воздействие на гражданское население. А если так, то *элитное* поражение оказывается наиболее *честным* из всех возможных *нечестных* вариантов. Именно элита принимала решение о начале войны, ей и отвечать. При этом удар по руководству предполагается наносить таким образом, чтобы это имело минимальное *попутное*

воздействие; в частности, этому способствует использование тактических ЯБЗ.

Второе замечание. Это замечание использовалось как контраргумент на предложение по поражению СЗІ в стратегическом ядерном конфликте. Как представляется, на уровне стратегического ядерного конфликта это замечание работает, так как при значительном поражении СЗІ нет возможности выйти из *игры с нулевой суммой* за счет установления канала связи и при достижении соответствующих договоренностей остановки обмена ударами. Если серьезно нарушена система СЗІ, то нельзя ни установить канал связи с противником, ни надеяться на то, что приказ о прекращении ядерных ударов будет доведен до боевых расчетов и выполнен. В результате создается эффект *Doomsday machine*, что не оставляет шансов на рациональное разрешение стратегического ядерного конфликта.

На региональном уровне эта логика не работает. На стратегическом уровне основная опасность заключалась в бесконтрольном эскалационном потенциале конфликта до уровня полного взаимного поражения. На региональном уровне пока такой опасности нет.

Третье замечание. Понятие *паритет* трактуется по-разному. Автор придерживается концепции *минимального сдерживания*, которая не предполагает поддержание количественного паритета. При таком понимании возможно использование для *расширенного* сдерживания на региональном уровне части стратегических носителей.

Ядерная политика России

Сдерживание. Необходимо опираться на вариант *расширенного* ядерного сдерживания, который будет обеспечивать оборону страны от угроз на любом уровне. Такой вариант сдерживания является оптимальным для парирования всех возможных угроз практически одним и тем же набором средств. Соответствие возмездия угрозе должно обеспечиваться не за счет использования различных средств, а за счет различного по масштабам использования одних и тех же средств.

Структура ядерных сил России. Для реализации изложенных выше параметров политики ядерного сдерживания нынешние ядерные силы России избыточны и

Научные Записки ПИР-Центра №10

неадекватны. *Во-первых*, необходимо отказаться от ТЯО как средства, которое не подходит для политики *расширенного* ядерного сдерживания. *Во-вторых*, целесообразно перейти к диаде. Состоять она должна из МБР и бомбардировщиков с КРВБ.

РПК имеют несомненные преимущества. *Во-первых*, плюсы РПК особенно хорошо проявлялись в логике сдерживания во времена *холодной войны*. Теперь при снижении вероятности обезоруживающего удара необходимость в той степени неуязвимости, которую обеспечивают РПК, отпадает. *Во-вторых*, Россия испытывала и будет испытывать трудности с обеспечением своим РПК выхода в мировые океаны. В случае прорыва в области создания морских средств минирования нельзя исключать, что значительная часть российского ядерного флота, особенно тихоокеанского, окажется *запертой*. Россия не морская (океанская) держава. Это данность, которую необходимо учитывать.

Для целей сдерживания стратегической ядерной войны с какой-то из ядерных держав можно обойтись только МБР. Однако при *расширении* политики сдерживания, что требует повышения возможностей для трансформации военного ресурса во внешнеполитический, появляется заинтересованность в средствах, которые могли бы это обеспечить. Таким средством являются бомбардировщики. Только авиационные ядерные средства обладают демонстрационным эффектом, проявление которого возможно без их применения – за счет поднятия в воздух бомбардировщиков.

Первый удар. Исходя из потребности в обеспечении максимальных возможностей для трансформации ядерного военного ресурса во внешнеполитический необходимо накладывать на него и варианты его использования наименьшие ограничения. В связи с этим необходимо более четко заявить в новом варианте военной доктрины о возможности применения Россией ЯО первой. При этом оговорок об условиях такого шага со стороны России делать нецелесообразно.

Расходы на СЯС. Расходы на СЯС, как и вообще на оборону, должны определяться, не исходя из того, сколько можно потратить, а исходя из того, сколько потратить нужно для обеспечения заданного уровня безопасности страны³⁰⁵.

Паритет. Целесообразно отказаться от всех вариантов паритета и признать основой, достаточной для определения количественных и качественных параметров российской ядерной группировки, принцип *неприемлемого ущерба*. Исходя из того, что при определении этого параметра могут возникать трудности, необходимо подходить дифференцированно к его исчислению для различных групп вероятных противников. Принцип здесь тот же, что и при выборе варианта сдерживания, когда основным критерием являлись характеристики объекта политики сдерживания.

Для демократических режимов уровнем, достаточным для целей сдерживания в случае регионального конфликта, может служить демонстрационный взрыв в малонаселенных районах. В случае крупномасштабной войны с ядерными или неядерными державами – уничтожение до 10 крупных городов и основных объектов инфраструктуры. Это даже завышенные показатели, поскольку ранее уже шла речь о том, что при использовании ядерной опции против демократических режимов сдерживающую функцию выполняет ЯФ, а не его конкретное проявление. В этой связи по сути любое применение ЯО является неприемлемым. Значит, любое ядерное возмездие расценивается как несущее неприемлемый ущерб.

Для недемократических режимов исчислить неприемлемый ущерб практически невозможно, так как для них его уровень может быть чрезвычайно высоким. Однако это в том случае, если мы следуем исчислению неприемлемого ущерба при контрсиле и контценностном ударах. При *элитном* поражении это сделать проще. Поскольку здесь уже важен не объем разрушений, а вероятность того, что попадет именно куда нужно. Недостатки в информации о местонахождении объектов поражения можно покрывать за счет увеличения количества поражаемых целей и завышенной мощности ЯБЗ.

Ответный удар. Следует отказаться от концепции ОВУ и сосредоточить внимание на ОУ. Для этого необходимо продолжать работу по уменьшению стимулов к нанесению первого контрсилового удара. Одно из направлений этого – увеличение живучести СЯС и полный запрет БГ с РГЧ ИН.

Объекты поражения. На глобальном уровне целесообразно сосредоточиться на контценностном и инфраструктурном

Научные Записки ПИР-Центра №10

поражении, а на региональном – на *элитном* и инфраструктурном.

ПРО/СНВ. Целесообразно исходить из того, что американцы ведут целенаправленную работу по подрыву договора ПРО³⁰⁶. Примерно через 10 лет, после выполнения условий договора СНВ-2, могут выйти из договора. В связи с этим ориентироваться надо на создание группировки, которая могла бы обеспечить прорыв национальной ПРО.

Переговорный процесс. Основной переговорного процесса должны стать контрсилловые потенциалы сторон. Если американцы не пойдут на определение этого направления переговоров как основного, то можно попробовать сделать центральным переговорным моментом их БРПЛ с РГЧ ИН. Если же они не пойдут и на это, то целесообразно выходить из переговорного процесса.

СПИСОК ИСПОЛЬЗУЕМЫХ СОКРАЩЕНИЙ:

БГ – боеголовка (и)
БЗ – боезаряд
БР – баллистические ракеты
БРВЗ – ракеты класса *воздух-поверхность*
БРПЛ – баллистические ракеты на подводных лодках.
ВВП – валовый внутренний продукт
ВВС – военно-воздушные силы
ВКО – военно-космическая оборона
ВКС – военно-космические силы
ВМФ – военно-морской флот
ВПК – военно-промышленный комплекс
ВС – вооруженные силы
ВСЯС – стратегические ядерные силы воздушного базирования (СЯС в ВВС)
ВТО – высокоточное оружие
ГРУ – главное разведывательное управление министерства обороны
ГУМО – главное управление министерства обороны
ДНЯО – Договор о нераспространении ядерного оружия
КП – командный пункт
КР – крылатая ракета
КРВБ – крылатые ракеты воздушного базирования
КРВБ (БД) – крылатые ракеты воздушного базирования большой дальности
КРМБ – крылатые ракеты морского базирования
КРНБ – крылатые ракеты наземного базирования

За последние 11 лет, после того как переговоры по РСМД вошли в решающую фазу, американцы привыкли к тому, что советской/российской стороне успех нужен на переговорах больше, чем американцам. По разным причинам это было так. Ситуация не изменилась и сейчас. Главная причина, почему российской стороне нужен успех на переговорах больше, чем американцам – это желание сохранить паритет и невозможность сделать это в нынешних российских условиях. Если происходит отказ от паритета и переход к новым параметрам политики ядерного сдерживания, то тогда и необходимость в переговорном процессе во многом отпадает. В этой связи и сами американцы, не имея возможности спекулировать заинтересованностью России для приобретения односторонних преимуществ, станут уступчивее.

МБР – межконтинентальные баллистические ракеты
МСЯС – стратегические ядерные силы морского базирования (СЯС в ВМФ)
НИОКР – научно-исследовательские и опытно-конструкторские разработки
ОВД – Организация Варшавского договора
ОВУ – ответно-встречный удар
ОМУ – оружие массового уничтожения
ОСВ – ограничение стратегических вооружений в Европе
ОУ – ответный удар
ПВО – противовоздушная оборона
ПЛАРБ – подводные лодки с ядерными баллистическими ракетами
ПЛО – противолодочная оборона
ПРО – противоракетная оборона
ПУ – пусковая установка
РВСН – ракетные войска стратегического назначения
РГЧ ИН – разделяющиеся головные части индивидуального наведения
РК – ракетный комплекс
РКО – ракетно-космическая оборона
РЛС – радиолокационная станция
РМД – ракеты меньшей дальности
РПК СН – ракетный подводный крейсер стратегического назначения
РСМД – ракеты средней и меньшей дальности
СБУ – система боевого управления
СМИ – средства массовой информации
СНВ – стратегические наступательные вооружения
СОИ – стратегическая оборонная инициатива
СПРН – система предупреждения о ракетном нападении

Научные Записки ПИР-Центра №10

СЯС – стратегические ядерные силы

ТБ – тяжелые бомбардировщики

ТВ – театр войны

ТВД – театр военных действий

ТТХ – тактико-технические характеристики

ТЯО – тактическое ядерное оружие

ЦКП – центральный командный пункт

ШПУ – шахтная пусковая установка

ЭМИ – электромагнитный импульс

ЯБЗ – ядерные боезаряды

ЯО – ядерное оружие

ЯФ – ядерный фактор

С3И – command, control, communications and intelligence

MAD – mutual assured destruction

¹ Snow Donald. The Necessary Peace: Nuclear Weapons and Superpower Relations. Toronto, 1987, p.16

² Воронин С. Мы нужны России ... и миру. *Международная Жизнь*, №6, 1994, с.50

³ Edward A.J.C. Nuclear Weapons, The Balance of Terror, The Quest for Peace. Houndmills 1986, p.7

⁴ Гейлер Ноуэл. Выход из тупика. Американская угроза и протест миллионов. М., 1983, с.80, 81

⁵ Kennedy E.M., Hatfield M.O. Freeze! How You Can Help Prevent Nuclear War? New York, 1982, p.9

⁶ Цит. по: Pentz Michael. New Weapons and Strategies for Their Use. Nuclear War: The Search for Solutions. Ed. Thomas L., Perry M.D., DeMille Dianne. Canada, 1985, p.56. Также см.: Somerville John. Nuclear War is Omnicide. Nuclear War. Philosophical Perspectives. Ed. Fox Michael, Groarke Leo. New York, 1985, p.3

⁷ Например: «Ядерное противоборство из-за неизбежных последствий ядерного взрыва [...] быстро утратило бы все функции, свойства и признаки войны как общественного явления, процесса вооруженной борьбы и приобрело бы свойства качественно нового явления, не имеющего прямой связи не только с политикой, но и вообще со всякой деятельностью человека». Петренко В.Л. Что показывает анализ проекта военной доктрины. *Военная Мысль*, №1, 1992, с.15. См. также по этому вопросу: Каневский Б.К., Шабардин П.Н. К вопросу о соотношении политики, войны и ракетно-ядерной катастрофы. *Международная Жизнь*, №10, 1987; Мирошниченко Л.Н. Сущность и противоречивость проявления законов войны. *Военная Мысль*, №12, 1992, с.52

⁸ Комментарий Евгения Маслина: «Ядерное оружие не может быть *только*, оно обязательно и военное, и психологическое, и антигуманное, и гуманное (как и обычное

оружие, если оружие вообще может называться гуманным)»

⁹ Nuclear Arms and The Human Race: To Die or Not To Die. New Delhi, 1986, p.8

¹⁰ См., например: Петровский В. Приоритеты в разоружающемся мире. *Международная Жизнь*, №2, 1991, с.5, 7. Эрьян Бернер. Реконструкция Европы. *Международная Жизнь*, №1, 1991, с.53. А также: Накасонэ Я., Мураками Я., Сато С., Нисибэ С. После холодной войны. М., 1993, с. 80, 89, 90

¹¹ См., например, Манилов В.Л. Военно-политический анализ концепции национальной безопасности СССР. *Военная Мысль*, №3, 1991, с.47. А также: Хасбулатов Р. Выступление на научно-практической конференции МИД РФ: Преображенная Россия в новом мире. 26-27 февраля 1992. *Международная Жизнь*, март-апрель, 1992, с.90

¹² Гацко М. Характер и источники внешних угроз военной безопасности России. *Стратегическая стабильность*, №1, 1998, с.15

¹³ См., например: Богатуров А. Кризис миротворческого регулирования. *Международная Жизнь*, №7, 1993, с.38

¹⁴ Комментарий Евгения Маслина: «Ядерное оружие применимо также как и другое оружие, исходя из задач, которые надо решать»

¹⁵ Sring Baker. What The Pentagon Nuclear Doctrine Review Should Say. *Backgrounder* #987, May 26, 1994, p.2

¹⁶ Проэктор Д. О политике, Клаузевице и победе в ядерной войне. *Международная Жизнь*, №4, 1988, с.80. См. также по этому вопросу: Кокошин А.А. Армия и политика. М., 1996, с.70-73

¹⁷ Фулбрайт Уильям. Политику разрядки надо продолжить. Американская угроза и протест миллионов. М., 1983, с.36

Еще в шестидесятые годы были попытки как-то ограничить *разумными пределами* уровни СНВ. Далее в тексте речь пойдет о критерии Макнамары. Были такие попытки и в СССР. Так, например, Сергей Хрущев следующим образом излагает идеи военной реформы своего отца: «Главная составляющая концепции той реформы – отказ от симметричной стратегии. [...] Хрущев сказал [...] соревноваться с ними [американцами – Авт.] по общепринятым канонам – значит проиграть. И столько же вооружений, сколько они, мы произвести не сможем. [...] Можем, как в войну, сосредоточить все на главном направлении. Главное направление – создание ракетно-ядерного комплекса ответного удара.

Научные Записки ПИР-Центра №10

Причем небольшого. Речь шла о нескольких сотнях ракет. Остальное, считал он, мы не должны развивать вообще, поскольку это излишняя трата денег». Сергей Хрущев: военные всегда против реформирования армии. *Коммерсант-Власть*, №10, 24 марта 1998, с.32

¹⁸ В данном случае неважно, насколько адекватными были эти представления, важно, что они доминировали и определяли восприятие ЯО и угрозы его применения.

¹⁹ Кокошин А.А., Ларионов В.В. Предотвращение войны: доктрины, концепции, перспективы. М., 1990, с.81. См. также: Кириленко Г.В., Тренин Д.В. Формула безопасности: от паритета к стратегической стабильности. *Военная Мысль*, № 8-9, 1992, с.16

²⁰ Дин Гордон. Вступление к книге Г.Киссенгера *Ядерное оружие и внешняя политика*. М., 1959, с.15

²¹ То же

²² Василенко В., Кузнецов Г. Миссия России в обеспечении ядерного паритета в канун третьего тысячелетия. *Стратегическая стабильность*, №1, 1998, с.12

²³ Шевцов А.И., Попов А.И. Военно-технические аспекты обеспечения стратегической стабильности в условиях действия договора СНВ-2. Киев, 1995, с.27

²⁴ Дворкин Владимир. Ядерное сдерживание и договор СНВ-2. *Ядерное распространение*, 17 выпуск, май 1997, с.8

²⁵ То же

²⁶ Выступление посла Стрельцова М.Н. на конференции «Договор СНВ-2: перспективы ратификации», 31 октября 1995

²⁷ Кортунов Сергей. Будущее ядерного разоружения. *Ядерный Контроль*, №17, май 1996, с.10

²⁸ Алексей Арбатов: «В новых условиях Россия могла бы согласиться на любую асимметрию, тем более, что сейчас американцы имеют преимущество почти в 30% при реальном засчете боеголовок». Alexei G. Arbatov. Start-II: arms control and strategic implications, Conference Start-II: prospects for ratification, June 29, 1995, p.12. Андрей Козырев: «Ему [паритету – Авт.] на смену должен прийти баланс безопасности на таких уровнях вооружений, которые, обеспечивая надежную безопасность и эффективное сдерживание, были бы необременительны для экономики». Договор СНВ-2. Факты и аргументы (Белая книга). М., 1993, с.13, 14. Владимир Белоус: «Ядерное оружие способно обеспечить сдерживание потенциального агрессора от нападения даже при его

значительном превосходстве». Владимир Белоус. Средство политического и военного сдерживания. *Независимое военное обозрение*, 26 сентября 1996. Колин Пауэл: «[...] у нас есть потенциал для сдерживания любого агрессора вне зависимости от того, каким потенциалом обладает он». Council for a Livable World, Chairman of the JCS Colin Powell. Уолтер Слокомб: «[...] мы убеждены, что у нас стратегические силы достаточны и эффективны с военной точки зрения, несмотря на то, каковы по численности силы противной стороны». Statement by Under Secretary of Defence for Policy, Walter B. Slocombe before the Senate Armed Services Committee, May 17, 1995, p.5

Иногда принцип паритета (равенства) СНВ отождествляют с принципом равной безопасности: «В основе советско-американского соглашения в области ограничения стратегических вооружений ОСВ-1 и ОСВ-2 лежал согласованный сторонами принцип равенства и одинаковой безопасности. Главным его критерием считалось обеспечение военно-стратегического равновесия. [...] Однако последний советско-американский Договор о сокращении и ограничении стратегических наступательных вооружений (договор СНВ-1) содержал положения, позволяющие при необходимости обойти этот принцип». (Национальная доктрина России. Проблемы и приоритеты. РАУ-Корпорация, М., 1994, с.377) Такое утверждение представляется не вполне справедливым, поскольку в том виде, в каком критерий (принцип) паритета был заложен в переговорный процесс (сначала по ОСВ-1 и ОСВ-2, а потом по СНВ-1), он как раз являлся альтернативой принципу равной безопасности. При действии последнего в уровни паритета необходимо было бы включать американские средства передового базирования. Но добиться этого от США не удалось, и тогда пошли на паритет по СНВ. Принцип, по которому учитывались только СНВ, американцы, которые его и предложили, называли принципом *существенного равенства*. (См.: Smart I. Perspectives from Europe./SALT (Strategic Arms Limitations Talks). Moscow Agreements and Beyond. New York, 1974, p.193). Но он не имел ничего общего с принципом равной безопасности.

²⁹ Термин *минимальное ядерное сдерживание* (*minimum deterrence*) употребляется в двух значениях. *Во-первых*, он обозначает минимально необходимый ядерный потенциал для осуществления сдерживания. *Во-вторых*, он обозначает спектр угроз, в отношении

Научные Записки ПИР-Центра №10

которых проводится сдерживание. The Future of U.S. Nuclear Weapons Policy. National Academy of Sciences, 1997, p.15

Есть несколько терминов, которые употребляются как синонимы *minimum deterrence* – *finite deterrence*, *fundamental deterrence*. Harry B. Hollins, Averill L. Powers, Mark Sommer. The Conquest of War. London, 1989, p.54

³⁰ Scott Harriet F., Scott William F. Soviet Military Doctrine. London, 1988, p.260

³¹ Шевцов А.И., Попов А.И. Военно-технические аспекты обеспечения стратегической стабильности в условиях действия договора СНВ-2. Киев, 1995, с.7

³² Николаев Ю.В. Оборонная достаточность: критерии и методы оценки. *Военная Мысль*, №4-5, 1992, с.28

³³ Куликов В.Г. О военно-стратегическом паритете и достаточности. *Военная Мысль*, №5, 1988, с.4

³⁴ Есть еще термин *заданный ущерб* (иногда также говорят *требуемый ущерб*). Автор исходит из того, что по сути все эти термины употребляются как синонимы. Например: «В качестве требуемого уровня ущерба можно принять минимально необходимый ущерб экономическому потенциалу другой стороны». Савченко В.Я., Васильев С.В. К вопросу о сокращении СНВ. *Военная Мысль*, №2, 1992, с.49. Далее в статье авторы предлагают ограничить экономический ущерб уровнем, который несколько выше, чем выгоды от агрессии. По сути, это то же, что и *неприемлемый* ущерб. Ведь было бы странным определить в качестве заданного уровня ущерба такой ущерб, который противная сторона считала бы приемлемым.

³⁵ Старухин В., Кузнецов Г. Концепция ядерного сдерживания в современном мире. *Стратегическая Стабильность*, №1, 1998, с.50

³⁶ Комментарий Евгения Маслина: «Всегда надо помнить о целях той или иной войны»

³⁷ Ядерный фактор в современном мире. М., 1996, с.26. Авторы отмечают, что *неприемлемый* ущерб зависит от исторически-культурных и социальных особенностей. См. также: Nuclear War: What's in It For You? New York, 1982, p.173

³⁸ Дворкин Владимир. Ядерное сдерживание и договор СНВ-2. *Ядерное Распространение*, 17 выпуск, май 1997, с.6

³⁹ Hollis Harry D., Powers Averill L., Sommer Mark. The Conquest of War. New York, 1991, pp. 55, 56

⁴⁰ Ромашкин Петр. К вопросу об обосновании критериев неприемлемости ядерного

воздействия, обеспечивающих ядерное сдерживание. *Ядерное Распространение*, выпуск 21, декабрь 1997, с.47

⁴¹ Ратификация Договора СНВ-2. М., РАУ-Корпорация, 1996, с.36

⁴² Белоус Владимир. Концепция ядерного сдерживания и договор СНВ-3. *Ядерный Контроль*, №2, март-апрель 1998, с.47

⁴³ Некоторые специалисты предлагают проводить деление не на контрценностный, контрсиловой удары, а по объектам поражения: СЯС и их инфраструктура; другие военные цели; промышленные цели, население и т.д. В этом подходе разводятся военные объекты поражения: ядерные/неядерные.

⁴⁴ Schroeer Dietrich. Science, technology and nuclear age. New York, 1984, p.10

⁴⁵ Считается, что родоначальником идеи контрсилового нацеливания был Роберт Макнамара. См.: The Origins of MIRV. SIPRI Research Report, №9, August 1973, p.15. С аналогичными идеями выступал и Шлезенгер. См.: Beres Louis Rene. Apocalypse. Nuclear Catastrophe in World Politics. Chicago, 1980, p.131

⁴⁶ Так, один из авторов писал: «Вызывает удивление, что концепция ударов по городам все еще имеет сторонников; ведь она лежала в основе стратегии пятидесятых-шестидесятых годов, и, казалось бы, при том уровне накопленных ядерных боеприпасов и средств их доставки, который был характерен для семидесятых годов и сохранится в будущем, для нее больше нет места в ядерном планировании». Кларк Магнус. Уничтожение Британии в ядерной войне. М., 1982, с.146

⁴⁷ См., например: Gertcher Frank L., Weida William J. Beyond Deterrence: The political-Economy of Nuclear Weapons. Westview Press, 1990, p.19

⁴⁸ Sadacca Sandra. Up in Arms. Washington, 1984, p.24

⁴⁹ Редким исключением в этом плане является следующее суждение: «В теории мир, в котором две ядерные державы обладают гарантированной способностью нанести ответный удар и придерживаются аналогичных контрценностных стратегий, был бы очень стабилен в кризисных ситуациях. Ни одна из сторон не была бы склонна к нанесению упреждающего удара. Не было бы проблемы деэскалации. К сожалению, ни одна из сторон никогда не разделяла такого видения проблемы безопасности, они предпочитали стремиться к максимизации своих относительных стратегических преимуществ».

Научные Записки ПИР-Центра №10

Lebon Richard Ned. Nuclear Crisis Management. A Dangerous Illusion. London, 1987, p.163

⁵⁰ Далее автор будет иногда пользоваться термином *первый ядерный удар* как синонимом применения ЯО первыми.

⁵¹ Декларация государств-участников Варшавского договора, принятая политической консультативной комиссией государств-участников Варшавского договора на совещании в Варшаве 15 мая 1980 года. Организация Варшавского договора. Документы и материалы. 1955–1980. М., 1980, с.269, 270

⁵² Fegenhauer Pavel. Europe is loosing its balance. *Moscow Times*. 13 February 1997, p.11

⁵³ Цит. по: Белоус Владимир. Средство политического и военного сдерживания. *Независимое Военное Обозрение*, 26 сентября 1996

⁵⁴ См. например: Holroyd Fred. Ed. Thinking About Nuclear Weapons. Analyses and Prescriptions. London, Sydney, 1985

⁵⁵ Но в любом случае необходимо учитывать, что пока на официальном уровне отказа США от политики применения ЯО первыми не было и, скорее всего, в обозримой перспективе не произойдет.

⁵⁶ Ахромеев С.Ф., Корниенко Г.М. Глазами маршала и дипломата. М., 1991, с.38

⁵⁷ См., например: Lord Zuckerman. Star Wars in a Nuclear World. London, 1986, p.63

⁵⁸ Hollins Harry B., Powers Averil L., Sommer Mark. The Conquest of War. London, 1989, pp.64-65

Такой подход обосновывался следующим образом. Безопасность представлялась как функция:

- 1) от наступательных и оборонительных вооружений одной стороны;
- 2) от количества вооружений другой стороны, причем ее оборонительные вооружения оказывают позитивное, а наступательные – негативное воздействие на безопасность первой стороны;
- 3) от переменных невоенного характера.

При таком подходе получается, что «высокоэффективная ПРО повысила бы безопасность и не была бы угрозой ни для кого». Сокращение наступательных вооружений и наращивание оборонительных возможностей позволяет «снижать угрозу войны, не рискуя собственной безопасностью, а, наоборот, укрепляя ее, равно как и безопасность другой стороны». Tinbergen J. Fischer D. Warfare and Welfare: Integrated Security Policy into Socio-Economic Policy. New York, 1987, pp.23-27, 59

⁵⁹ Киссенгер Г. Ядерное оружие и внешняя политика (пер. с английского Kissinger H.A. Nuclear Weapons And Foreign Policy). М., 1959, с.188

⁶⁰ Сколько ядерного оружия нужно России. *Новое Время*, №12, 1993, с.28

⁶¹ Ратификация договора СНВ-2. М., РАУ-Корпорация, 1996, с.40

⁶² При этом необходимо помнить, что программа СОИ недешево обошлась и американским налогоплательщикам: на нее было затрачено, по некоторым данным, 32 млрд долл. Терехов В.Ф. Глобальная противоракетная оборона и интересы России. Проблемы внешней и оборонной политики России. Сб. статей. М., 1994, с.89

⁶³ Так, на переговорах в Женеве в 1986 году Рональд Рейган предлагал договориться о взаимном сокращении боеголовок и сбалансированном наращивании ПРО. Gertcher Frank L., Weida William J. Beyond Deterrence, p.142

⁶⁴ Цит. по: Бовин А.Е. Космические фантазии и земная реальность. М., 1986, с.6

⁶⁵ Так, один из сторонников развития программ ПРО писал: «Всеобщая безопасность предполагает полное распространение всех технологических знаний об оборонительных вооружениях. В широких кругах общественности, среди должностных лиц и особенно в мировом научном сообществе крепнет убеждение, что в современных условиях международное сотрудничество является единственной гарантией полной безопасности». Tinbergen J. Fischer D. Warfare and Welfare: Integrated Security Policy into Socio-Economic Policy. New York, 1987, p.11

⁶⁶ Некоторые авторы даже писали, что «защита против ядерной атаки либо идеальна, либо бесполезна». Mandelbaum Michael. The Nuclear future. Cornell Univ. Press, 1983, p.37

⁶⁷ См., например: Егоров Вадим. Существующий между РФ и США баланс в области противоракетной обороны может быть вскоре нарушен. *Независимая Газета*, 24 сентября 1997, с.1. Стуруа Мэлор. Еще один шаг к безъядерному миру. *Известия*, 30 сентября 1997, с.3. Ганкин Леонид. Россия и США будут регулировать скорость и дальность. *Коммерсант-Daily*, 26 сентября 1997, с.4

⁶⁸ Jones Rodney., Sokov Nikolai. After Helsinki, the hard work. *The Bulletin of Atomic Scientists*, July/August 1997, p.26

⁶⁹ Интервью Виктора Колтунова – руководителя российской делегации в Постоянной консультативной комиссии –

Научные Записки ПИР-Центра №10

журналу *Ядерный Контроль*, № 36, декабрь 1997, с.2

⁷⁰ Сообщение Пресс-службы президента Российской Федерации 1998-04-13-003

⁷¹ Распоряжение президента РФ, 11 апреля 1998, № 125-рп

⁷² См., например: Мюллер Харальд. Транспарентность в сфере ядерных вооружений: возрождение идеи реестра ядерных вооружений. *Ядерный Контроль*, №34-35, октябрь-ноябрь 1997, с.31

⁷³ *Итаp-Tacc*, 14 января 1994

⁷⁴ Shargorodsky Sergei. China, Russia Seal Ties By Not Pointing Nukes At Each Other. *Washington Times*, 4 September 1994, p.A8

⁷⁵ *Итаp-Tacc*, 27 мая 1997

⁷⁶ *Итаp-Tacc*, 20 августа 1997

⁷⁷ U.S.-Russian Strategic Missile Detargeting Complete. *Arms Control Today*, №7-8, 1994, p.26

⁷⁸ Ярынич В.Е. Оценка гарантии. М., 1994, с.85

⁷⁹ См., например: Степанов В.С. К вопросу о дестабилизирующих факторах СНВ. *Военная Мысль*, №3, 1994, с.13

⁸⁰ Разница в стоимости развертывания шахтных и мобильных МБР превышает 100%. См.: Дворкин Владимир. Ядерное сдерживание и договор СНВ-2. *Ядерное Распространение*, 17 выпуск, май 1997, с.7

⁸¹ Готовность шахтной МБР – одна минута, готовность мобильной МБР – один час. См.: Криворхижа В.И. Стратегические силы России: дилеммы разоружения и модернизации (общие аспекты). Проблемы внешней и оборонной политики России. Сб. статей. М., 1994, с.34

⁸² Такие оценки, в частности, звучали из уст бывшего министра иностранных дел Андрея Козырева.

⁸³ Гареев М.А. О некоторых вопросах российской военной доктрины. *Военная Мысль*, №11, 1992, с.2, 3

⁸⁴ То же, с.4

Спор о содержании понятия *военная доктрина* и ее месте в структуре стратегических документов государства сводился к обсуждению соотношения доктрины и стратегии. Часть специалистов считали, что стратегия *первична*; соответственно, «выводы теории стратегии являются категорией конкретно-исторической и оформляются в виде доктринальных установок, которые в своей совокупности образуют военную доктрину государства». (Гайдуков Ю. Стратегия и военная доктрина в меняющемся мире. *Международная Жизнь*, ноябрь-декабрь 1992, с.103.) Другие ученые считают, что понятие *доктрина* по своему содержанию шире, чем стратегия. При таком

подходе *военная доктрина* рассматривается как военная политика и трактуется как «составная часть общей политики государства, непосредственно связанная с созданием военной организации, подготовкой и применением средств вооруженного насилия для достижения политических целей». Военная стратегия формулируется как «система научных знаний о закономерностях и характере войн современной эпохи, о подготовке страны и вооруженных сил к войне, о способах и формах ведения войны и военных действий стратегического масштаба, а также область практической деятельности политического и высшего военного руководства по подготовке страны к войне и руководству ими при ведении военных действий». (Кольтюков А.А. Военная доктрина: подходы к формулированию, возможная структура. *Военная Мысль*, №7, 1992, с.23.)

Есть попытки свести этот спор, или скорее вывести его, на проблему соотношения политики и стратегии. См.: Кокошин А.А. Армия и политика. М., 1996, с.49

Однако это представляется не вполне обоснованным, поскольку, по сути, дискуссия вызвана *разноплановым* употреблением терминов: прежде всего термина *стратегия*. В отечественной военной мысли этот термин имеет *узкое* и *широкое* толкования: *военная стратегия* и *теория стратегии*, соответственно. При его употреблении в первом смысле он по своему смысловому объему явно уже понятия *военная доктрина* (если последний трактовать как *военная политика*), во втором же смысле – явно шире.

⁸⁵ См., например: Петренко В.Я. Что показывает анализ проекта военной доктрины. *Военная Мысль*, №1, 1992, с.15. А также: Родионов И.Н. Некоторые подходы к разработке военной доктрины России. *Военная Мысль*, июль, 1992, спецвыпуск, с.13

⁸⁶ Национальная доктрина России (проблемы и приоритеты), М., 1994, с.384

⁸⁷ Булавинов Илья. Одобрена Концепция национальной безопасности России. *Коммерсант-Daily*, 8 мая 1997, с.1

⁸⁸ Ваганов Андрей. Что случилось с Концепцией национальной безопасности. *Независимая газета*, 13 июня 1997, с.2

⁸⁹ Голотюк Юрий. Ядерное разоружение неизбежно. *Русский Телеграф*, 11 июля 1998, с.1

⁹⁰ Ядерная триада России: пути развития. Пресс-служба министерства обороны РФ. *Красная Звезда*, 11 июля 1998, с.1

Научные Записки ПИР-Центра №10

⁹¹ Поскольку нет информации об условиях выхода на эти количественные параметры в указанные сроки, значит, в принципе, руководство России допускает одностороннее ядерное разоружение.

⁹² *Itar-Tass* 06 October 1998; *Reuters* 06 October 1998; Russian Minister Calls For Nuclear Modernization, Deep reductions. *Disarmament Diplomacy* №31, October 1998, p.55

⁹³ Начальник 12-го ГУМО Игорь Валинкин заявил, что Россия в состоянии произвести столько ЯО, сколько может понадобиться даже при самых неблагоприятных мировых условиях и ресурсы для этого есть. Russia can build up Nuclear Potential if Needed. *Itar-Tass*, 9 October 1998

⁹⁴ Здесь, правда, не исключено, что Юрий Маслюков несколько преувеличил проблему. Оценки автора по составу российской группировки СЯС в настоящее время и в будущем при различных вариантах развития ситуации приводятся далее в работе.

⁹⁵ Письмо первого заместителя председателя правительства РФ Юрия Маслюкова председателю Госдумы Геннадию Селезневу. 2 ноября 1998, №5247п-П4

⁹⁶ Василенко В., Кузнецов Г. Миссия России в обеспечении ядерного паритета в канун третьего тысячелетия. *Стратегическая Стабильность*, №1, 1998, с.11

⁹⁷ Милованов В. Ядерная безопасность через призму военной философии. *Стратегическая Стабильность*, №1, 1998, с.69

⁹⁸ Интервью журналу *Ядерный Контроль*, №34-35, октябрь-ноябрь 1998, с.6

⁹⁹ См., например: Scott Harriet, Scott William. *Soviet Military Doctrine*. London, 1988, p.258

¹⁰⁰ Mognahau Brian. *The claws of the Bear. A History of the Soviet Armed Forces from 1917 to the present*. London, 1989, p.251

¹⁰¹ То же

¹⁰² Ракетчики открывают секреты. *Век*, №15, 12 мая 1997, с.2

¹⁰³ Долинин Александр. *Тополь-М* учится летать. *Красная Звезда*, 8 августа 1997

¹⁰⁴ Волков Л.Н. Предназначение, задачи и состав РВСН в современных условиях и в перспективе. *Военная Мысль*, июль 1992, спецвыпуск, с.57

¹⁰⁵ Тарасов Алексей. Опять бабий бунт. *Известия*, 25 июля 1998, с.1

¹⁰⁶ Юркин Анатолий. Зачем губернатору ракетная дивизия. *Итар-Тасс Экспресс*, №32, с.15

¹⁰⁷ Тарасов Алексей. Опять бабий бунт. *Известия*, 25 июля 1998, с.1

¹⁰⁸ Лаптев Л.Г. Оптимизация управленческой деятельности военных кадров. Автореферат

диссертации на соискание ученой степени доктора психологических наук. М., 1995, с.5

¹⁰⁹ Волков Л. Первые шаги военной реформы. *Стратегическая Стабильность*, №1, 1998, с.9

¹¹⁰ То же

¹¹¹ Фельгенгауэр Павел. Военная реформа под ядерным зонтиком. *Сегодня*, 23 октября 1997, с.1, 2

¹¹² Голотюк Юрий. Войска ПВО готовы стать воздушно-космической обороной России. *Сегодня*, 18 февраля 1997, с.2

¹¹³ Соловцов Н.Е, Носов В.Т. Роль и место РВСН в Вооруженных силах России. *Военная Мысль*, №9 (ноябрь-декабрь), 1994, с.71

¹¹⁴ Рохлин Лев. В 2009 году Россия перестанет быть ядерной державой. *Думская Панорама*, Специальный выпуск №94, 29 мая 1997

¹¹⁵ Обновление Вооруженных сил: предпосылки, направления, противоречия. Беседа с главкомом РВСН Максимовым Ю.П. *Военная Мысль*, №2, 1991, с.3

¹¹⁶ Лопухов С.К. Система стратегического руководства Вооруженными силами России. *Военная Мысль*, июль 1992, спецвыпуск, с.77

¹¹⁷ Концептуальные положения стратегии противодействия основным внешним военным угрозам национальной безопасности Российской Федерации. Доклад ИНОБИС. *Сегодня*, 20 октября 1995, с.3. Белоус Владимир. Тактическое ядерное оружие в новых геополитических условиях. *Ядерный Контроль*, №14, февраль 1996

¹¹⁸ Соков Николай. Тактическое ядерное оружие: новые геополитические реальности или старые ошибки? *Ядерный Контроль*, №26, февраль 1997

¹¹⁹ Подробнее по этому вопросу см.: Тактическое ядерное оружие в России: сегодняшняя позиция военно-политической элиты и перспективы ее трансформации. *Вопросы Безопасности*, №20 декабрь 1997

¹²⁰ *Итар-Тасс*, 16 марта. См. также: *Daily Report*, №53, 17 March 1992

¹²¹ Родионов И. Какая оборона нужна России? *Независимое Военное Обозрение*, №22, 28 ноября 1996, с.1

¹²² Белянинов Кирилл. Интервью с генерал-майором Владимиром Яковлевым. *Литературная Газета*, 1 июня 1994. Также см.: Lockwood Dunbar. *Nuclear weapon developments*. SIPRI-Yearbook, 1996

¹²³ Воробьев А., Квок Б. Разоружение. Запастись терпением. *Международная Жизнь*, №2, 1996, с.38

¹²⁴ Пленка с записью вопроса и ответа есть в архиве ПИР-Центра политических исследований в России

¹²⁵ Handler Joshua. Progress in Nuclear Disarmament and Confidence Building Measures Related to Nuclear weaponry. 4th Pugwash Workshop: The Future of the Nuclear Weapon Complexes of Russia and the USA. Moscow and Snezhinsk/Chelyabinsk-70, 8-14 September 1997

¹²⁶ США, с одной стороны, на официальном уровне выражают заинтересованность в ликвидации ТЯО или хотя бы его значительном сокращении и деактивации. С другой, – в США продолжают работы по разработке БЗ четвертого/пятого поколения (по вопросу поколений ЯБЗ см. в этой же сноске ниже). Это так называемые ЯБЗ малой мощности, которые, как предполагается, в еще большей степени, нежели ЯБЗ предыдущего поколения будут отвечать требованиям, предъявляемым к ТЯО поля боя.

Разработки новых тактических ЯБЗ начались в 1992 году. Однако год спустя Конгресс запретил создание в США нового поколения ЯБЗ. В 1994 году появились новые планы возобновления работ, и они вошли в активную фазу в 1995 году. Работы велись в направлении создания трех категорий ЯБЗ малой мощности с уменьшенным выходом радиации:

- *Тайни-ньюки (tiny-nukes)*: мощность около 10 т; предназначение – разрушение бункеров и транспортных путей;
- *Микро-ньюки (micro-nukes)*: мощность около 100 т; предназначение – использование в тактических противоракетных системах;
- *Мини-ньюки (mini-nukes)*: мощность около 1000 т; предназначение – превентивные удары по противнику на поле боя.

В рамках той же программы разрабатывалась новая серия носителей двойного назначения. Эти носители в ядерном варианте должны были оснащаться БГ приведенных выше типов. Носители включали в себя ракеты класса *воздух-поверхность* и КРМБ (и на подлодках и на надводных кораблях). Их разработку предполагалось закончить в течении трех-пяти лет. (Данные приведены по Kristensen Hans, Handler Joshua. Green Peace Nuclear Campaign Report, New York, 1995.)

Поколения ЯБЗ. Отечественные специалисты оперируют двумя классификациями поколений ЯБЗ. По первой из них выделяют четыре поколения ЯБЗ: четвертое сейчас разрабатывается. К первому относят атомные БЗ; ко второму – термоядерные; к третьему – «специальные заряды (боеприпасы), у которых за счет

особой конфигурации обеспечивается перераспределение энергии взрыва в пользу одного из поражающих факторов». (Белоус Владимир. Ядерное оружие третьего поколения. *Военная Мысль*, №11-12, 1991, с.117, 118.) Наиболее известными из БЗ третьего поколения являются нейтронные. Но в рамках общего направления работ по третьему поколению были созданы еще два вида ЯБЗ: ЯБЗ с усиленным выходом электромагнитного импульса (ЭМИ); *заглушенные ЯБЗ*, в которых обеспечивался повышенный выход энергии, направленной на образование воронки, зоны разрушения и сейсмических волн, в частности, такие БГ ставились на *Першинг-2*. (Белоус Владимир. Цит. соч., с.119.) Кроме этого, проводились работы по созданию *ядерно-лазерной боеголовки* (то же, с.120); и *гиперзвуковой иррапели* (см.: Белоус Владимир. Ядерное оружие третьего поколения. *Независимое Военное Обозрение*, 8-14 февраля 1997, с.6)

Во второй классификации к первому поколению относят атомные БЗ; ко второму – термоядерные; к третьему – малые термоядерные (мощностью до 150 кт, они были созданы в конце шестидесятых годов); к четвертому – ЯБЗ *избирательного действия* (то есть те, что в предыдущей классификации входили в третье поколение).

Соответственно, новое поколение по первой классификации является четвертым, а по второй – пятым. Его отличительная черта заключается в низком *попутном* воздействии, это, так называемые, *чистые ЯБЗ*. Как предполагается, они включают в себя и характеристики предыдущего поколения ЯБЗ. В западных источниках новое поколение ЯБЗ иногда называют *exotic nukes*.

¹²⁷ Автор дает свои собственные оценки, которые являются результатом анализа открытых источников информации. Прогноз состава СЯС РФ в перспективе представлен на основе сопоставления данных о гарантийных сроках различных ядерных средств, темпах их вывода из боевого состава, создании новых образцов вооружений и международно-правовых обязательствах России.

¹²⁸ По некоторым сведениям каких-либо дополнительных мер в этой части предпринимать и не надо было, так как в договор закладывались те планы патрулирования, которые и так существовали. См.: Соков Николай. Письмо редактору. *Ядерный Контроль*, № 30-31, июнь-июль 1997, с.44

¹²⁹ Данные приводятся по: Суриков Антон. Как развивать российские стратегические ядерные

Научные Записки ПИР-Центра №10

силы. *Ядерный Контроль*, № 12, декабрь 1995, с.13

¹³⁰ То же

¹³¹ То же

¹³² То же

¹³³ Сокращение ядерного оружия. Процесс и проблемы. М., 1997, с.20

¹³⁴ Сергеев В. Россия выкупает у Украины стратегические бомбардировщики и ракеты. *Сегодня*, 21 декабря 1995, с.10

¹³⁵ То же

¹³⁶ Интервью Игоря Коротченко с Юрием Соломоновым. *Независимая Газета*, 24 февраля 1999, с.8

¹³⁷ То же

¹³⁸ То же

¹³⁹ Суриков Антон. Как развивать российские стратегические ядерные силы. *Ядерный Контроль*, № 12, декабрь 1995, с.12, 13

¹⁴⁰ О возможности размещения трех БГ говорил главком РВСН Владимир Яковлев. См.: Интервью Владимира Яковлева, *Независимая Газета*, 12 февраля 1998. Размещение семи БГ допустимо по данным Антона Сурикова. См.: Суриков Антон. СНВ-2: противоречия остаются. *Ядерный Контроль*, №18-19, 1996

¹⁴¹ Сафонов Дмитрий. Российский флот озеленится *Тополями*. *Ядерная Безопасность*, № 15-16, 1998, с.7

¹⁴² Литовкин Виктор. В новый год с новой стратегической ракетой. *Известия*, 12 октября 1994

¹⁴³ *Сегодня*, 21 декабря 1994

¹⁴⁴ *Коммерсант-Daily*, 18 ноября 1995, с.3

¹⁴⁵ Долинин Александр. *Тополь* учится летать. *Красная Звезда*, 8 августа 1996, с.2

¹⁴⁶ Рохлин Лев. В 2009 году Россия перестанет быть ядерной державой. *Думская Панорама*, № 94, 29 мая 1997, с.2, 3

¹⁴⁷ Коротченко Игорь. Реформа стратегических сил будет иметь значительный эффект. *Независимая Газета*, 4 июля 1997

¹⁴⁸ Долинин Александр. Секреты Мирного. *Красная Звезда*, 8 октября 1996, с.2

¹⁴⁹ *Сегодня*, 9 июля 1997

¹⁵⁰ На боевом дежурстве – стратегический ракетный комплекс XXI века. *Красная Звезда*, 27 декабря 1997, с.1

¹⁵¹ Литовкин Виктор. Военная тайна. *Известия*, 24 декабря 1997, с.2

¹⁵² *Тополь-М* будет установлен в срок. *Независимое Военное Обозрение*, 26 июня – 2 июля 1998, с.1

¹⁵³ Литовкин Дмитрий. Гордость РВСН – *Тополь-М*. *Красная Звезда*, 28 февраля 1998, с.4

¹⁵⁴ Литовкин Виктор. Обновление стратегических сил откладывается. *Известия*, 24 октября 1998, с.1

¹⁵⁵ Литовкин Дмитрий. СЯС России *Тополями* прирастать будут. *Ядерная Безопасность*, №17, с.6

¹⁵⁶ В Саратовской области стало пятью *Тополями* больше. *Коммерсант-Daily*, 30 октября 1998, с.3

¹⁵⁷ *Независимая Газета*, 31 октября 1998, с.3

¹⁵⁸ Успешный пуск *Тополя-М*. *Независимое Военное Обозрение*, №47, 11-17 декабря 1998, с.1

¹⁵⁹ Голотюк Юрий. *Тополь-М* признан оружием. *Известия*, 10 декабря 1998, с.2

¹⁶⁰ Интервью Игоря Коротченко с Юрием Соломоновым. *Независимая Газета*, 24 февраля 1999, с.8

¹⁶¹ Письмо первого заместителя председателя правительства РФ Юрия Маслюкова председателю Госдумы Геннадию Селезневу. 2 ноября 1998, №5247п-П4

¹⁶² Корбут Андрей. Генералы дискутируют. *Независимое Военное Обозрение*, №44, 20-26 ноября 1998, с.3

¹⁶³ Голотюк Юрий. Российские *Тайфуны* могут случайно утилизировать. *Известия*, 20 ноября 1998, с.1

¹⁶⁴ Иванов В.П., Глебецько В.Г., Рудометкин А.П. Зачем нам нужен стратегический ракетный крейсер *Юрий Долгорукий*. *Военная Мысль*, №5, сентябрь-октябрь 1998, с.27

¹⁶⁵ То же

¹⁶⁶ *Независимое Военное Обозрение*, 30 января 1998, с.5

¹⁶⁷ Дворкин В., Калядин А., Пикаев А. Военно-стратегические и международно-политические аспекты дальнейшего сокращения арсеналов СНВ. Ядерные вооружения и безопасность России. Под ред. Арбатова А. М., 1997, с.25

¹⁶⁸ Соков Николай. Эволюция российских стратегических наступательных вооружений. *Ядерный Контроль*, № 1, январь-февраль 1998, с.49

¹⁶⁹ ВМФ получит оружие XXI века. *Независимое Военное Обозрение*, 24 апреля – 7 мая 1998, с.1

¹⁷⁰ Сокращение ядерного оружия. Процесс и проблемы. М., 1997, с.22

¹⁷¹ То же

¹⁷² То же

¹⁷³ Суриков Антон. Как развивать российские стратегические ядерные силы. *Ядерный Контроль*, № 12, декабрь 1995, с.13

¹⁷⁴ То же

¹⁷⁵ То же

¹⁷⁶ Сокращение ядерного оружия. Процесс и проблемы. М., 1997, с.22

¹⁷⁷ Соков Николай. Эволюция российских стратегических наступательных вооружений. *Ядерный Контроль*, № 1, январь-февраль 1998, с.49

¹⁷⁸ *РИА-Новости*, 20 ноября 1997

¹⁷⁹ Сафонов Дмитрий. Российский флот озеленится *Тополями*. *Ядерная Безопасность*, № 15-16, с.7

¹⁸⁰ Сокращение ядерного оружия. Процесс и проблемы. М., 1997, с.22

¹⁸¹ То же

¹⁸² Талов Борис. *Умницу* никто не остановит. *Российская газета*, 14 августа 1998, с.9

¹⁸³ В 1998 году в рамках военной реформы на базе Дальней авиации была сформирована 37-я воздушная армия. Подробнее об учениях см.: Сокут Сергей. Надежность сдерживания меньшими силами. *Независимое Военное Обозрение*, №39, 16–22 октября 1998, с.2; Голотюк Юрий. Россия готовится к отражению воздушно-космического нападения. *Известия*, 7 октября 1998, с.2; Булавинов Илья, Сафронов Иван. Последние учения стратегической авиации. *Коммерсант-Daily*, 10 октября 1998, с.2

¹⁸⁴ Ядерное вооружение СССР. М., 1992, с.281

¹⁸⁵ Дворкин Владимир. Ядерное сдерживания и договор СНВ-2. *Стратегическая Стабильность*, №1, 1998, с.14

¹⁸⁶ Соков Николай. Эволюция российских стратегических наступательных вооружений. *Ядерный Контроль*, № 1, январь-февраль 1998, с.50

¹⁸⁷ *Интерфакс*, 28 октября 1997

¹⁸⁸ *РИА-Новости*, 22 августа 1997

¹⁸⁹ Зув Ю., Кузнецов Г., Цветков В. Сокращение и ограничение стратегических наступательных вооружений. Ядерные вооружения и безопасность России. М., 1997, с.14

¹⁹⁰ Соков Николай. Эволюция российских стратегических наступательных вооружений. *Ядерный Контроль*, №1, январь-февраль 1998, с.47

¹⁹¹ То же, с.50

¹⁹² Талов Борис. *Умницу* никто не остановит. *Российская газета*, 14 августа 1998, с.9. В статье также сообщается о новой КРВБ (модификация Х-22) для бомбардировщиков среднего радиуса действия.

¹⁹³ По наблюдениям автора при рассмотрении вопросов, связанных с системой управления и контроля ЯО возникает путаница в терминах. Связано это с тем, что отечественные специалисты, занимающиеся этой проблематикой, перешли к открытому обсуждению этих вопросов сравнительно недавно. В отличие от своих зарубежных,

прежде всего западных коллег. Следовательно, достаточно многое как в информационном, так и в методологическом и терминологическом планах было воспринято из зарубежных источников. Однако при этом перенос западных наработок в этой сфере (образно говоря по методу *калькирования*) привел к тому, что прежде всего в терминологическом плане возникли некоторые несоответствия.

В английском языке есть устоявшиеся термины СЗ и СЗИ. Расшифровываются они следующим образом. СЗ – *command, control and communications* (управление, контроль и связь), СЗИ – *command, control, communications and intelligence* (управление, контроль, связь и разведывательные данные). Первый термин обозначает систему, в которую входят следующие элементы:

- Система принятия решения о нанесении ядерного удара и осуществления этого решения (*command*)
- Система предотвращения несанкционированного использования ЯО (*control*)
- Система обеспечения прохождения решения о применении ЯО от уровня принятия решения до уровня его практического осуществления (*communications*).

Второй термин обозначает систему, в которую входят все те же элементы, но только с добавлением компонента получения информации об условиях, при которых возникает необходимость выработки решения о применении ЯО. Одновременно при включении этого компонента несколько расширяются функции элемента связи. Теперь в него входит не только обеспечение прохождения решения от уровня принятия решения о применении ЯО до уровня его практического осуществления, но и обеспечение прохождения информации о возникновении условий, при которых появляется необходимость принятия решения о применении ЯО, от ее источников до уровня принятия такого решения.

Для того чтобы подчеркнуть разницу между *command* и *control*, иногда еще используют термины *активный* и *пассивный* контроль.

¹⁹⁴ В официальных документах, в частности в Соглашении между правительствами России и Украины о средствах предупреждения о ракетном нападении и контроля космического пространства, а также в сопроводительных документах Генштаба РФ к этому

Научные Записки ПИР-Центра №10

соглашению, этот объект называют *РЛС Севастополь*.

¹⁹⁵ Радар в Скрунде снимается с дежурства. *Красная Звезда*, 21 августа 1998, с.1

¹⁹⁶ Литовкин Виктор. Брешь в российском щите. *Известия*, 21 августа 1998, с.1

¹⁹⁷ Волков Л. Первые шаги военной реформы. *Стратегическая Стабильность*, №1, 1998, с.8

¹⁹⁸ Фаличев Олег. Никто другой за нас это не сделает. *Красная Звезда*, 30 июля 1997, с.2

¹⁹⁹ То же

²⁰⁰ Белых Вадим. Зачем нам эта кабала? *Известия*, 18 июля 1997, с.5

²⁰¹ Фаличев Олег. Никто другой за нас это не сделает. *Красная Звезда*, 30 июля 1997, с.2

²⁰² Волков Л. Первые шаги военной реформы. *Стратегическая Стабильность*, №1, 1998, с.8

²⁰³ Сокращение ядерного оружия. Процесс и проблемы. М., 1997, с.23

²⁰⁴ Пояснительная записка к Соглашению между правительством Российской Федерации и правительством Украины о средствах систем предупреждения о ракетном нападении и контроле космического пространства. Эта записка сопровождала договор при его внесении на ратификацию в Госдуму России, записка подписана начальником Генштаба РФ генералом армии Анатолием Квашниным.

²⁰⁵ Радар в Скрунде снимается с дежурства. *Красная Звезда*, 21 августа 1998, с.1

²⁰⁶ Солопов Дмитрий. Спутники-шпоны на сверхсрочной службе. *Коммерсант-Daily*, 18 февраля 1997, с.2. В статье приводится следующая цитата министра обороны: «На орбите сейчас находятся шесть спутников, а должно быть 12».

²⁰⁷ Сокращение ядерного оружия. Процесс и проблемы. М., 1997, с.25

²⁰⁸ Солопов Дмитрий. Спутники-шпоны на сверхсрочной службе. *Коммерсант-Daily*, 18 февраля 1997, с.2

²⁰⁹ То же

²¹⁰ Богатырев Валерий. Российская противоракетная оборона дала трещину. *Коммерсант-Daily*, 15 июля 1998, с.2

²¹¹ Сокращение ядерного оружия. Процесс и проблемы. М., 1997, с.26

²¹² Пресс-конференция главкома РВСН Владимира Яковлева 15 декабря 1998 года.

²¹³ Подробнее об изменениях в этой системе см., например: Pikayev Alexander. Post-Soviet Russian and Ukraine: Who Can Push The Button? *Nonproliferation Review*. Spring-Summer 1994, p.32

²¹⁴ Голотюк Юрий. Система управления ядерными силами России, видимо, изменится. *Сегодня*, 17 декабря 1996, с.2

²¹⁵ Глотюк Юрий. А ну-ка покажи свой чемоданчик. *Русский Телеграф*, 25 августа 1998, с.2

²¹⁶ Pikayev Alexander. Post-Soviet Russian and Ukraine: Who Can Push The Button? *Nonproliferation Review*. Spring-Summer 1994, p.32

²¹⁷ *Ядерный Контроль*, №34-35, октябрь-ноябрь 1997, с.6

²¹⁸ Такую схему описал в цитируемом интервью Владимир Яковлев для РВСН. Автор исходит из того, что схемы действий ЦКП видов ВС при реализации приказа на применение ЯО функционально аналогичны.

²¹⁹ См., например: Фельгенгауэр Павел. Русская мертвая рука раздражает американцев. *Сегодня*, 17 апреля 1996, с.9. А также: Zaloga Steven. Russia's Doomsday Machine. *Jane's Intelligence Review*, №2, 1996

²²⁰ См., например: Коротченко Игорь. Драматические заявления Игоря Родионова возымели действие. *Независимая Газета*, 21 февраля 1997, с.1

²²¹ Фельгенгауэр Павел. Русская мертвая рука раздражает американцев. *Сегодня*, 17 апреля 1996, с.9

²²² См., например: Gertz Bill. Russian renegades pose nuke danger. *Washington Times*, 22 October 1996, p.1

²²³ Девянин Николай. Все случившееся, увы, должно было случиться. *Московские Новости*, 29 января 1995, с.12. Николай Девянин был представлен газетой как «главный конструктор первой модификации чемоданчика».

²²⁴ То же

²²⁵ То же

²²⁶ Литовкин Виктор. Черная казарка наших генералов не напугала. *Известия*, 8 июня 1997, с.3; это же подтверждает и Пояснительная записка к соглашению между правительством РФ и правительством Украины о средствах системы предупреждения о ракетном нападении и контроля космического пространства, составленная в Генштабе.

²²⁷ Девянин Николай. Все случившееся, увы, должно было случиться. *Московские Новости*, 29 января 1995, с.12

²²⁸ Литовкин Виктор. Черная казарка наших генералов не напугала. *Известия*, 8 июня 1997, с.3

²²⁹ Солопов Дмитрий. Спутники-шпоны на сверхсрочной службе. *Коммерсант-Daily*, 18 февраля 1997, с.3

²³⁰ Девянин Николай. Все случившееся, увы, должно было случиться. *Московские Новости*, 29 января 1995, с.12

²³¹ То же

Научные Записки ПИР-Центра №10

²³² Глухов Юрий, Конькова Екатерина. Загадка черного чемоданчика. *Век*, №36, 1996; Литовкин Виктор. Норвежская ракета: реальная угроза или разыгранный спектакль? *Известия*, 28 января 1995, с.1

²³³ Этот случай подробно описан. Сам факт того, что чемоданчики были переведены в обычный режим, предполагает, что в момент их активации дежурным генералом данных для принятия решения было недостаточно.

²³⁴ Литовкин Виктор. Норвежская ракета: реальная угроза или разыгранный спектакль? *Известия*, 28 января 1995, с.1

²³⁵ Коржаков Александр. Борис Ельцин: от рассвета до заката. М., 1997, с.132

²³⁶ То же, с.130

²³⁷ То же, с.162

²³⁸ Сокращение ядерного оружия. Процесс и проблемы. М., 1997, с.23

²³⁹ Геворкян Наталья. Отступать некуда – позади войска. *Коммерсант-Daily*, 18 февраля 1997, с.21

²⁴⁰ Пресс-конференция главкома РВСН Владимира Яковлева, 15 декабря 1998 года.

²⁴¹ Ярынич В.Е. Оценка гарантии. М., 1994, с.49

²⁴² Леушин Ю.В. Роль и значение корабельной артиллерии. *Военная Мысль*, №8-9, 1992, с.49, 50

²⁴³ Колпаков А.М. К вопросу о противолодочных минных заграждениях. *Военная Мысль*, №3, 1991, с.72-75

²⁴⁴ Norris Robert and Arkin William. Nuclear Notebook: Estimated Soviet Nuclear Stockpile (July 1991), *Bulletin of Atomic Scientists*, July/August 1991, p.48

²⁴⁵ Press Conference with Secretary of Defense William Perry, 22 September 1994, *Department of Defense News Release*, №546, 1994

²⁴⁶ Белоус Владимир. Тактическое ядерное оружие в новых геополитических условиях. *Ядерный Контроль*, №14, февраль 1996, с.4

²⁴⁷ Coll Steve, Ottaway David. Rethinking the Bomb. *Washington Post*, 13 April 1995. Авторы пишут, что после выполнения СНВ-2 у каждой из сторон останется 3000–3500 стратегических ЯБЗ, а вместе с ТЯО общее количество – 10000 ЯБЗ.

²⁴⁸ Ядерные вооружения и безопасность России. Под ред. Арбатова А.Г. М., 1997, с.56

²⁴⁹ Handler Joshua. Progress in Nuclear Disarmament and Confidence Building Measures Related to Nuclear weaponry. 4th Pugwash Workshop: The Future of the Nuclear Weapon Complexes of Russia and the USA. Moscow and Snezhinsk/Chelyabinsk-70, 8-14 September 1997, p.7

²⁵⁰ NRD, Nuclear Notebook, Estimated Russian Stockpile, September 1996. *Bulletin of the Atomic Scientists*, September/October 1996, p.63

²⁵¹ Заявление президента СССР по советскому телевидению, 5 сентября 1991. Также см.: SIPRI Yearbook, 1992, pp.85-88

²⁵² Телевизионное заявление президента России, 29 января 1992. Также см.: SIPRI Yearbook, pp.89-92

²⁵³ Handler Joshua. Progress in Nuclear Disarmament and Confidence Building Measures Related to Nuclear weaponry. 4th Pugwash Workshop: The Future of the Nuclear Weapon Complexes of Russia and the USA. Moscow and Snezhinsk/Chelyabinsk-70, 8-14 September 1997

Предполагается, что на вооружении авиации были не только авиабомбы, но еще и КРВБ с дальность до 600 км. Располагалось это вооружение на бомбардировщиках среднего радиуса действия, подчиненных ВВС. Советские истребители-бомбардировщики могли нести только бомбы (не более одной), но, как принято считать, они не использовались в ядерном оснащении. В этой связи не вполне понятно, почему в *открытом* плане упоминаются только бомбы.

²⁵⁴ *Interfax*, 26 сентября 1996

²⁵⁵ Это заявление он сделал, отвечая на вопрос корреспондента журнала *Ядерный Контроль* после закрытых слушаний по инициативам Бориса Ельцина во время визита в Швецию. Запись интервью находится в архиве ПИР-Центра политических исследований в России.

²⁵⁶ *РИА-Новости*, 25 сентября 1997, RIA-Novosti.HotLine.(rus)

²⁵⁷ При этом на складах должны еще храниться БГ противоракет и ТЯО надводных кораблей и многоцелевых подводных лодок, а также ТЯО морской авиации.

²⁵⁸ Об этом заявлял начальник 12 ГУМО Игорь Вальнкин. *РИА-Новости*, 25 сентября 1997, RIA-Novosti.HotLine.(rus)

²⁵⁹ Это следует из официальной позиции о том, что все ЯО РФ находится под контролем президента страны. См., например: Долинин Александр. Ядерный щит по-прежнему прочен и надежен. *Красная Звезда*, 22 февраля 1997, с.1

²⁶⁰ Именно такая посылка лежала в основе *секретного* доклада ЦРУ, опубликованного в *Washington Times*, 22 October 1996, p.1

²⁶¹ Панов В.В. Надежность ракет. М., 1978, с.75

²⁶² Эти сведения были получены от иностранцев, которые учились в конце семидесятых начале – восьмидесятых годов в советских военных училищах. Scott Harriet,

Научные Записки ПИР-Центра №10

Scott William. Soviet Military Doctrine. London, 1988, p.90

²⁶³ Gibson James. The History of the U.S. Nuclear Arsenal. London, 1989, pp.185-187

²⁶⁴ Амиров О. Сокращение нестратегических ядерных вооружений. Россия в поисках стратегии безопасности. М., 1996, с.61-63

²⁶⁵ Интервью главкома РВСН Владимира Яковлева. *Ядерный Контроль*, № 34-35, октябрь-ноябрь 1998, с.6

²⁶⁶ Старухин В., Кузнецов Г. Концепция ядерного сдерживания в современном мире. *Стратегическая Стабильность*, №1, 1998, с.53

²⁶⁷ См., например: Василенко В., Кузнецов Г. Миссия России в обеспечении ядерного паритета в канун третьего тысячелетия. *Стратегическая стабильность*, №1, 1998, с.11. А также интервью главкома РВСН Владимира Яковлева. *Ядерный Контроль*, №34-35, октябрь-ноябрь 1998, с.6

²⁶⁸ Эти данные привел на заседании Экспертно-консультативного совета ПИР-Центра (18 февраля 1998 года) Сергей Кортунов. Кстати, на том же заседании Антон Суриков оспорил такие перспективы роста ВВП, но не поставил под сомнение саму логику определения параметров группировки в зависимости от прогнозов колебания ВВП. Эксперты с различными политическими взглядами в принципе разделяют эту позицию.

²⁶⁹ Хитч Ч., Маккин Р. Военная экономика в ядерный век. М., 1962

²⁷⁰ То же, с.29

²⁷¹ То же, с.192, 193

²⁷² То же, с.196

²⁷³ То же, с.31

²⁷⁴ Цит. по: *The Bulletin of Atomic Scientists*. Vol.52, №5, September/October 1996, pp.17, 18

²⁷⁵ Интервью главкома РВСН Владимира Яковлева. *Ядерный Контроль*, №34-35, октябрь-ноябрь 1998, с.5

²⁷⁶ Ядерная триада России: пути развития. *Красная Звезда*, 11 июля 1998, с.1

²⁷⁷ То же

²⁷⁸ The Offence-Defense Relationship: Past and Future. Remarks by The Honorable Ronald F. Lehman II Lawrence Livermore National Laboratory.

Сотрудники МИД выступали в изданиях МИД со статьями, в которых вполне спокойно высказывались относительно изменений в договоре по ПРО или даже прекращения его действия. См., например: Федяков С. Стратегическая оборона и политические реалии. *Международная Жизнь*, февраль 1992

²⁷⁹ Цит. по: Милованов В. Ядерная безопасность через призму военной

философии. *Стратегическая Стабильность*, №1, 1998, с.70

²⁸⁰ См., например: Евстафьев Д., Кишин С. Новый мир – новые угрозы. *Международная Жизнь*, июнь 1991, с.73. Авторы в этой связи даже используют термин *многополярность угроз*, см. с.67

²⁸¹ Гацко М. Характер и источники внешних угроз военной безопасности России. *Стратегическая Стабильность*, №1, 1998, с.15

²⁸² Савченко В.Я, Письякуков А.С., Васильев С.В. Предотвращение ядерной войны в изменяющемся мире. Методический подход к обоснованию путей обеспечения ядерного сдерживания. *Военная Мысль*, №4, 1994, с.7

²⁸³ То же

²⁸⁴ Клокотов Н.П., Касенков М.М. К вопросу о военной опасности. *Военная Мысль*, №8, 1991, с.6, 7

²⁸⁵ Акулов А. Накормите оборонщиков. Это обойдется дешевле, чем новая ракетно-ядерная гонка. *Сегодня*, 5 апреля 1996, с.5

²⁸⁶ Europe After an American Withdrawal. Economic and Military Issues. Ed. Jane M.O. Sharp. London 1990, p.436

²⁸⁷ Kahn Herman. On thermonuclear war. Princeton, 1961, pp.119, 120

²⁸⁸ Гареев М.А. О военной реформе. *Военная Мысль*, №8, 1991, с.41

²⁸⁹ Payne Keith, Pickett Neil. Vulnerability is not an Adequate Strategy. *Military Review*, October 1981, Vol.LXI, №10, p.67

²⁹⁰ *Itar-Tass*, 26 March 1996

²⁹¹ Интервью с Владимиром Яковлевым. *Ядерный Контроль*, №34-35, сентябрь-октябрь 1997, с.6

²⁹² Сергеев И.Д. Совершенствование боевой готовности РВСН в условиях реализации договора по СНВ. *Военная Мысль*, №6 (ноябрь-декабрь) 1995, с.17

²⁹³ Кирюшин С. США найдут врага и под землей. *Независимое Военное Обозрение*, 14-20 ноября 1997, с.6

²⁹⁴ Воробьев И.Н. Новое оружие – новая тактика. *Военная Мысль*, №2, 1984, с.38

²⁹⁵ Арбатов А.Г., Васильев А.А., Леднев Г.К. Сокращение ядерных вооружений и стратегическая стабильность. Опыт математического моделирования. М., 1987, с.8

²⁹⁶ Зуев Ю., Кузнецов Г. Предупреждение возможному агрессору. *Независимое Военное Обозрение*, 23 марта – 04 апреля 1997, с.1

²⁹⁷ Vardamiras Alex. The Neutron Warhead: Stormy Past, Uncertain Future. *Parameters*, #8, 1978, p.40

Научные Записки ПИР-Центра №10

²⁹⁸ Белоус Владимир. Ядерное оружие третьего поколения. *Военная Мысль*, №11-12, 1991, с.119

²⁹⁹ Кирюшин С. США найдут врага и под землей. *Независимое Военное Обозрение*, 14-20 ноября 1997, с.6

³⁰⁰ Gibson James. The History of the U.S. Nuclear Arsenal. London, 1991, p.186

³⁰¹ Подробнее о принципах *честной* войны и их классификации см.: Carney James. Is It Ever Moral to Push the Button? *Parameters*, #1, March 1988, p.77

³⁰² Cohen Samuel. Whither The Neutron Bomb? A Moral Defense of Nuclear Radiation Weapons. *Parameters*, #11, July 1981, p.19

Некоторые специалисты считают, что не только ядерная война, но и конвенциональная «является преступлением против человечества, а не средством разрешения социальных проблем или урегулирования международных конфликтов». Tinbergen J., Fischer D. Warfare and Welfare: Integrated Security Policy into Socio-Economic Policy. New York, 1987, p.XIII

³⁰³ См., например: Саенко В.Н. Проблема защиты городов страны и концепция открытых зон. *Военная Мысль*, №5, 1991, с.14

Вся абсурдность этих попыток выкристаллизовалась у одного из авторов, который пришел к выводу, что *честная* война с применением ЯО возможна, а через 24 страницы написал, что угроза использования ЯО – это нарушение правил *честной* войны. Kenny Antony. The Logic of Deterrence, pp.23, 47. Получается, что использовать ЯО *честно* в определенных условиях, а вот угрожать его использованием – *не честно*.

³⁰⁴ Например, во время переговоров по ОСВ-1 американцы предложили Договор об урбанизированных территориях (*Urban Treaty*). Dennis Menos. Beyond SALT. *Military Review*, May 1970, Vol.L, №5, pp.92, 93

³⁰⁵ Комментарий Евгения Маслина: «Надо его четко определить, что очень сложно».

³⁰⁶ Эксперты правого крыла американского истеблишмента ставили даже условием ратификации договора СНВ-2 американским Сенатом принятие обязательства администрацией Белого Дома создать общенациональную систему ПРО. Baker Spring (Senior Policy Analyst). Conditions For ratifying Start II. The Heritage Foundation, Committee Brief, №21, 31 October 1995